

Р. О. Исаев

**Авторитет в контексте
современной философии:
смысл, понимание, знание**

Р. О. Исаев

**АВТОРИТЕТ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ:
СМЫСЛ, ПОНИМАНИЕ, ЗНАНИЕ**

Монография

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2020

УДК 1
ББК 87
И85

Рецензенты:

д-р филос. наук, профессор,
профессор кафедры «Философия и медиакоммуникации»
ФГБОУ ВО «Казанский государственный
энергетический университет»

Тайсина Эмилия Анваровна;

д-р филос. наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой
современных проблем философии

ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»

Филатов Владимир Петрович

Исаев Р. О.

**И85 Авторитет в контексте современной философии:
смысл, понимание, знание: монография / Р.О. Исаев. –
Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – 180 с.**

ISBN 978-5-907313-71-2

Монография посвящена весьма актуальной и недостаточно разработанной в философской литературе проблематике. Понятие авторитета в науке анализируется в работе в первую очередь в онтологическом контексте – в структуре воспроизводства знания. Вместе с тем в работе активно используются концепции философии науки, а также средства современной социологии науки. Автор монографии придаёт авторитету функциональный потенциал и задаёт ему важное место в структуре науки: авторитет представлен, с одной стороны, как определённая реальность, в которой отражается опыт участников научных исследований, с другой стороны, авторитет рассматривается не только как набор неких атрибутивных качеств, но и как «механизм», приводящий в движение другие структурные элементы науки.

В представленном исследовании в качестве нового подхода предложено моделирование, которое помещает авторитет в деятельность научного сообщества и предоставляет ему конкретную позицию, связанную с другими.

DOI 10.31483/a-215

ISBN 978-5-907313-71-2

© Исаев Р. О., 2020

© ИД «Среда», оформление, 2020

Оглавление

Предисловие	4
ГЛАВА I. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ АВТОРИТЕТНЫХ СТРУКТУР В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	7
§1.1. Научные сообщества в контексте развития истории науки.....	7
§1.2. Научные школы как образец централизованных структур ...	33
§1.3. Сетевые структуры – реалии информационного мира.....	54
ГЛАВА II. АНАЛИЗ СТРУКТУР РАНЖИРОВАНИЯ АВТОРИТЕТА	71
§2.1. Вертикальные структуры (иерархии)	71
§2.2. Спутниковые системы (спутники).....	96
§2.3. Сконцентрированные единства (ядра).....	111
ГЛАВА III. КОНКУРЕНЦИЯ И БОРЬБА ЗА АВТОРИТЕТ В НАУКЕ	124
§3.1. Противостояние в «открытом доступе» (open assess).....	124
§3.2. Научное открытие и соперничество научных учреждений ..	144
Заключение	153
Список использованных источников и литературы	164

Предисловие

Данная монография является переосмыслением проблемных аспектов, рассмотренных ранее в диссертационной работе «Авторитет в системе воспроизводства знания», которая была защищена мной в 2019 году. Представленное исследование является попыткой вернуться к прежним исследовательским разработкам, но уже с новыми целями и задачами.

С моей точки зрения, в первоначальном (диссертационном) виде социальный контекст исследования авторитета был представлен и описан достаточно подробно, однако методологический инструментарий не получил должного внимания, что постоянно смещало акцент исследования в сторону социальной философии, а не онтологического осмысления избранной проблематики. Под «методологическим» в данном случае имеется в виду не просто совокупность методов философии, а, прежде всего, традиция Московского Методологического Кружка (ММК), связанная с схематизацией смыслов и деятельности. В этом заключается главный, как говорят в современной киноиндустрии, «plot twist» данной монографии. Рассмотрение авторитета в деятельности является той особенностью, которую мы хотим отстоять в данной философской работе. О какой деятельности конкретно идёт речь? Во-первых, это деятельность функционирования, где важнейшим вопросом является воспроизводство (как его обеспечить?). Во-вторых, это деятельность развития, которая особенно важна при кризисных ситуациях, или же моментах, когда рефункционализация является не опцией, а необходимостью. Таким образом, авторитетная единица может быть задействована в процессе развития и функционирования, при чём это может быть вынесено за пределы личностных установок. Как развивается конкретный человек, и что он делает для того, чтобы повысить свой социальный статус – для нас эти вопросы вторичны. Мы оставляем данную область для психологических и социологических исследований, где индивид (или же личность) являются особыми объектами пристального изучения. Для нас же интерес представляет авторитет как та единица, которая находится непосредственно в деятельности.

Авторитет является сложным объектом для рассмотрения в контексте философского исследования, так как изначально требует строгой смысловой дифференциации. Кроме того, в монографии

постоянно приходится «балансировать» между разными типами предметных знаний, а также апеллировать к классическим и современным парадигмам развития научного знания. Такой подход вызван авторской попыткой задать авторитету позицию (или место) внутри научной деятельности. Это второй принципиальный момент представленной работы. В силу объективных жизненных обстоятельств и избранной карьерной траектории, принципы функционирования научного сообщества были доступны мне для изучения непосредственно изнутри. Поэтому авторитет в данной монографии рассматривается по отношению к научной области, где осуществляются процессы, способствующие ретрансляции устоявшихся знаний и развитию новых. Очевидно, что анализировать деятельность в чистом виде просто невозможно. Если мы выберём этот путь, то можем попасть в два цикла. Первый будет связан с анализом норм научной деятельности (правила построения теорий, формулирование гипотез, обеспечение верификационных механизмов и т. д.). В таком ракурсе анализа существует реальный риск заикливания на нормотворческой составляющей (без права доступа к практике). Второй путь предоставляет нам возможность анализа практических форм деятельности в научной сфере (организация работы сотрудников университетов, взаимодействие учёных в научных центрах, принципы взаимоотношений в высшей школе, анализ деятельности конкретных диссертационных советов и т. д.). Возможно, такой вектор исследования может оказаться продуктивным, но, в тоже время, заставляет заиклиться на чисто социологических методах (опрос, наблюдение, контент анализ и т. д.) и получить соответствующие предметные результаты. С нашей точки зрения, «золотой серединой» будет принятие решения о параллельном движении – захватить в анализе идеализацию деятельности (она же «норма») и реализацию (она же «практика»), а далее обеспечить их сопоставление за счёт мышления. Таким образом мы сможем получить новое знание об авторитете, так как норма деятельности и её реализация никогда не идентичны. В этом ключевая особенность социотехнических систем.

Возможно, читателю данной монографии покажется, что мы стремимся к изобретению, или же описанию управленческих технологий в научных сообществах. Такой взгляд был бы очень приятен, потому что авторитетные основания в деятельности чаще всего

рассматриваются как коммунальный аспект функционирования в научных организациях, что, безусловно, печально. Здесь мы подходим к сложному моменту, связанному с тем, что личность и система объективно существуют, но отличает их целеполагание. Одним из центральных заблуждений, с которым мы боремся в данном исследовании, является то, которое приписывает крупным системам («мегамашинам» в понимании Льюиса Мамфорда) – самостоятельное движение и целеустремлённость. При таком взгляде на мир человек становится материалом систем (которые он сам когда-то создал), а роль авторитета и вовсе упраздняется до уровня простого «управленца» в иерархии (его всегда можно заменить). Дело здесь не в отстаивании гуманистических ценностей, а в дифференцированном представлении процессов организации, руководства и управления (ОРУ).

Отдельно необходимо прояснить ряд моментов, связанных с названием данного монографического труда. Любое научное исследование предполагает, как говорил А. Эйнштейн, наличие «титанов», на чьи плечи можно взобраться, чтобы видеть дальше. Философия испокон веков занимается вопросами познания и многие работы мыслителей так, или иначе, соприкасались с проблематикой авторитета по отношению к знанию (а значит и по отношению к деятельности познания, или научной деятельности). Однако необходимо чётко понимать, что критически важно разделять смыслы, привнесённые за счёт представлений, и доступные в культуре взгляды, фиксирующие понимание, а также не забывать о мышлении, обеспечивающим знание. Поэтому проделанная в монографии работа с научной литературой и источниками всегда должна рассматриваться в трёх сегментах: а) это знания, которые прошли апробацию и находятся в «копилке» мировой культуры; б) это понимание – определённый взгляд, или же отношение к знанию (персонифицированное); в) это смысл, имеющий форму представлений (не всегда предметных). С нашей точки зрения, современная философия должна удерживать все три сегмента, для того, чтобы объект не ускользал от её острого взгляда. Таким образом, аналитическая работа с базой источников в данной монографии напоминает деятельность швеи, которая связывает тонкими нитями элементы разных тканей, чтобы создать красивый и удобный костюм. В данном случае, в роли «костюма» выступает стройный инструментарий для дальнейшего исследования.

ГЛАВА I. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ АВТОРИТЕТНЫХ СТРУКТУР В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§1.1. Научные сообщества

в контексте развития истории науки

В самом начале своего оформления в отдельную профессиональную деятельность, наука находилась в интересном положении, которое сейчас (в силу объективных обстоятельств) не так просто представить. Во-первых, ей приходилось бороться за авторитет с уже устоявшимися представлениями и системами знаний. Во-вторых, научная область развивалась неравномерно, на что указывали различные программы, которые позже оформились в предметные действительности, методы, концепции и т. д. Безусловно, логичным в данной связи будет предположить, что первые научные сообщества не были сплочёнными в том смысле, который мы подразумеваем, когда говорим о системной научной кооперации современного образца. Отдельного внимания требует и «веер понятий», связанных с обозначением коллективности людей, заинтересованных в развитии процесса познания. Существенно раньше в языковой оборот попадают такие сочетания как: «научная школа», «республика учёных», «невидимые колледжи». Это, как минимум, позволяет нам сказать о том, что исторически сложилась некая практика воспроизводства знания. Если мы допустим, что данное утверждение верно, то логичным будет предположить, что такое знание обладало авторитетом. Другими словами, перед нами в данном монографическом исследовании стоит задача конкретизации типов авторитета в разных формах функционирования научного знания.

Первые шаги в части практического оформления коллективных форм познания сделали греческие философы. Школа – является первой формой, в которой авторитет присутствует как образующий элемент. В данном случае авторитет – это конкретный философ (Милетская школа, Пифагорейцы, Эпикурейцы, Элейская школа и т. д.). В данном контексте важно понимать, что греческий философ – это учитель и образец, который сам по себе являлся доказательством мудрости. Именно это привлекало на их сторону молодых людей, желающих занять своё свободное время, ведь «schola»

обозначает ещё и досуг. Для Академии это был – Платон, для Ликей – Аристотель, для Стои – Зенон, а для Сада – Эпикур. В данном исследовании мы могли остановиться на роли каждого из вышеназванных философов, чтобы обосновать их значимость, однако это уже было сделано ни раз в рамках истории философии. Авторитет в контексте деятельности мудрецов древности – это особенная характеристика. С социальной точки зрения, школа являлась местом, где уважение философу находило своё отражение через желание узнать (познать) мир, ведь древнегреческие философы не только вопрошали, но и могли ответить. Мы будем правы лишь частично, если скажем, авторитет научной школы – это лидер, или выдающийся способностями человек. Если рассматривать философские школы древней Греции с точки зрения деятельности, то мы обнаружим, что авторитет связан и с умением вести разговор. В данном случае мы не используем оборот «организовать коммуникацию», так как философские дискуссии того времени лишены позиционного наполнения. Последним с лёгкостью может похвастаться любая современная научная школа, которая может быть создана на базе кафедры, университета, научного центра и т. д. ¹ Мы будем правы лишь частично, если скажем, авторитет научной школы – это лидер, или выдающийся способностями человек. Примечательно что для древнего востока также свойственны философские интенции в познании, однако в процессуальном смысле слова восток не переходит на уровень создания школ. Возможно, это связано с тем, что философия на востоке уже в первом тысячелетии до нашей эры попадает в оппозицию к религии. Для Индии в качестве авторитетных структур знаний выступали веды, которые некоторые исследователи сравнивают с мифами ², тем самым проводя параллель между двумя цивилизациями (европейской и восточной). Однако, как нам кажется, это не совсем удачное сравнение, так как структура мифа и религии отлична при детальном рассмотрении. С нашей точки зрения, миф принципиально отличается от религии недосказанностью и тем свободным пространством, которое предоставляется человеку для его дополнения. Возвращаясь к

¹ Ярошевский М.Г. Школы в науке / С.Р. Микулинский, Г. Креб, Г. Штейнер. – М., 1977.

² Кёйпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. – М.: Наука, 1986.

научно-философским школам, следует ещё раз подчеркнуть, что авторитет здесь задан специфическим образом, то есть это не только совокупность объективных заслуг того, или иного философа. Если бы это было так, то каждый знатный человек (вне зависимости от того, как и в какой сфере он приобрёл уважение, известность и прочие почести) в древности должен был образовать школу. Кроме того, мы должны учитывать динамику развития знаний в контексте истории. Ранее мы указали, что «школа» являлась первой формой, включающий в себя авторитет, но написав это мы обязываем себя обосновать различие «школы» и «научной школы», а также определить существенные характеристики авторитетных единиц в них. Это одна из задач, которая будет решена далее.

Следующей формой, которая будет рассмотрена в данном исследовании, будет «*Respublica literaria*» (или «*Republique des Lettres*»). До сих пор достаточно проблематично подобрать удачный эквивалент на русском языке, чтобы передать смысл и значение данного феномена. Во-первых, сам по себе формат республики отсылает к известному диалогу Платона, в котором он рассуждает об идеальном государстве. Другими словами, республика в данном случае рассматривается ни в политическом и географическом смысле слова. Во-вторых, «*literaria*» указывает на творческую интенцию, связанную с трактовкой текстов. Безусловно, в данном случае речь идёт о процессе переписывания и перевода латинских текстов. Изначально таким видом деятельности занимались гильдии писцов (для Франции – это Аррас и Валансьен; для Англии – Лондон). В-третьих, «*lettres*» обозначает формат письма, а значит подразумевает переписку. Таким образом, *respublica literaria* содержала новый принцип взаимодействия, который отличался от философских школ мысли. По своей сути самопровозглашённая «республика» являлась формой коммуникационного взаимодействия, подарившей нам таких учёных как: Г. Галилей, И. Ньютон, Р. Декарт, Б. Паскаль, Б. Спиноза, Р. Бойль, Дж. Локк, Г.В. Лейбниц, Х. Гюйгенс, А. Арно и П. Николь и др. Мы намеренно не будем останавливаться на детальном рассмотрении научных разработок каждого из членов республики. В избранном контексте данная работа заняла бы достаточно объёмное место. Кроме того, она уже

была проделана другими исследователями ³. Если же рассматривать республику с концептуальной точки зрения, то изначально она не предполагала личных встреч. Скорее это была переписка между канцеляриями католических церквей ⁴ по поводу передачи писем и текстов, написанных на латинском языке (образцовом с точки зрения стиля того времени). В *respublica literaria* проблематично выделить конкретного лидера, или безусловного авторитета. Кроме того, это было бы не совсем верно в методологическом смысле слова, так как сам формат переписки предполагал равенство общающихся сторон. Важно учитывать, что грамотность на этапе Средневековья не была доступна широкой массе людей, тем более в аспекте знания нескольких языков. Другим немаловажным моментом является свойственное тому времени развитие городов и становление гильдий – объединений ремесленников и профессионалов своего дела. В этом смысле каждый из членов республики был авторитетен в своей области. Если рассматривать организационный план *respublica*, то ряд исследователей подчёркивал качества Никола-Клода Фабри де Пейреска, называя его главой республики, или «генеральным прокурором», обеспечивающим патронат над республикой в период её рассвета ^{5,6}. На первый взгляд, кажется, что республика не являлась научным сообществом (тем самым *scientific community*) в полном смысле этого слова, так как она не смогла перейти с формы письменного общения на институциональный уровень. С другой стороны, невозможно отрицать ту динамику, которая дала республике для развития типографического дела (развитие издательского Дома «Альда») и становления международных связей между деятелями культуры (Э. Роттердамский, Т. Мор, Дж. Колет, Ф. Аквинский и др.). В частности, такой точки зрения придержи-

³ *Торосян В.Г.* История образования и педагогической мысли. М., 2006.

⁴ *Waquet F.* Qu'est-ce que la République des Lettres? Essai de sémantique historique // Bibliothèque de l'École des chartes. – 1989. – Т. 147. – P. 473–502. – doi:10.3406/bec.1989.450545

⁵ *Cheny A.* Humanisme, esprit scientifique et études byzantines: la bibliothèque de Nicolas-Claude Fabri de Peiresc. – 2010. – №4. – 154 p.

⁶ *van Dixhoorn A., Sutch S.* The Reach of the Republic of Letters. Literary and learned societies in late medieval and early modern Europe. Netherlands: Brill, 2008. – Vol. 168. – P. 1–16.

живается Миллер, указывая на постепенно превращение республики в академии (Италия), салоны учёных (Франция) и общества с политическим уклоном (Германия)⁷. В данном случае мы не будем оспаривать факт исторической динамики развития интеллектуальных сообществ. Примеры подобных переходов известны в истории. Один из них продемонстрировала группа британских исследователей и мыслителей, основанная Элиасом Эшмолом и именовавшая себя «Незримая коллегия» (или, как принято говорить, в современной действительности – «невидимый колледж»). Именно она со временем усложнилась и превратилась в «Лондонское Королевское общество» («The Royal Society of London for the Improvement of Natural Knowledge») – одно из старейших научных обществ мира, которое в настоящее время является реально функционирующим и крайне престижным. Таким образом, переход от неформальных научных объединений к оформленным юридическим и правомочным структурам возможен. Говоря же о таких структурах как Лондонское королевское общество, не составляет никаких трудностей выявить точки бифуркации авторитета. С одной стороны, это можно сделать благодаря иерархической структуре общества, распределяющей властные полномочия между Советом (состоящим из 20–24 членов-представителей), Президентом (избираемым на 5 лет и являющимся де-юре и де-факто главой Королевского Общества) и Постоянными комитетами (штаты сотрудников, содействующих функционированию общества в различных профессиональных сферах его самоопределения). С другой стороны, сообщество на регулярной основе присуждает премии и награды, за счёт которых оно осуществляет оценку научной деятельности учёных, тем самым осуществляя авторитетное признание. Именно в этом случае предоставляется возможность анализа механизмов складывания авторитета. Возвращаясь к *respublica literaria*, следует ещё раз подчеркнуть, что авторитет в ней не закреплялся за конкретным деятелем. Таким образом, следует говорить об авторитете знания, которое содержалось в латинских текстах. В данном монографическом исследовании, мы назвали этот феномен – «авторитет первоисточника», то есть текста, содержащего язык, а значит и связку «смысл-

⁷ Miller P. Peiresc's Europe. Learning and Virtue in the Seventeenth Century. – New Haven, L.: Yale University Press, 2000. – 252 p.

значение-понимание». Перед творческими деятелями эпохи Средневековья стоял комплекс задач, связанных с религиозным (изучение представлений о мире и божественном в нём), творческим (перевод литературных произведений на другие языки) и познавательным аспектами. Таким образом, мы можем увидеть явные отличия философских школ и республики писем. Прежде всего это формат взаимодействия (живые диалоги у школы и переписка в рамках республики), материал (окружающий мир – для философских школ древности; для республики – это тексты-первоисточники) и субъектная вовлеченность (локальная для древних государств; международная в контексте Средневековой Европы).

Одним из традиционных способов актуализации проблематики исследования в рамках монографии является ретроспективный анализ значимых работ, составляющих фундамент исследования. Данная монография не будет исключением, с одной существенной оговоркой. Проблема авторитета и его изучения в рамках структур воспроизводства знаний заключается, прежде всего, в «дающем» социальном контексте. Именно поэтому рассмотренные далее научные разработки и темы будут рассмотрены с критической точки зрения. Итак, значимый вклад в рассмотрение авторитета в научных коллективах внёс польский микробиолог Людвиг Флек, продемонстрировавший, каким образом могут меняться представления учёных в рамках одного и того же направления. Для обоснования своей точки зрения он использовал понятия «мыслительный коллектив» и «стиль мысли»⁸. Согласно позиции вышеназванного учёного, научный факт – это не истина, а идея, которую продвигают заинтересованные субъекты (Л. Флек называет их «агентами»). В свою очередь существует прямая зависимость идей и фактов, а именно: чем популярнее идея, тем сильнее те факты, которые её обосновывают, и наоборот: чем менее популярна, тем слабее кажутся факты в её поддержку. Стиль мысли – это комплекс, предусматривающий правила интеллектуального сотрудничества. Он связан со стандартами и методами, обеспечивающими процедуры присвоения значения словам, определения проблемы и т. д.

⁸ *Fleck L. The Genesis and Development of a Scientific Fact. Chicago, 1979. – P. 38.*

Таким образом, восприятие, открытие и знание не являются индивидуально-психологическими процессами, а интенсивно-социальными (они происходят в процессе социального взаимодействия). Стиль мысли является абсолютно естественным и неоспоримым для тех людей, которые не являются специалистами. Л. Флек объясняет данный феномен тем, что мыслительный стиль поддерживается мыслительным коллективом, который обладают социальными формами. Безусловно идея «стиля» привлекательна с точки зрения процессов социализации, однако автор, к сожалению, не предоставляет типологии стилей и их содержательного отличие друг от друга. В широком смысле слова, стилистическая концепция взаимодействия научного сообщества является утверждением конечного числа возможных сценариев воспроизводства знания (что маловероятно). Кроме того, актуализируется вопрос о цикличности стиля, так как последний не существует в вакууме, а реализуется конкретными учёными, которые, в свою очередь, позаимствовали его у своего наставника, учителя, научного руководителя и т. д. Необходимо отметить, что вышеназванный исследователь даёт специальную квалификацию персоне, вокруг которого формируется мыслительный коллектив, а именно – «творческий ум» («Denkgebilde») ⁹. В каждом мыслительном коллективе Л. Флек выделяет «эзотерический» и «экзотерический» круг. Эзотерический круг включает в себя специалистов, которые обеспечивают понимание и транслирование идей «творческого ума» в социальных системах, и всегда действует только после одобрения экзотерического круга. Таким образом, оба этих круга существуют во взаимодействии. Творческий ум в рамках вышеуказанной концепции выступает в роли авторитета – влиятельной единицей, вокруг которой выстраивается процесс воспроизводства знания. Примечательно, что Л. Флек не стремится к описанию черт таких «творческих умов», а настаивает на том, что его всегда легко определить в рамках истории развития любого сообщества. Возможно это действительно так, если учитывать преимущества ретроспективного метода, однако концепция кругов представляется нам неразработанной, так как она не может быть применена по отношению к перспективе и планированию деятельности. Кроме того, наличие

⁹ Там же. Р. 12.

Denkgebilde в научном коллективе объясняет принцип его (коллектива) функционирования «при жизни», но абсолютно не гарантирует дальнейшую динамику. В данном случае можно привести внушительное количество примеров, когда идеи видоизменялись после смерти творческого ума, а сообщества их поддерживающие и вовсе исчезали. Некоторые исследователи ¹⁰ сравнивают мыслительные коллективы Л. Флека с научными сообществами Т. Куна и приходят к выводу о том, что их концепции сходны, однако это не совсем так. Теория Флека является более проработанной в аспекте стратификации, что содержательно представлено в описании вышеназванных «кругов» и дальнейшем разделении научных коллективов на «сверхнаучные» и «менее научные». В научной работе «Genesis and development of a scientific fact» Л. Флек обнаруживает проблему, которая заключается в том, что в эзотерическом круге происходит критическое упрощение сложных научных концептов. В качестве примера Л. Флек приводит медицинский случай, где патологи, анализирующие ротовой мазок ребёнка, изложат результаты своей деятельности в сложных научных терминах, в то время как матери ребёнка педиатр лаконично сообщит, что её сын болен дифтеритом ¹¹. Подобные ситуации Л. Флек относит к области «популярной науки» (интерпретируемой не экспертами), которая сосуществует с «экспертной наукой». В вышеназванном примере мать ребёнка может начать неправильное лечение, так как её понимание дифтерита основано на прочитанных журналах, советах близких или каких-то распространённых околонуточных мнений. Другими словами, эзотерический круг представлен бесконечным количеством участников, которые в силу объективных обстоятельств изменяют исходные научные концепции, теории, понятия и т.д. Можно предположить, что Л. Флек являлся первым исследователем, который задал направление рассмотрения научных коллекти-

¹⁰ См., напр.: *Peine A. Challenging Incommensurability: What We Can Learn from Ludwik Fleck for the Analysis of Configurational Innovation // Minerva. – 2011. – №4; Mößner N. Thought styles and paradigms—a comparative study of Ludwik Fleck and Thomas S. Kuhn // Studies in History and Philosophy of Science. – 2011. – Vol. 42.*

¹¹ *Fleck L. The Genesis and Development of a Scientific Fact. Chicago, 1979. – P. 27*

вов как высокоспециализированных и квалифицированных субъектов. Слабо проработанным местом в концепции вышеназванного учёного остаётся роль «творческого ума». Если это самая авторитетная единица в сообществе, то существует ли борьба за это место? Если такая борьба имеет место быть, то где находятся потенциальные конкуренты и что необходимы для смены одного творческого ума на другой? Объёмные размышления автора о «стиле мысли», который задан «творческим умом» в коллективе, не позволяют ответить на поставленные вопросы. Можно предположить, что творческий ум обладает формой абсолютной власти, которая поддерживается за счёт функционирования эзотерического и экзотерического круга. В этом смысле взгляды Л. Флека относительно научных коллективов напоминают биологическую теорию.

Когда мы говорим об авторитете, то неминуемо встаёт вопрос о том, каким образом его можно верифицировать, или же подтвердить. В этом случае, можно провести отдалённую параллель с наукой, где истинность знания должна подтверждаться за счёт эксперимента. Данную точку зрения критиковал К. Поппер, предложивший заменить традиционный неопозитивизм критическим рационализмом. Объект, с которым работает данный философ, – это ошибки и опыт, который потенциально может быть обработан человеком как ошибочный. Для лучшего понимания данной идеи, обратимся к небольшому текстовому фрагменту из работы Поппера: *«Это в то же время теория опыта, приписывающая нашим наблюдениям столь же скромную и почти столь же важную роль – роль проверки, способной помочь нам обнаружить ошибки. Несмотря на то, что она подчёркивает нашу способность ошибаться, здесь нет уступки скептицизму, ибо она также подчёркивает тот факт, что знание способно возрасти и наука может прогрессировать – как раз благодаря тому, что мы способны учиться на своих ошибках»*¹². В предложенном контексте нет прямой связи с авторитетом, однако она находится в зоне подразумевания, так как авторитет (в социальном плане) скорее соотносится с минимальным количеством ошибок. Другими словами, Поппер косвенно выступает за либерализм в контексте профессиональной

¹² Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / пер. с англ. – М.: АСТ; Ермак, 2004. – 638 с.

деятельности научного сообщества (а либерализм, как мы знаем, очень настороженно относится к любым формам проявления авторитета). Именно данную интенцию можно обнаружить в наиболее известных работах: «The Open Society and its Enemies», «The Poverty of Historicism», «The Open Universe». Опровержение - элемент, который не потерял ни своей важности со времен Фрэнсиса Бэкона, который обратил на это наше внимание ещё в XVII веке. Мы не всезнающие, а значит наши суждения подвержены ошибкам. Необходимо искать и подтверждать случаи, когда они не обнаружены, в любое время и в любой момент. В данной монографии подход Поппера определённо развивает тематику авторитета, указывая на его способность быть гибким и развивающимся. Конечно, в данном случае речь не идёт о личных качествах человека, а скорее о том методе, который необходимо развивать. С нашей точки зрения, именно здесь и кроется ошибка (как бы иронично это не звучало) самого Карла Поппера. Он попытался возвысить важную, но изолированную посылку до статуса философской системы. Критический рационализм – это не замена индукции, а преувеличенное внимание к отрицательному её элементу. Поэтому в можно предположить, фразу «in science there is no knowledge» следует понимать не только как отрицание абсолютности знания (его авторитета), а как возможность, обнаруженную автором. Возможность сомневаться, искать ошибку, ошибаться, становится более умелым и опытным. Возможно, это возможности научного сообщества и науки в целом (открытость). Таким образом описание «открытых понятий» действительно кажется философским камнем, который так тщательно искал Поппер, но так и не нашёл. Он верно смог ухватить ситуацию, связанную с проблемой понимания большинством людей определенности, однако описав её не смог продвинуться дальше. Вполне возможно, что эту задачу удастся решить в рамках данной монографии и развить метод фальсификации.

Другой исследовательский фронт в избранном контексте представляет Майкл Полани. Несмотря на изначальное позиционирование в рамках физической химии, данный учёный получил свою известность за исследования динамики развития научного знания («личностного знания», как его называем сам автор). С нашей

точки зрения, одним из важных моментов исследований Полани является проработка такого понятия как «научное сообщество»¹³. Правильнее будет сказать, что автор вводит его в научный дискурс, благодаря чему в философии развивается дискурс по поводу концепции рациональности в науке. Следует отметить, что прошло почти 100 лет с момента опубликования основных научных трудов Полани, а его идеи и мысли продолжают оказывать влияние на современных учёных, занимающихся изучением научных сообществ. С чём это связано? Возможно, с тем, что исследователь умело обыгрывает социальную составляющую в деятельности учёного, выдвигая его на авансцену. Полани рассматривает совокупность качеств учёного (объективность, вероятность, порядок, умение, мастерство) как эффективную единицу получения знаний. Каждое из этих качеств является одновременно уникальной характеристикой научного сообщества и некой «ступенью», на которую должен встать учёный на определённом этапе своего развития если он заинтересован в изменении своего статуса и наращивании авторитета. Жизнестойкость оснований автора связана с динамикой мира и высоким уровнем профессионализации, которая в последнее столетия стала ещё более развитой. Рассматривая объективность научного знания, Полани ставит проблему двойственности его восприятия. Научное знание, с точки зрения вышеназванного учёного, (по умолчанию) объективно, так как за ним стоит особая история проб и ошибок, которая не позволяет сомневаться в его истинности. Традиции же в научном сообществе базируются на таких элементах как идеалы, образ жизни, нравы, соглашения и т.п. Согласно позиции Майкла Полани, обучение на примере означает подчинение авторитету. Ученик всегда следует указаниям учителя, даже если не может проверить их необходимость или правильность. Это происходит из-за того, что учитель является безусловным авторитетом для ученика. С другой стороны, Полани утверждает, что наличие таких «слепых» взаимоотношений мешает научному сообществу делать новые открытия. Безусловно, исследования Майкла Полани перенасыщены социологическим духом, который ставит человека-учёного в центр познания, тем самым обеспечивая ему главенствующее место в процессе развития знания. Мы понимаем, что данный

¹³ *Polanyi M. The Contempt of Freedom. London, 1940.*

подход оправдан с точки зрения оппонирования чистой эпистемологии (без субъекта познания), но он же накладывает определённые обязательства, связанные с описанием нормы деятельности учёного. К сожалению, таких интенций в исследованиях вышеуказанного автора нет. «Tacit knowledge» у Полани проблематично отличить от современного «social skills», а значит при рассмотрении личностного знания придётся учитывать всё разнообразие полученных человеком норм, традиций, знаний, умений, взглядов, стереотипов и т. д. Безусловно, авторская концепция явного и неявного знания ставит вопрос об авторитете ребром. Для первого типа знаний авторитет заключён в целостной картине научного предмета (эта идея позже получит своё развитие в рамках работ И. Лакатоса). В этом смысле, научное сообщество лишь воспроизводит знание, обеспечивает процесс его передачи новым участникам. Неявное знание, согласно работам Полани, появляется где-то в коммуникации между учёными, или же в процессе обучения (где именно – не ясно). В целом деятельность учёного в концепции рассматриваемого философа обладает сильной эмоциональной окраской, аргументированной настоящим желанием достичь истины (откуда берётся это желание?). При всех недостатках социологических воззрений Полани, абсурдно отрицать тот плацдарм, который он создал для исследования авторитетного аспекта в науке. Наука – это конкуренция внутреннего авторитета (личностное знание) с внешними системами (научное сообщество). Такое противостояние может проявляться как конфликт (распад научной школы, конкуренция исследовательских программ), или же состояться без такового. Последний сценарий не был подробно рассмотрен Майклом Полани, однако мы предполагаем, что это путь чистого функционирования научного сообщества, где нормы передаются из «поколения в поколение» без критических нововведений и сохранением авторитетных установок. Возможно, именно этот момент является одним из тех, которые упустил из своего исследовательского взгляда Полани. Роль личностных установок в науке фундаментальна важна, однако автор как будто намеренно игнорирует принцип социального противодействия. Личность – это всегда оппозиция, а значит её установки всегда будут сталкиваться с общепринятой системой ценностей и представлений. **Именно поэтому вопрос авторитета принципиально важен для науки, и именно**

поэтому в данной монографии мы разделяем авторитет знания и авторитет по позиции.

Следуя избранному подходу, мы должны проанализировать классический подход связанный с «революционными движениями» в науке, обоснованный Томасом Куном. В рамках отечественных реалий автор знаком научному сообществу благодаря работе «Структура научных революций». Однако мы полагаем, что в данном случае сегментация научного достижения не вполне оправдана. Идеи, которые обосновывает Кун (и то, как они трансформируются), наилучшим образом прослеживаются именно за счёт рассмотрения его авторских разработок в хронологическом порядке¹⁴. Исследователя интересует роль личности (то есть *социальное*) в науке и то, каким образом она может изменять представления и знания в историческом контексте. Данный тезис легко подтвердить, если обратить внимание с какой внимательностью и щепетильностью Кун описывает научную деятельность Коперника. Примечательно, что автору удалось найти наименование для рутинной деятельности учёного, которая может быть и вовсе не связана с научными открытиями («нормальная наука»). Логически продолжая данную мысль, можно утверждать, что для автора наука существует (как минимум) в двух ипостасях: парадигмальная наука и наука открытий и революций. Такие названия даны нами специально, чтобы рассмотреть дихотомию, обнародованную Куном, более подробно. В фундаментальной работе «Структура Научных революций» наука рассматривается как институт, в котором действуют социальные группы (учёные) и организации. Томас Кун анализировал процессы воспроизводства и функционирования че-

¹⁴ *Kuhn T. The Copernican Revolution Planetary Astronomy in the Development of Western Thought. Cambridge Mass: Harvard University Press. – 1992; The Structure of Scientific Revolutions, Chicago: University of Chicago Press (1970, 2nd edition, with postscript); The Essential Tension. Selected Studies in Scientific Tradition and Change, Chicago: University of Chicago Press; Black-Body Theory and the Quantum Discontinuity, Oxford: Clarendon Press (2nd edition, Chicago: University of Chicago Press); The Road Since Structure, edited by James Conant and John Haugeland, Chicago: University of Chicago Press.*

рез «парадигму» – совокупность знаний, методов, образцов решения задач, ценностей, разделяемых научным сообществом¹⁵. Данный автор разделял позицию Полани в отношении роли авторитета в науке, однако не принимал точку зрения о том, что можно и нужно осуществлять критику ведущих учёных. Согласно Куну, научные сообщества не обладают «коллективным мозгом», и поэтому право судить необходимо оставить за авторитетными учёными. Именно они призваны разрешать споры между сторонниками конкурирующих теорий. Майкл Полани и Томас Кун рассматривали науку как профессию, которая предъявляет серьезные требования к своим представителям (наукой должны заниматься не дилетанты, а специалисты). Конечно, следует сказать, что в Куновских работах Вы не обнаружите отдельно проработанных понятий «authority» (или «leader»). Безусловно, автор не может миновать тему авторитета, так как она слишком тесно связана с социальным и гносеологическим аспектом функционирования, однако он, как будто нарочно, смещает акцент в сторону системных представлений (парадигм): *«И ученый и дилетант заимствуют множество своих представлений о творческой научной деятельности из авторитетного источника, который систематически маскирует (отчасти в силу важных функциональных оснований) существование и значение научных революций. Только когда природа этого авторитета осознана и подвергнута анализу, можно надеяться сделать исторический пример в полной мере эффективным»*¹⁶. Ответа вопрос о природе авторитета, к сожалению, мы так и не получим (по крайней мере, в контексте перечисленных ранее работ). Почему? Возможно, рассмотрение авторитета через призму естественного (то есть того, что происходит само по себе – без внешнего воздействия) является заведомо проигрышной тактикой. С другой стороны, подобные интенции к рассмотрению авторитетных единиц являются производными от исторического взгляда на развитие науки и человечества в целом. В связи с этим, можно даже провести идейные параллели между Томасом Куном и Артуром Лавджоем. Увлечённые историей идей (а, возможно, и успеха), ав-

¹⁵ Подр. см.: Кун. Т. Структура научных революций. – М., 1977.

¹⁶ Там же. С. 181.

торы заняты процессом воссоздания порядка действий, стимулирующих открытие в науке. Для Лавджоя такой порядок обусловлен лингвистическим-языковым аспектом¹⁷, в то время как для Куна – парадигмой. Возникает вопрос – кому принадлежит авторитет? Если учёным, то почему он распределяется неравномерно? Если авторитет связан с парадигмой, то каким образом устроен авторитет знания (из чего он складывается)? В данном случае мы вновь сталкиваемся с попыткой трактовать авторитет только через социальные структуры (коллективы, сообщества). В тоже время авторитет знания не может принадлежать личности, а является частью культуры (не имеющей «собственника»). Именно поэтому учёный может видеть на картине силуэты людей и вазу одновременно. Вопрос в том, что он собирается делать с увиденным и как он превратит это в знание? Мы предоставили авторский взгляд на концепцию Томаса Куна, однако следует признать, что исторически сложились и другие «критические группы»: «биологизм» Стивена Тулмина, научно-исследовательские программы Имре Лакатоса, критика парадигмального подхода П. Фейерабенда. Каждая из них будет рассмотрена детальным образом далее.

Содержательно иной подход к парадигмальной концепции представляет Стивен Эделстон Тулмин. Автор рассматривает научные институты и деятельность внутри них через призму борьбы за авторитет и репутацию¹⁸. Он настаивает на том, что внутренняя организация профессии учёного, несмотря на всю внешнюю безупречность, является областью политических действий и потому не лишена лоббирования. В связи с этим, Тулмин выдвигает предположение, что смена парадигм происходит на достаточно устойчивых основаниях. Другими словами, «лакуны» и несоответствия обнаруживаются гораздо чаще, чем происходит научная революция. Последняя – просто результат избыточного скопления подобных несоответствий. Как пишет сам Тулмин, – «Но в таком случае «научная революция» уже не может быть изображена как некий драматический разрыв в течении «нормальной» и консолидирован-

¹⁷ *Lovejoy A.O.* Essays in the History of Ideas. – Johns Hopkins University Press, 2019. – 380 p.

¹⁸ *Тулмин С.* Выдерживает ли критику различение нормальной и революционной науки? // *Философия науки.* – 1999. – Вып. 5.

ной науки; вместо этого она становится просто «единицей изменения» внутри этого процесса»¹⁹. Автору удаётся не только преодолеть абсолютизм, свойственный многим гуманитарным специальностям, но и перевести фокус исследования в область практической реализации деятельности научного сообщества. Поля аргументации – это новый взгляд в контексте рассмотрения авторитета. В определённом смысле слова, авторитет учёного должен быть связан не с парадигматическими основаниями, а с предметным полем коммуникации и взаимодействия²⁰. Оригинальный подход Тулмина принципиально важен для данного исследования, так как он отражает позицию о том, что научная среда уже достаточно сформировалась, чтобы внутри неё происходил «отбор», а качество этого отбора могут гарантировать «обитатели» этой среды, то есть учёные – в широком смысле слова «научные авторитеты». Необходимо подчеркнуть, что в рамках функционирования научной среды можно наблюдать двойственность. С одной стороны, она задана профессионализмом сообществ учёных, а с другой сторона она же является областью политических действий, за счёт которых учёные борются за власть, влияние и репутацию. Исследовательский подход Тулмина интересен с точки зрения структур научной коммуникации, однако именно это и замыкает авторитетные рамки на текстовой составляющей. Данный тезис необходимо пояснить. В широком смысле слова, автор рассматривает модель аргументации в науке, куда должны входить утверждения, основания, улики, аргументы и контраргументы. Так или иначе это приводит нас к более древней, но схожей логико-философской традиции, берущей своё начало в трудах Аристотеля. Существенное отличие здесь заключается в целях философов, так как аристотелевская логика – это принцип поиска истина через построение верного высказывания, а для Тулмина истина интересна только в контексте научного знания и его развития. Обращаясь к формальной логике невозможно определить авторитетную единицу. Работа с текстом высказывания перемещает нас в систему смыслов и значений, которые (на самом

¹⁹ Там же. С. 132.

²⁰ *Toulmin S.E. The Uses of Argument. Cambridge University Press. – 2002. – 247 p.*

деле) уже заранее заданы языком, культурой, стилем коммуникации, образом жизни, профессией и т.д. Таким образом, научное сообщество в рамках одного предмета может договориться о максимальном спектре значений понятия, однако как это должно повлиять на авторитет конкретного учёного, или знания в целом? Отдельно следует указать, что в современных реалиях сложно согласиться с взглядами Тулмина на процесс инновации в науке, а именно её связи с пониманием²¹. Проблема теории автора здесь заключается даже не в том, что сам механизм понимания недостаточно описан, а в том, что оно обладает глобальным качеством. Мы не совсем согласны с тем, что понимание – это универсальный процесс, а научное открытие – это понимание научного сообщества новых путей развития в науке. Даже сейчас, когда наука в большей своей части коллективная, понимание (оно же первенство) может быть отражено в таких формах как «авторство». Последнее может быть гарантировано, например, правом. В связи с этим, маловероятно, что инновация в науке связана только лишь с пониманием, так как социальная реализация (она же «практическая») нового знания – это сложный и длительный процесс. Кроме того, без описания механизма понимания мы рискуем перейти к строго абстрактному дискурсу, или к формальной логике понятий и терминов.

Альтернативный взгляд на концепции Куна представляет – Имре Лакатос. Стремясь обосновать главенство логики, а не психологии при научных открытиях, он разрабатывает концепцию научно-исследовательских программ, получившую обоснование в работе «Фальсификация и методология научных исследовательских программ»²². Несмотря на то, что Лакатос, как и Поппер, придерживался критического метода при рассмотрении любого полученного научного результата он утверждал, что он не должен сводиться только лишь к требованию безжалостной фальсификации²³. Противоречия, обратные теории и сомнения далеко не всегда мо-

²¹ Тулмин С. Концептуальные революции в науке // Структура и развитие науки. Из бостонских исследований по философии науки. – М.: Прогресс, 1978 – С. 170–189.

²² Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М., 1995.

²³ Там же. С. 26.

тивируют учёных отказываться от своих теории и взглядов. Лакатос показал, что научное сообщество должно выбирать исследовательскую программу исходя из принципов рациональности и логики. В связи с этим повышенное внимание необходимо уделять не критериям фальсификации (как опровергнуть то, или иное знание), а чёткой структуре исследовательской программе. Только в этом случае учёный сможет обладать структурой, к которой он обратится в случае сомнения, или же получения нового знания. Рассматривая роль авторитета в науке, вышеназванный учёный приводит пример того, как Н. Бор выступал в защиту новой квантовой механики Гейзенберга. С точки зрения И. Лакатоса от позора и научного провала Н. Бора спасло только то естественное течение науки и недостаточные научные достижения тех, кто противопоставлялся Бору²⁴. Примечательно, что в современных реалиях такие сценарии воспроизводятся с завидной постоянностью, так как глобализация ещё больше укрепила авторитет многих учёных. Можно предположить, что И. Лакатос таким образом обсуждает риски, которым подвержена деятельность авторитетного учёного. Власть имени, которую складывает учёный на протяжении всей своей жизни, может в миг ослабнуть, если это имя будет находиться в ряду с теми, кто предоставил для науки слабый содержательный материал. Более того, такой взгляд актуален на данный момент из-за развития различных метрических систем в науке. Количество цитирований, уровень публикаций, индекс Хирша – всё это показатели, которые определённым образом указывают на авторитет учёного. При знакомстве с работами И. Лакатоса, хочется отметить его схематичный подход к методике работы. Создание схемы позволяет осуществлять процедуру отнесения, благодаря которой открываются возможности анализировать деятельность. Нет смысла спорить, что авторская схематизация, в первую очередь, была направлена на создание некоего образа защищённости научного знания (ядро, отрицательная и положительная эвристика). Можно ли утверждать, что оно устроено именно таким образом? С одной стороны, да (хотя сам Лакатос не называет своё

²⁴ *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М., 1995. – С. 286.

изображение структуры научно-исследовательских программ схемой объекта). С другой стороны, схематизация автора лишена изображений процессов, а также не содержит структурных мест, отражающих (хотя бы частично) взаимодействие внутри научных структур. Высокая рациональность, которую аргументирует автор, выражена в научных программах и с этим сложно поспорить. Вопрос, каким образом трансформируется рационализация при реализации данных программ? Для Куна смена парадигм заканчивается сменой учёных элит. Для Тулмина новое знание получает закрепление в языке и за счёт этого учёный расширяет своё понимание предмета. В концепции Лакатоса всё выглядит достаточно естественно – одни программы смеют другие, когда соблюдены все требования. Мы же настаиваем на том, что развитие научного знания – это социотехнический процесс. Несмотря на различие подходов Т. Куна и И. Лакатоса, можно зафиксировать определённое сходство их позиций. Во-первых, оба исследователя делают акцент на истории науки как на эмпирический базис методологии. Во-вторых, и Лакатос, и Кун интерпретируют развитие научного знания не как упрощённое накопление фактов и теорий, а как последовательную и кардинальную трансформацию образцов и идеалов науки, то есть её «облика». В-третьих, в научных работах названных выше учёных наблюдается отказ от строгой демаркации по принципу «наука» и «не наука», а также признание значимости социокультурных факторов в смене научных представлений.

В данном исследовании необходимо отметить деятельность одного из самых известных критиков парадигмального подхода П. Фейерабенда, который придерживался точки зрения о том, что вышеназванному подходу нет места в науке. В отличие от Куна, данный исследователь считает, что логика и принципы, заложенные в парадигму, не помогают, а, наоборот, сковывают учёного, лишая его возможности на свободную мысль и предположение²⁵. В истории философии его концепция получила название «эпистемологический анархизм». Для иллюстрации её сути приводим цитату самого П. Фейерабенда: «...Анархизм, быть может, и не самая по

²⁵ Фейерабэнд П. Избранные труды по методологии науки. – М., 1986. – С. 156.

привлекательная политическая философия, он, безусловно, необходим как эпистемологии, так и философии науки»²⁶. Позиция Фейерабенда логически вытекает из критики двух аспектов, относящихся к истории науки, а именно: несоизмеримости и пролиферации. Автор приходит к тому же выводу, что и Кун, говоря о том, что элементы старой научной теории не всегда являются условиями для создания новой. В таком случае, если старая теория не входит в новую, то научный язык, который используется для описания новых фактов или результатов отличен (как минимум) по значению от языка старых (устаревших) теорий. Следуя этой логике, Фейерабэнд говорит о смене принципа «инвариантности значений» на принцип «несоизмеримости теорий». То есть не существует определенных однозначных логических и эмпирических критериев, которые могут быть использованы научным сообществом для непредвзятой оценки конкурирующих теорий или в качестве аргументации своего выбора «за», или «против». Несмотря на анархичность своей позиции, привлечение работ данного автор в монографии необходимы, так как анархия является и отрицанием авторитета. «Против метода» в этом смысле слова является манифестом производственной науке, которую перестали интересовать вопросы познания. Примечательно, что сам исследователь не переходит в чисто социальный аспект и не пытается критиковать современных учёных за их профессиональную этику. Как нам кажется, в работах Фейерабенда обнаруживается уникальная критика научных методологий. Конечно, автор не предлагает исчерпывающую информацию о том, как отличать лживые теории от истинных и наоборот (именно за это и становится объектом для критики), но утверждает право каждого человека на развитие науки. Научные разработки вышеуказанного исследователя включают в себя критические размышления о том, что такое авторитет и авторитетное знание. Резюмируя позицию П. Фейерабенда, авторитет учёных влияет на их последователей с огромной силой (подобно тому, как мифы влияли на тех, кто в них верил). В этом смысле, автор ставит проблему отделения науки от государства и видит корень зла в системах воспроизводства знания (школах, университетах и т. д), ко-

²⁶ Там же. С. 169.

торые фундированы государственными основаниями и политическими мотивами. Безусловно, концепция свободного знания и науки выглядит несколько утопично, особенно в современном мире, который тесно связан системными процессами экономики, экологии, политики и т. д. Важно учитывать и те исторические обстоятельства, в которых жил и творил вышеназванный учёный. Периоды мировых войн – это специфический для науки этап, в котором главную роль занимали передовые разработки для фронта, а финансирование и контроль осуществлялось за счёт государства. Сейчас мы абсолютно точно можем утверждать, что мотивы многих учёных (особенно в технических дисциплинах) и политиков прошлого столетия разнились. Несмотря на то, что времена холодной войны позади, наука всё равно обладает производственным характером и рассматривается как таковая. Это легко доказывается и популярностью таких личностей как Стив Джобс, Билл Гейтс, Марк Цукерберг, Илон Маск и др. Для современного человека это «создатели», то есть те, чьи разработки получили распространение (не только в научном сообществе). Таким образом, современный учёный уже освоил принцип «anything goes», но актуальным в этой связи остаётся вопрос о том, что происходит далее? Анархия непостоянна – это промежуточное состояние необходимо для переоценки, изменения. На стороне этого высказывания тысячи лет развития, указывающие на то, что человек стремится к системности и упорядоченности (пусть даже временной). Научные авторитеты тоже должны переживать этап «свержения», однако мы не согласны с точкой зрения Фейерабенда о том, что этого можно добиться за счёт отделения науки от других сфер деятельности. Кроме того, такие этапы должны быть реализованы не в буквальном смысле слова, а за счёт новых педагогических технологий и развитии средств мышления и понимания. В таком случае наука будет гарантирована от влияния внешних авторитетов и сможет им противопоставляться.

Интересную и актуальную тему в русле практического рассмотрения авторитета в науке предлагает Роберт Мёртон. В данной монографии мы рассматриваем преимущественно одну из его исследовательских работ – «Эффект Матфея в науке, II. Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности». Автор

подчёркивает, что в научном мире существует феномен неравномерного распределения преимуществ (или, как его называет сам Мёртон, «эффект Матфея»). Смысл данной метафоры заключается в том, что ученые готовы преувеличивать достижения собственных коллег, пользующихся признанием благодаря прежним заслугам, а достижения ученых, еще не получивших должной известности, они, как правило, преуменьшают (или не признают вовсе²⁷). Для того чтобы убедиться, насколько неравномерно распределяются преимущества в научной среде, Мёртон выделяет три критерия, которые являются показательными:

- а) общее количество научных публикаций;
- б) соотношение между количеством учёных и количеством научных публикаций в рамках одного научного направления;
- в) уровень цитируемости научных работ²⁸.

Примечательно, что данные критерии до сих являются достаточно весомыми, если речь идёт об оценке деятельности учёного, или же сотрудника высшего учебного заведения. Российская Федерация, например, в рамках национального проекта «Наука» выделяет научные публикации как один из показателей, который необходимо увеличить, чтобы появилась возможность выхода на международный уровень²⁹. Не говоря уже о том, что в большинстве продвинутых университетов действует система рейтинга преподавателя, где научная деятельность и публикации являются неотъемлемой частью оценки эффективности преподавательских контрактов. Возвращаясь к концепции Мёртона, следует сказать, что авторитет отдельного научного исследования напрямую зависит от уровня цитирования научных трудов учёного, что, в свою очередь, напрямую связано с его авторитетом и статусом в научном мире. Формирование этого статуса дело рук не только самого учёного, но и начинающих исследователей, которые с воодушевлением цитируют известных деятелей науки, закрепляя тем самым их статус и

²⁷ Мертон Р.К. Эффект Матфея в науке, II. Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. – 1993. – №3.

²⁸ Мёртон Р.К. Наука и социальный порядок // Вопросы социальной теории. – 2007. – №1. – С. 202.

²⁹ Паспорт нац. проекта «Наука» // Официальный сайт Правительства РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/info/35565/>

не позволяя выйти на научную авансцену более скромным исследователям. Таким образом, учёный, уже сделавший себе имя в науке, способен гораздо проще легитимировать новые идеи. Как же выйти из этого положения? Одним из наиболее простых решений является соавторство. Соответственно, на первых этапах своей научной карьеры молодым специалистам желательно публиковаться совместно с профессионалами, которые уже обладают научным авторитетом. Кроме того, научные публикации нередко имеют несколько авторов, вклад которых в работу может быть неодинаковым. Если творческий вклад одного из авторов не подлежит однозначной квалификации, то получается, что его научный авторитет возникает и развивается за счет достижений другого и, по сути, является ложным. Конечно, Мёртон прав, когда избирает в качестве объекта исследования научные сообщества и сферу научного производства. В целом словосочетание «научное производство» звучит достаточно странно и когда я пишу это, то создаётся впечатление, что мы уже осуществили перевод науки в производящую силу (наравне с ТНК и другими бизнес структурами). Возможно, это не совсем верно, так как производство всегда рассматривается в контексте создания продукта, а каков продукт науки? Если знание, то мы должны достаточно чётко представлять «цепочку производства», а также рассматривать возможности их воспроизводства в любом месте (как говорится – «на любом материале»). Однако наука развивается неравномерно, а открытие нового знания и вовсе не простой процесс. В работе Мёртона можно также обнаружить параллели между наукой и производством, так как сфера публикации в современном контексте карьеры учёного важный процесс и он, заметим, как раз обладает производственными характеристиками. В работах автора часто можно заметить апелляцию к этике, особенно при описании качеств учёного, свойственных (с авторской точки зрения) профессионалам в своём деле. Конечно, «Эффект Матфея», строго говоря, феномен социологического характера, однако он не универсален. Несмотря на глобальность мира и информационные технологии, накопление преимуществ тесно связано с темпами и уровнем развитием научной сферы. Эти показатели, увы, не универсальны и разнятся от региона к региону. Цитируемость, например, должна учитываться в языковом контексте, так как не все представители научного сообщества публикуют свои

работы на английском языке. Такая проблема до сих пор актуальна для России, где большинство фундаментальных трудов передовых теоретиков так и не переведено на английский язык, несмотря на грандиозный уровень цитирования на родине. В такую проблемную ситуацию попали многие советские профессора и, если им достаточно локального авторитетного признания (на кафедре, в университете, городе, федеральном округе, или даже стране), то их ученики будут неминуемо стремиться к признанию в мире, а значит столкнутся с ситуацией, где их учителя не знает мировое научное сообщество. Встаёт вопрос, а нужно ли тогда заниматься популяризацией идей и исследований своего научного руководителя? Если да, то получится ли выйти из тени бесконечного цитирования и интерпретирования (и как преодолеть желание присвоить себе чужие результаты, выдав их за свои)? Является ли соавторство верным способом создания собственного статуса? Эти и другие вопросы возникают по ходу знакомства с «Эффектом Матфея». С моей точки зрения, можно рассматривать избранную Мёртоном проблематику, как попытку создания новых программ для социологии и педагогики. Если предположить, что наука всё-таки является процессом производственным (хотя правильнее будет сказать – «функциональным»), то имеет смысл выделить структуры, отвечающие за воспроизводство кадров и постараться выделить там нормы деятельности. В противном случае, придётся постоянно анализировать некоторый ситуационный план, где старшие коллеги лоббируя свой авторитет, мешают росту популярности тех, кто мог бы привнести в науку новое знание. Безусловно, тема борьбы за авторитет в научном сообществе интересна, однако вопрос об определении авторитета остаётся загадочным в контексте работ Роберта Мёртона. Наукометрические показатели не отражают реального вклада в науку, а соавторство не позволяет «разделять» авторитет. Скорее это просто феномены научного взаимодействия, феномены – потому что не имеют объяснения вне социологического контекста, по крайней мере пока.

В контексте данного исследования нельзя не отметить вклад известного французского социолога и философа Пьера Бурдьё, который рассматривал общество как специфическое пространство. Вы-

шеназванный автор вводит в оборот понятие «социальное пространство» и описывает входящие в него «поля»³⁰. Внутри таких полей ведётся борьба за «капитал» среди различных «агентов» (в контексте данного исследования агентами выступают учёные, исследователи, научные работники в организациях и пр.). Сам «капитал» находится внутри каждого конкретного поля и не всегда может переноситься из одного в другое. Для лучшего понимания данной мысли можно ограничиться одним примером. Студент, окончивший Оксфордский университет, обладает определённым статусом и авторитетом в рамках учебно-образовательной системы Великобритании и Европы в целом. Однако будет ли он обладать тем же статусом, если захочет преподавать в университетах ЮАР? Естественно, нет, так как он покинет «поле», которое образует сама Болонская система, университеты, преподаватели, студенты и другие «агенты» научного поля. Безусловно, необходимо чётко понимать, что студент из данного примера не теряет компетенций при смене геолокации, однако само научное поле научного мира ЮАР отличается от научного поля Европейских стран, а значит и отличаются «капиталы» названных выше «полей». Ценность научных разработок П. Бурдьё заключается в том, что он представляет научное сообщество в его максимальном масштабе и утверждает, что, несмотря на многие схожие характеристики, сообщества всё же отличны друг от друга, но эти отличия возможно обнаружить, только если понимать структуру «полей» и их взаимосвязь. Примечательно, что и сам автор находится в определённом «авторитетном поле», что легко можно проследить за счёт анализа категорий и понятий, используемых им в исследованиях. Наблюдается преемственность при рассмотрении объективных показателей социальных доминант (М. Вебер), человеческого капитала (вероятно влияние работ К. Маркса), модальностей и типов рациональности (Э. Дюркгейм), опыта познания предшествующего языку (Э. Гуссерль), нормативной организации коммуникации (Л. Витгенштейн). Удалось ли автору преодолеть данные поля? Однозначно, да. Однако принципиально сложным остаётся вопрос о признании в системном смысле слова. Именно в этом мысленном фрагменте

³⁰ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. – М., 2005.

автор не смог выйти за пределы категориальной пары «система-индивид». Для Бурдьё процесс создания смысла не принадлежит человеку, а ретранслируется социальными структурами (содержит внутри себя смыслы по умолчанию), которые наполняют этот мир. Некоторые исследователи³¹ традиционно считают, что взгляды автора отличны от, например, от Хайдеггера в части идей о наполненности жизни смыслами и это является серьёзным преимуществом. С этим сложно не согласиться, однако, если мир для Хайдеггера, Вебера и Сартра бессмысленный по определению (и авторы даже не пытаются претендовать на обратное), то мир Бурдьё осмыслен социальными структурами, но что это меняет? В современном миропорядке социальные структуры крайне разнообразны, но это не позволяет говорить о естественном складывании механизма смысла образования. Всё также актуален вопрос о том, кому принадлежит смысл? В контексте данного исследования можно переформулировать вопрос и уточнить, кому может принадлежать авторитет и как он связан с смыслом?

Резюмируя вышесказанное, отметим, что назначение данного параграфа, с одной стороны, это попытка автора соединить воедино разных теоретиков развития знания и обратить внимание, что тематика авторитета связана с развитием коллективности в науке. С другой стороны, содержательное наполнение данного параграфа указывает на определённую преемственность, или же ссылку на авторитет. Как Вы можете видеть, крайне проблематично создавать новое знание, не опираясь на предыдущие исследовательские достижения в области культуры науки. В данном случае мы постарались соблюсти должный баланс между классическим библиографическим описанием и интерпретацией идей, понимая их положительные и отрицательные характеристики. На первый взгляд может показаться, что обращение к широкому кругу источников – это неотъемлемый шаг, предпринимаемый учёным для иллюстрации своей осведомлённости (поиск тех самых «sholders of Giants» для опоры). Однако в данном случае была предпринята попытка критики абстрактного и социального подхода в

³¹ *Peters G. The Social as Heaven and Hell: Pierre Bourdieu's Philosophical Anthropology // Journal for the Theory of Social Behaviour. –2012. – Vol. 42. – № 1. – P. 63–86.*

рассмотрении деятельности научного сообщества (данный метод будет применён и далее по тексту). Переход к деятельности и её анализу – это тот необходимый шаг, который не смогли сделать в полной мере рассмотренные выше учёные. Прежде всего, это не указание на несостоятельность, а обнаружение целой комплексной сферы. Когда мы говорим о деятельности, то необходимо определить конкретно какова она и к какому типу относится.

§1.2. Научные школы как образец централизованных структур

Достаточно интересным моментом в рамках данной работы является динамика словоупотребления конструкций, обозначающих сплоченность коллективов в науке. В частности, в контексте развития отечественной науки Вы, скорее всего, гораздо чаще сможете найти статьи, посвящённые научным школам, коллективам, кружкам, нежели сообществам. Возможно, сказывается советская научная традиция мысли, представленная известными учёными (Г.М. Добров, Е.З. Мирская, Г.Г. Дюментон, М.Г. Ярошевский). Вышеназванные учёные ставили проблемы идентификации научных школ, а также рассматривали критерии формирования авторитета в рамках деятельности учёных в таких школах. Таким образом, возникает вопрос – чем является научная школа и каковы её особенности? Наиболее известное определение школ дал М.Г. Ярошевский: «Термин «школа при всей своей неопределенности означает, по общепринятому мнению, историков, во-первых, единство обучения творчеству и процесса исследования, во-вторых, позицию, которой придерживается одна группа ученых в отношении других»³². Кроме того, Ярошевский одним из первых отечественных исследователей описал типологию научных школ, выделив следующие их формы: научно-образовательная школа, школа как направление (приобретающее при определенных социально-исторических условиях национальный характер), школа как исследовательский коллектив. Примечательно, что данный автор определяет возможности учёного в научных школах как перспективные, благодаря тому, что только в данной форме профессиональной кооперации возможно накопление репутации и личного авторитета.

³² *Ярошевский М.Г.* Школы в науке / С.Р. Микулинский, Г. Креб, Г. Штейнер. – М., 1977. – С. 147.

С точки зрения автора, любая форма научной школы развивается и разрастается, что приводит к тому, что появляется необходимость её в контроле и регламентировании. Данная задача может быть по силам только признанному учёному в научной школе (обладающему большим стажем, уровнем доверия коллег и пр.). К сожалению «особый путь русской науки» так и не был описан автором в той мере, чтобы сейчас проследить верность, или опрометчивость его гипотезы. Свойственный Ярошевскому психологизм сказывается и в терминологическом плане его работ, и в данном случае это скорее критика, а не комплимент. В попытках обосновать «оппонентный круг» через онтогенез и филогенез, исследователь приходит к размышлениям о психологии научного знания, что, естественно, неминуемо приводит к концепции коллективного разума. Особенно спорными идеи детерминации научной логики над индивидуальным сознанием учёного выглядят сейчас, хотя бы потому, что этих логик, вероятно, несколько. Отчасти можно согласиться с автором в плане существования социального влияния на учёного, однако творческие интенции (особенно в науке), приводящие его к открытию, никак не могут лоббироваться обществом. Для автора культура постоянно привязана к человеку и процессу воспроизводства деятельности и, несмотря на любовь к философии, Ярошевский не считает нужным в своих исследованиях дифференцировать процессы научного производства знания и науку (отдельно). Именно из-за этого смещения наука превращается в коллективный разум, который может влиять на научные школы и учёных в них. Конечно, в данном критическом ракурсе необходимо не забывать о политическом и идейном поле, в котором жил и творил автор. Фактически, в СССР сложилась особенная предметная отрасль («науковедение»), ставившая в то время перспективные задачи изучения деятельности сообществ и науки в целом. К сожалению, данное направление сейчас почти не развивается по объективным причинам, одной из которых является конкуренция исследовательских программ. Науковедение сейчас превратилось в наукометрию, где за счёт методов статистики собирается общая информация по научной деятельности и выражается в средствах разных баз данных. Конечно же, эти данные сами по себе не дают никакой ясности, потому что для сбора информации необходимы одни методологиче-

ские системы, для анализа другие, а для построения нормы деятельности третьи. В этой связи приходится констатировать, что коллективный разум (представленной советской идеологией) проиграл войну на поле науки, но для самоопределения учёного и создания своего собственного авторитета (статуса) это прекрасные стартовые условия.

Другое крыло советской традиции науковедения представляют Г.А. Несветаилова и Е.З. Мирская, рассматривавшие вопрос долговечности научных школ³³. Раскрывая данную проблематику, необходимо отметить, что научные школы возникают вокруг лидера – учёного, который смог систематизировать свои достижения в определённой тематической области и имеющий интенцию к их трансляции. Вышеназванные авторы рассматривают лидера в качестве субъекта, обладающего властью и задающего направление для всей школы. Логичным будет предположить, что «срок жизни» школы напрямую связан со сроком жизни лидера. В таком случае возникает вопрос о сменяемости власти в научной школе, а именно: возможна ли она? Если да, то происходящее в школе далее можно описать как «политический сдвиг», или «сдвиг элит». Проводимая в данном случае аллюзия к политике вызвана тем, что за время жизни лидера вокруг него складывается коллектив, который поддерживает и разделяет его научные взгляды и подход к науке. В этом смысле он является избранником школы (точно так же, как и президент страны, или мэр города). Лидер является аккумулярующим элементом школы и его основной задачей является складывание механизма воспроизводства и развития знания. Вышеуказанные авторы часто проводят параллель между уровнем доверия и статусом учёного в «школе», подчёркивая при этом роль властных взаимоотношений в коллективе. Подобные попытки «схватить» сущность понятия наводят на мысль, что такие школы существовали как инструмент мобилизации учёных и отличались от стандартных научных коллективов большей сплочённостью и «единым духом». Другими словами, научные коллективы складывались благодаря «естественному» процессу воспроизводства учёных в высших учебных

³³ См., напр.: *Несветаилов Г.А.* Жизненный цикл научного направления и интенсификация фундаментальных исследований // Вестник АН СССР. – 1987. – №4; *Мирская Е.З.* Старение научного знания // Новые научные направления и общество. – 1983. – №4.

заведениях, а научные школы создавались вокруг личности – конкретного «лидера» научной школы. Постепенно к середине 1990-х годов научные школы начинают рассматриваться в контексте взаимодействия с институциональными системами, а самое понятие «научная школа» приравнивали к организационным формам внутри университетов. Далее формулировка «научная школа» появляется в юридических документах, таких как, например: постановление «О государственной поддержке ведущих научных школ РФ» 1995 года «О грантах Президента Российской Федерации для поддержки научных исследований молодых российских учёных – докторов наук и государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации» 1996 года и др. Несмотря на это, чётко сформулированное определение термина «научная школа» появляется только в Постановлении Правительства Российской Федерации от 27 апреля 2005 года: «Ведущей научной школой Российской Федерации считается сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению и объединённых совместной научной деятельностью. Указанный коллектив должен осуществлять подготовку научных кадров, иметь в своём составе руководителя, а также молодых (до 35 лет) исследователей»³⁴. Некоторые специалисты в области изучения научных школ (в частности, И. Дежина и С. Егерев) заявляют о том, что данное определение не внесло должной ясности и в целом любой научный коллектив можно идентифицировать как научную школу. Безусловно, мы можем сказать, что тенденция изучения научных школ не пресекается девяностыми годами прошлого столетия, однако распад СССР затронул многие области жизни, в том числе и науку (что сказалось на временной потере связей между участниками научных коллективов, исследовавших данную проблематику). Несмотря на то, что науковедческая школа представлена достаточно широко (Ю.И. Неймарк, А.Н. Тихонов, Г.Л. Ильин, Э.С. Зимин, Д. Сапрыкин, Е.З. Мирская и др.) единого концептуального взгляда на то, что из себя представляют научные

³⁴ Постановление Правительства РФ от 27 апреля 2005 г. №260 «О мерах по государственной поддержке молодых российских ученых – кандидатов наук и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации».

школы, нет. Далее мы постараемся детально рассмотреть критерии, которые могут содержательно раскрыть тему авторитета (найти ему место внутри «научной школы»).

Итак, если мы вернёмся на 20 лет назад, то сможем констатировать факт формирования программ и научных фондов сложивших благоприятную ситуацию для исследования научных школ в России. Естественно, что первичным являлся вопрос о классификации научных школ и способе их идентификации. В работе «Научные школы: принципы классификации»³⁵ О. Грезнева справляется с данной задачей, с нашей точки зрения, удачнее всех. Обратимся к данной классификации и попробуем проинтерпретировать её с позиции современной науки:

1. Классификация по виду связей между членами научной школы. Здесь автор различает «научное течение», «научную группировку» и «невидимые колледжи»³⁶. Группировка устроена классическим образом – в ней обязательно есть лидер (опытный и / или харизматичный учёный) и его окружение, которое взаимодействует с ним в надежде перенять его опыт и обучиться уникальным знаниям. Для научного течения же роль личности не столько важна, так как в течении уже содержится парадигма, которой придерживаются последователи данного течения. Интересно, что автор не говорит о том, что научная группировка в ходе своей деятельности не может стать течением (как это было, например, с Московским Методологическим Кружком, который превратился в целую традицию мышления с собственным метод. аппаратом). Промежуточной формой между научной группировкой и течением, с точки зрения Грезневой, является «невидимые колледжи». Здесь автор апеллирует к концепции Д. Прайса, где невидимые колледжи заданы как группа людей, изучающих какую-либо проблему, но не имеющая организационной формы³⁷. Слабое место классификации по связям, на наш взгляд, это отсутствие средств анализа невертикальных отношений (то есть тех, которые не заданы иерархично). Действительно сложно представить, каким образом анализировать

³⁵ Грезнева О. Научные школы: принципы классификации // Высшее образование в России. – 2004. – №5.

³⁶ Там же. С. 257–269.

³⁷ Price D.J. de S. Science since Babylon. Yale University Press, 1961.

социальные структуры, которые не проявляют себя? Каковы в таком случае связи (дружеские, партнёрские, родственные)? С одной стороны, мы принимаем авторский метод, который заключается в том, чтобы за счёт словесных обозначений (группировка, колледж, течение) «схватить» суть функционирования научных сообществ. С другой стороны, такие обозначения приводят нас к широкому кругу аналогий и коннотаций, а значит требуют большей понятийной проработки.

2. Классификация по статусу научной идеи. В данном разделе Грезнева разделяет школы на «экспериментальные» и «теоретические» и утверждает, что в рамках деятельности научных школ возможно не только использование полученных результатов, но и заимствование методов и проблемных ситуаций, полученных в рамках использования этих методов. Статус научной идеи напрямую задан тем авторитетом, который культивируется в рамках научной школы. В данном случае сама по себе идейная часть научной школы – это её ядро-сердцевина и в идеалистическом смысле слова – это бесспорно важнейший элемент в любом сообществе. Однако идейный план совсем не прост в анализе даже для философии. Конечно, здесь можно говорить об идее, выраженной в профессиональном языке, тогда она будет находится в теории, или же гипотезе. Но если мы анализируем идею в связки с личностью, то придётся обращаться к двойному (а может быть и тройному) существованию идеи. Во-первых, идея сама по себе (как движущая сила для самого её носителя). Во-вторых, идея в организационном плане, то есть та, которая непосредственно воплощается в деятельности (реализация). В-третьих, идея как идеальное, или «идея как прототип нормы».

3. Классификация по широте исследуемой предметной области – широкопрофильные и узкопрофильные. Соответственно, в последних группа учёных занимаются проработкой одной общей проблемы, а в первых функционируют несколько исследовательских программ и учёные не ограничены в выборе проблематики для изучения (как в «школе» Л.Д. Ландау). Примечательно, что переход из одной форму в другую, как отмечает сама О. Грезнева, происходит довольно редко. Это логично, если предположить, что узкопрофильные научные школы со временем всё более сконцентри-

рованы на собственных результатах (полученных ранее) и «авторитетный пояс» этих знаний накладывает определённые ограничения на исследуемые области. Другими словами, таким учёным комфортнее оставаться в своей зоне компетенции, где они могут постоянно поддерживать свою репутацию и не рисковать авторитетом. Следует отметить, что данная тенденция только укрепляется, а специализация (она же «профильность») в научном деле растёт, несмотря на популярную тенденцию к анализу междисциплинарных форм взаимодействия учёных. Возможно, это связано и с экономической составляющей научной деятельности, так как финансирующие учреждения часто сами формулируют «пул» тем для исследований. Разумеется, что умение строго держаться в этом пуле гарантирует финансовое обеспечение и, возможно, укрепления статуса конкретного учёного.

4. Классификация по функциональному назначению продуцируемых знаний. В данном случае автор обращается к классической классификации фундаментальных и прикладных типов знания. Примечательно, Грезнева не анализирует параметры авторитета / лидера в рамках данного пункта. Возможно, это связано с тем, что назначение знаний никаким образом не связана с влиятельными структурами внутри научной школы. В таком случае не совсем ясна разница между «фундаментальной научной школой» и «прикладной научной школой», так как типология знания не может задавать характер и тип социальной организации людей.

5. Классификация по форме организации деятельности учеников. Грезнева обращает внимание на то, что далеко не всегда превалирует коллективная форма организации функционирования / воспроизводства внутри научной школы (семинары, лекции и т. д.). Необходимо также учитывать индивидуальную работу руководителей («лидеров школы»), которую они проводят с каждым конкретным учеником, или членом научной школы. Именно в данном аспекте в полной мере раскрывается роль лидера в системе воспроизводства знания. Данный пункт классификации, пожалуй, один из самых спорных, так как любая школа по определению не может быть представлена одним человеком – это всегда коллектив. Возможно, автор имел в виду творческий путь лидера до момента его становления в научной школе, но такие биографические истории,

как правило, тоже связаны с коллективами и сообществами, то есть не индивидуальны в полной мере.

6. Классификация по характеру связей между поколениями. Вновь автор обращается к процессу выявления связей. «Одноуровневыми» Грезнева называет школы, в которых есть всего лишь одно поколение учеников, и после этапа взросления эти ученики открывают собственные научные школы. В «многоуровневых» школах одновременно существуют два и более поколений, которые объединены одним учителем, а деятельностью по организации обучения заняты более опытные и старшие члены школы. Последний тип связи между поколениями характерен для точных наук (например, школа Резерфорда). Данный тип классификации интересен тем, что в одноуровневых школах фиксируется слабая связь между лидером и учениками школы. Вполне возможно, что это характерно для узкопрофильных школ, которые не ставят цель охватить область всей науки, или научной дисциплины. В целом данный пункт классификации очень интересен для исследований в области социальной философии, или же психологии. Как и раньше, мы можем выделить здесь уже знакомую социальную структуру, которая свойственна для семьи, но в данном контексте рассматривается по отношению в науке. Каковы причины трансформации научных школ, и через сколько поколений идеи одной школы могут быть исчерпаны? Существует ли какая-то традиция, передаваемая из поколения в поколения? Эти и другие вопросы не являются прямой сферой интересов автора монографии, однако открывают очень широкий плацдарм для развития универсальной типологии и знаний о научных школах.

7. Классификация по степени институализации. Восприятие той или иной школы зависит от множества факторов, и её форма определяется, прежде всего, тем вкладом, которая эта школа внесла в исследуемую проблематику. Автор указывает на то, что институциональное оформление научная школа получает только в случае признания со стороны большинства учёных данного направления. С другой стороны, неформальное объединение (например, «кружок») может нарочно оставаться таковым, чтобы, например, выступать как «оппозиция» научным коллективам. Здесь автор косвенно обсуждает затрагивает тему научного признания и научной революции. Таким образом, степень институализации может ответить

на вопрос о том хочет ли та, или иная школа находится в русле современных тенденций науки (признание авторитетами), или же противопоставляется им (революция). Частично данные идеи напоминают концепции Куна и Мёртона, однако соотносятся не с сообществами, а с школами. Конечно, в современных реалиях российской науки проблематично назвать научные школы, развивающийся на собственном экономическом и имущественном плацдарме. Подобной мобильности и независимости школы могут достигнуть в развитых странах, где сектор науки уже давно не монополизирован бюджетным сектором государства. В данном случае это не является критикой научной традиции России, а констатация зависимости любой школы от более «старших» и развитых структур (в частности институтов и вузов). Кроме того, наука не является политикой, а значит одних лозунгов и программ будет недостаточно, чтобы противостоять сложившимся тенденциям. Если говорить более откровенно, то развитие нового типа знаний – это очень сложный и длинный путь, который смогут выдержать не все научные школы. Таким образом, институализация может быть оценена нами как положительный и как отрицательный фактор для функционирования авторитетов.

8. Классификация по уровню локации. Действительно, можно выделить в отдельные группы национальные, локальные и личностные школы. Для первых характерна «закрытость», то есть результаты, полученные в рамках национальных школ, не всегда известны мировому научному сообществу. Это происходит, прежде всего, из-за языкового барьера. Для локальных школ характерна узнаваемость благодаря традициям и стилю, которые несут в себе те учёные, которые прошли эту школу. К примеру, в европейском научном мире современности существуют даже такие понятия, как «Оксфордский слог учёного». В данном контексте необходимо подчеркнуть, что локальные школы как бы «настраиваются» над личностными школами, тем самым забирая себе их результаты, но при этом возлагая на себя функции ретрансляции полученных результатов в мир.

Несмотря на то, что к каждому из перечисленных критериев есть ряд вопросов, данная классификация всё-таки обладает формальным видом и может претендовать на статус «проекта» с

точки зрения анализа научных сообществ. Возможно, данную классификацию можно было бы расширить двумя дополнительными критериями (типы научных сообществ по источникам финансирования; типы научных сообществ по гендерному разнообразию). Последний критерий крайне актуален в контексте современных тенденций.

Попытки описания специфических критериев научных школ были предприняты и другими исследователями. Так, например, в работе Мирской «Научные школы как форма организации науки» перечислены «атрибутивные признаки» научной школы, среди которых наличие единого «лидера» и его учеников, творческая и деловая атмосфера, единая концептуальная точка зрения, поощрение мыслительной инициативы и высокая оценка научных результатов и др. Мирская отмечает, что эти атрибуты не являются универсальными, хотя могут быть выделены почти во всех научных школах на разных этапах их развития. Отдельным аспектом, который выделяется в работе Мирской, является построение концепции научной школы вокруг «лидера», или авторитетного лица³⁸. В данном контексте автор описывает возможные пути развития взаимоотношений между лидером и другими участниками школ, а также ставит важный вопрос, о том каким образом лидер должен организовать деятельность, чтобы она могла воспроизводиться без него. В этом смысле автор обсуждает вопрос, касающийся роли лидера и преемственности в системах воспроизводства знания. Если попытаться продолжить мысль Мирской, то воспроизводство школы и знаний напрямую зависит от тех властных взаимоотношений, которые лидер создал за время своего существования. Таким образом, лидер должен обеспечить функционирование норм научной деятельности для того, чтобы эти нормы мог воспроизвести любой участник научной школы. Это можно назвать традициями, или преемственностью, однако важным здесь будет являться главенство норм деятельности на личностным желанием накопления власти. Непростым моментом для изучения здесь будут являться именно «нормы деятельности», так как многие лидеры школы (да и в лидеры в целом) не превращают свои личностные качества, умения и опыт в

³⁸ Мирская Е.З. Научные школы как форма организации науки // Наукосознание. – 2002. – №3.

знаковую форму. Вполне вероятно, что в подавляющем большинстве случаев окружение лидера в научном сообществе стараются копировать его стиль, подражать ему. Деликатным вопросом является разделение собственно личностных качеств от научных знаний и достижений, потому как в противном случае это уже будет не научное сообщество, а просто некий кружок по интересам не фундированный экспертным знанием. С другой стороны, подход Мирской к научным школам является биологическим, особенно если обратить внимание на авторский подход к описанию «цикла жизни» научной школы. В целом сравнение протекания биологических процессов с этапами развития научной школы выглядят неубедительно, особенно в современном контексте организации коллективных форм взаимодействия (кампусы, форумы, фонды, научные центры и т. д.). Естественно, нет смысла отрицать конечность жизни человека (особенно, если мы говорим о конкретных лидерах школ), но следует учитывать динамику процессов воспроизводства норм, знаний и умений. Можно задать себе вопрос, умирает ли научная школа, если живы её идеи? Если да, то мы остаёмся в рамках сугубо материалистического понимания социальных процессов. Если нет, то нет и особого смысла применять биологический стандарт к социальным процессам.

За пределы изучения отечественного опыта научных школ вышел А.Г. Здравомыслов. В рамках своих исследований он смог перенести отечественный опыт рассмотрения научных школ для анализа научных объединений в Франции, Германии, Англии и др.³⁹ Автор связывает науку и власть в плотный «клубок» отношений и связей и даже ставит их в определённую зависимость: «Общество – объект исследования и предмет управления. Наука исследует, власть управляет. Хорошая власть опирается на исследования, а плохая – не опирается и в этом корень зла»⁴⁰. С одной стороны, вышеназванный автор обсуждает проблему политического управления, которое игнорирует проверенные научные исследования. С другой стороны, Здравомыслов проводит параллель между соци-

³⁹ *Здравомыслов А. Г.* Национальные социологические школы в современном мире // *Общественные науки и современность.* – 2007. – №5.

⁴⁰ Там же. С. 89.

альным обществом и обществом учёных (школами). Определённым вызовом для научных школ является их собственное самоопределение во взаимоотношениях с властью. Необходимо подчеркнуть, что, вышеназванный автор попытался определить те возможные «выборы», которые может сделать школа, исходя из истории, традиций и культуры, в которых они зарождались. Здравомыслов двигается в концепции демаркации власти и знания, называя их «самостоятельными мирами»⁴¹. Мы предполагаем, что Здравомыслов (как и Мирская) достаточно жёстко оценивали национальные программы, направленные на развитие научной отрасли. Именно поэтому можно понять парадигматическое отношение автора к проблеме развития научных школ. Всё-таки политик отличается от учёного, прежде всего, своими типом целеполагания. Политик хочет править и управлять, а целью учёного является процесс получения знания – он хочет знать. Даже если последний может стремиться к власти в локальном сообществе (в той же школе, например), то она никогда не перерастает в желание властвовать всем обществом и принимать участие в принципиальных вопросах его управления. Дискуссионным моментом здесь остаются возможные точки пересечения власти и науки. Сама идея использования науки в умышленно эгоистичных целях вполне ясна, но здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой методов и средств реализации в деятельности. Знание само по себе обладает ценностью только в культурном смысле этого слова. Конечно, данному тезису противостоят примеры развития технических дисциплин, которые привели к разработке оружия массового поражения. Возможно, это так, а возможно нужно не смешивать политику и науку и чётко осознавать, что в военное время не все научные предметы и дисциплины развивались одинаково быстро (на переднем крае всё-таки были те научные области, которые могли в потенциале дать преимущество). В целом же концептуальный подход Здравомыслова позволяет обосновать вполне логичную черту научной школы, которая выражается в постоянном процессе борьбы за «власть» (лидера). В то же время, что тогда делает научную школу уникальной, если эта форма социального взаимодействия тоже подтверждает тезис о «войне всех против всех»?

⁴¹ Там же. С. 128.

В отечественной культуре исследований научных объединений присутствует и оригинальные-производственные теории. Автором одной из них является Н.Х. Розов. Говоря о научных школах, он, в первую очередь, делал акцент не на наличии некоего лидера (или общности идеи и программ), а на том, что внутри научных школ происходят конкретные производственные процессы. В исследовательской работе «Понятие «научная школа» и проблема финансирования науки в России» проанализированы не только типы отношений внутри научных школ, но и сделано предположение, что они могут быть не только «вертикальные» (учитель-ученик), но и «горизонтальные»⁴². Последнее зависит от продвинутости самой школы и тех средств, которые она использует в своей деятельности. Необходимо подчеркнуть, что в рамках данного подхода Н.Х. Розов один из немногих отечественных исследователей, который в своих научных работах подчёркивает важность лидера с точки зрения формирования экономической привлекательности научного коллектива. Другими словами, лидер обладает настолько высоким уровнем доверия и репутации, что может выйти за пределы профессиональной (научной) области и использовать свои способности и навыки для экономического обоснования деятельности своей научной школы. К сожалению, со временем автор смещается в сторону анализа институциональных форм организации науки и не развивает знания представления об авторитете в концептуальном смысле слова. С одной стороны, это обусловлено естественным смещением акцента с научных школ на университетские структуры (сейчас очень сложно представить их отдельно друг от друга). С другой стороны, можно оценить, насколько крупное исследовательское «поле» представляет из себя оценка истории развития отдельных школ и научных сообществ, не говоря уже о возможности получения объективной информации экономического характера. Следует признать, что научные школы не являются преступными и террористическими группировками, а значит характер их финансирования более прозаичный и очевидный, особенно если учитывать профиль деятельности. В данном случае мы не пытаемся иронизировать над ситуацией, а скорее фиксируем объективную

⁴² *Розов Н.Х.* Понятие «научная школа» и проблема финансирования науки в России // Педагогика. – 2007. – №8.

ситуацию научного анализа, связанную с предсказуемостью лидера в условиях социальной и производственной мобильности. Стоит признать, что Розов затрагивает щепетильную тему расширения компетентностей лидера (он должен быть не только специалистом в своей сфере, но и уметь привлекать средства для реализации своих проектов – именно тогда он будет настоящим лидером).

Возвращаясь к формализованным классификационным структурам научных объединений, мы можем обратиться к результатам, полученным И. Г. Дежиной и В.В. Киселёвой и отражённой в работе «Тенденции развития научных школ в современной России»⁴³. Исходя из многолетнего опыта изучения научных школ различными учёными, авторы выдвинули предположение, что научную школу целесообразно рассматривать, опираясь на следующие группы факторов:

1) объективно логические. Сюда входит изучение процессов, которые поспособствовали возникновению и развитию идей о научной школе;

2) социально-научные факторы. Данный фактор необходим для анализа «климата» (тенденций, традиций, общего влияния государства на науку) науки в её конкретный исторический период. Например, отношение государства к проблемам обороны в СССР повлияло на вектор развития науки в целом, сделав её более склонной к космической и физической сфере;

3) личностно-психологический фактор. В данном контексте имеются в виду те особенные характеристики человека, которые побуждают его заниматься именно научной деятельностью и взаимодействовать с коллективом (коллегами, сотрудниками одной лаборатории, учениками и пр.).

Проблема данных факторов заключается в том, что они вынуждают исследователя обращаться к ретроспективе (смотреть постоянно назад). Сложно оспорить необходимость анализа процессов сопутствующих развитию научных идей, но в тоже время возникает ряд сложностей с восстановлением «траектории идеи», то есть пути её развития от одной формы к другим. Справедливым, как нам кажется, будет и предположение о том, что идейная составляющая

⁴³ Дежина И.Г. Тенденции развития научных школ в современной России: научное пособие / И.Г. Дежина, В.В. Киселёва. – М., 2009.

не всегда получает выражение в знаковой форме, особенно, если мы говорим о миге осенения (эврика!). Примечательно, что именно этот промежуток времени зачастую охвачен полумифическими конструкциями, которые должны дать рациональное объяснение социуму о природе открытий. Так, например, популярна версия о приснившейся Менделееву таблице химических элементов, или же невнимательности Фальберга, открывшего сахарин в 1884 году. Эти и другие примеры указывают на невозможность наблюдения за идеей, если можно так выразится в данном контексте. С другой стороны, второй фактор (предложенный выше) вполне может быть использован, чтобы проанализировать связь между политикой и наукой, так как доктрина первой всегда известна, а наука может выступать в качестве сферы реализации программных оснований этой доктрины. С другой стороны, тот же пример с взаимосвязью открытий в космической сфере с военной безопасностью (который мы указали в п. 2), может быть легко раскритикован одним лишь указанием актуальное положение дел в комической отрасли, где ТНК превосходят по научному потенциалу и темпам развития отдельные государства (при этом вовсе не занимаясь вопросами защиты границ и наращивании военного потенциала). Третий фактор, предложенный авторами, направляет нас на путь психологического анализа качеств учёного в научной школе. В целом мы не против такого фокуса в исследовании, однако в методологическом смысле слова считаем это непродуктивным. Прежде всего, надо исходить из того, что научная школа – это не стихийное явление, а одна из формы организации коллективной деятельности. Вне зависимости от личностных и психологических качеств, в научной школе следует выделять функциональные места (помимо, естественно, лидера). Этот путь позволит уйти от анализа психологического калейдоскопа качеств и перевести исследования из ретроспективного в проспективный формат. Исходя из вышеуказанных факторов, И.Г. Дежина и В.В. Киселёва делают вывод, что научные школы всегда рассматривались не как явление, а как феномен. С одной стороны, это даёт возможность рассматривать объект с самых разных позиций, а с другой стороны делает объект слишком «гибким». Таким образом, появляется возможность назвать признаки научной школы, но не нет возможности чётко определить границы её существования. Несмотря на это, в вышеназванных

факторах всё ещё просматривается линия «лидер-авторитет», которая может быть положена в качестве обоснования властных отношений внутри научных школ. Как было сказано ранее, это единственная позиция в научной школе, которую авторы смело выделяют и даже стараются описать. С нашей точки зрения, проблема в данном случае будет в создании типологии авторитета, потому что таковая требует широкого арсенала авторитетных архетипов с всеми возможными опциями (желательно подкреплёнными реальными примерами).

Традицию описания формальных требований для научных школ попытался продолжить М.Г. Лазар. Обобщая представления о научных школах, изложенные в работах Института истории естествознания и техники РАН, он описал «пояс критериев»⁴⁴. Данный термин подразумевает 8 критериев, однако мы не будем подробно разбирать каждый, так как многие из частично повторяют названные ранее. Новым в исследовании Лазара является позиция полного и неполного соответствия (несоблюдение какого-либо критерия из «пояса» будет означать неполный или не совершённый ещё переход). В целом взгляды автора достаточно идеалистичны, особенно речь идёт об объективной оценке вкладов в научной школе. Объективация, с точки зрения исследователя, должна происходить за счёт профессиональных средств учёного. Другими словами, научная сфера деятельности настолько профессиональна, что её участники (учёные) способны оценивать свои и чужие вклады рационально, так как у них специальный инструментарий и язык. Для нас такое понимание научной школы идеализированное, прежде всего, потому что оно рассматривается вне структуры, или же подразумевается, что в данной структуре все равны. Проблема авторитета и наличия научного статуса в системах воспроизводства знания, пожалуй, это та «стена», об которую может разбиться любое идеальное представление о научной школе. Можно предположить, что такова особенность исследуемого объекта – на первый взгляд он чисто социальный, а если присмотреться, то ещё и технический. Данный тезис необходимо пояснить. Если обратиться к отечественному стилю исследования авторитета в науке, то, как мы уже убе-

⁴⁴ Лазар М.Г. Социология и этика науки в России: прошлое и настоящее. – СПб., 2012. – С. 175–177.

дились, существует три крайности. Социологическая, которая изучает научную школу (или же сообщество) как фрагмент общества. Психологическая – сконцентрированная на процессах сознания и (реже) мышления представителей научных школ. Педагогическая, отсылающая нас к анализу преемственности и методов обучения (передачи знаний) в коллективах учёных. Мы называем это крайностями, потому что сторонники каждого из направлений пользуются только предметными средствами при исследовании. Именно поэтому научную школу почти невозможно отличить от школы мысли; научного лидера от лидера любого другого социального объединения и т. д. Таким образом, мы имеем дело с ситуацией, где метод определяет объект. Для классической исследовательской традиции это немыслимо.

Современный читатель данной монографии может упрекнуть автора в недостаточной осведомлённости в части актуальных-новых разработок, касающихся научных школ и, в частности, указать на годы опубликования рассмотренных выше исследований. Предвидя данную ситуацию, далее будет представлен взгляд на актуальное (на момент написания) положение дел в отечественной исследовательской традиции, касающийся исследования научных школ. В целом можно выделить три распространённые тенденции:

1. Научная школа – это этап научной истории. Такая точка зрения распространена в работах, посвящённых конкретным (именным) школам в российской науке. Чаще всего авторы стараются за счёт подобного ракурса исследования рассказать о личности лидера, сохранить память о его достижениях, или составить автобиографический портрет⁴⁵. Общее количество таких работ впечатляет несмотря на то, что часть из них содержит не только объективный

⁴⁵ Москвина Л.П., Свечников С.К. Научная школа К.Н. Санукова // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2016. – №3 (7) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-shkola-k-n-sanukova> (дата обращения: 16.04.2020); Клименко Л.А. Научная школа П.Г. Костюка // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2015. – №9–10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-shkola-p-g-kostyuka> (дата обращения: 16.04.2020); Борисова В.В. Научная школа Р.Г. Назирова // Назировский архив. – 2014. №1 (3) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-shkola-r-g-nazirova-1> (дата обращения: 16.04.2020).

анализ научных достижений, но и солидную долю субъективных высказываний. Данная тенденция характеризует школу, прежде всего, с педагогической стороны, а результаты исследования представляют нам спектр методов и приёмов, используемых «заглавным героем» школы. Подчеркнём, что в данном случае нужно высоко оценивать подобные исследования именно с социальной позиции. Сама по себе история знания представляется достаточно размеренной и (всё-таки) невозможна без участия отдельных личностей. Поэтому научные школы действительно являются частью большой истории, которую нам нужно рассказать. Недостижимым, в нашей точки зрения, в русле этой тенденции остаётся задача восстановления известных школ и их воспроизводства в перспективе. Несмотря на это, многие авторы прибегают к превращению данной задачи в рекомендацию к действию и далее делегируют её на более высшие уровни организации: *«Если университет, перед которым стоит задача реформирования, не озаботится поиском точек роста знания, к которым, в частности, относятся реально действующие научные школы, нет смысла говорить о комплексном управлении исследовательским потенциалом университета. Особенно это касается региональных университетов»*⁴⁶. Лежит ли данная задача в области компетенции университетов (или других муниципальных образований)? Мы сомневаемся в перспективности данного подхода, так как динамика развития высшего образования (пока) доказывает обратное.

2. Научная школа – это понятие. Признаемся, что в данной монографии тоже можно обнаружить, как автор пытается понятийно связать различные части культурного процесса, способствующие становлению такой единицы как «авторитет». Разработка и исследование понятий – это, в первую очередь, прерогатива философии, так как объектами размышления многих мыслителей были такие объекты, которые не имели названия (не говоря уже о материальной форме). Сейчас методом исследования понятия часто пользуются гуманитарные науки и получают на данном исследовательском плацдарме полезные результаты. При изучении научных

⁴⁶ Красикова Т.Ю. Научная школа как точка роста научного знания. Университетское управление: практика и анализ. – 2018. – №22 (1). – С. 51–60 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.15826/упра.2018.01.005> (дата обращения: 16.04.2020).

школ, прежде всего, необходимо понимать исследовательские контексты, то есть постоянно задавать вопрос, что конкретно мы изучаем? Если область интереса касается словоупотребления, то «научная школа» должна анализироваться с точки зрения частотности появления в текстах. Ключевой проблемой при таком подходе будет являться поиска аналогов в смысловом значении и их установление. Ранее мы приводили пример английской языковой действительности, где «scientific school» не употребляется в том же значении, что и «научная школа». Если область интереса касается исторического контекста, то придётся констатировать потенциальную нехватку источников для такого рода исследований. В данном случае, всё очень просто: сами участники научных школ редко стремятся к анализу структур собственного взаимодействия. Более того, часть исторически сложившихся школ функционировали и вовсе вне институционального контекста. Если советские научные школы можно изучать с точки зрения их связи, например, с университетом (научным центром), то такой приём просто невозможен для республики писем, или Платоновской академии. Поэтому большинство авторов, взявших данный контекст как основной, по определению не смогут преодолеть пределы жанра исторического описания⁴⁷. В завершении рассмотрения данной тенденции, следует отметить, что в целом научную школу проблематично привести к виду понятия, так как «школа» содержит больше «общего», чем «частного». Кроме того, «школа» и «наука» в данном мировом порядке настолько тесно связаны с институтами, что первичной исследовательской задачей, с нашей точки зрения, является дифференциация научной школы от прочих социальных форм взаимодействия в структурах функционирования и производства знания.

3. Научная школа – это форма научной кооперации. Такого взгляда придерживается, в частности, автор монографии. Безусловно, и он (взгляд) не лишён недостатков и требует от исследователя не только анализа уже существующих школ, но и возможности проектирования их в будущем. В целом, следует констатировать тенденцию к образному представлению моделей научных

⁴⁷ Шапошник В.А. Научная школа: эволюция понятия // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Естеств. науки. – 2018. – №3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-shkola-evolyutsiya-ponyatiya> (дата обращения: 16.04.2020).

школ. В качестве примера, приведём следующую цитату из актуальной работы М.Р. Арпентьевой: *«Схема представления научной школы должна, на наш взгляд, включать «дерево школы»: 1) ствол дерева – основатель или основатели школы, 2) ветви – учения и направления школы, 3) особенности «расположения» ветвей – исторические вехи в исследованиях школы, ее открытия и концепции, методологические инновации, диспуты и конфронтации, научные и личные «интриги», ценности и миссии школы, 4) почва – социокультурная и политическая среда, научно-исследовательские предпосылки и учителя основателей школы, 5) небо – перспективы школы, возможности ее развития в будущем, 6) педагогические аспекты деятельности школы, 7) общественные и практические результаты деятельности школы»*⁴⁸. Следует отметить, что многочисленные размышления о схематизации научной школы не переходят в продуктивную стадию непосредственного создания схем и моделей. В целом это центральная тема монографического исследования, которое Вы читаете в данный момент. Схема обладает не только визуальной составляющей (в противном случае она ничем бы не отличалась от рисунка), но и претендует на фиксирование нормы, или же образца. Ошибкой социологии и психологии является попытка постоянно анализировать научную школу с позиции человека и человеческого в них (школах). Прошу читателя заметить, что всё это делается на крайне хрупком основании социальных представлений о том, что такое общество и человек (именно представлений, а не знаний). В этом смысле, «дерево школы» – это красивая идея, но она приведёт нас к знанию о деятельности школы, которое мы могли бы использовать для её дальнейшего синтеза.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо ещё раз выделить специфику понимания научных сообществ и места авторитета в них в исследовательской практике отечественных учёных. Во-первых, научные школы являются объектом изучения именно отечественных исследователей, что указывает на особенности их

⁴⁸ Арпентьева М.Р. Научные школы в истории научного творчества // Время науки – The Times of Science. – 2015. – №4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-shkoly-v-istorii-nauchnogo-tvorchestva> (дата обращения: 16.04.2020).

подхода и уникальность, которую мы, несмотря на частую критику, многократно подчёркиваем в данной работе. Во-первых, она связана с особенностями развития научного дискурса и традициями того времени и того государственного уклада (вполне возможно, что «школа» звучало гораздо более благородно, чем «сообщество», наводящее на мысль о чём-то тайном и секретном). Во-вторых, юридические документы середины 90-ых и начала 2000-ых, регламентирующие поощрение и стимулирование деятельности учёных в РФ, содержат в себе именно такую формулировку «научная школа». Поэтому Россия обладает уникальной практикой включения данного словосочетания в законодательные документы. Это открывает возможности для политологического контекста исследования. В-третьих, научные школы можно рассматривать один раз как региональное «ответвление» от целого (мирового научного сообщества), а другой раз – как уникальный отечественный феномен, который невозможно отрицать и игнорировать. В связи с этим, возникает вопрос: какое место занимают научные школы в механизме воспроизводства знания? Отвечая на него, необходимо чётко представлять себе структуру научного сообщества. Наука в современном мире вовлечена в процесс глобализации. Другими словами, научные результаты обретают возможность быть распространёнными за пределы института, города и даже страны. Обмен знаниями, разработками и концепциями становится фактически непрерывным, что позволяет двигаться учёному в мире без особых затруднений. Сложным моментом является то, что любой молодой учёный не сразу начинает свой путь в научном сообществе мира, а в локальном (малом) научном сообществе. В связи с этим учёного можно сравнивать со спортсменом, который сначала пробует свои силы в школьных соревнованиях, потом принимает участие в первенстве города, а далее всё выше и выше, вплоть до Олимпиады. Подобно тому, как спортсмен набирается опыта, учёный приобретает репутацию и статус в сообществе (или научной школе) из которых складывается его авторитет. Из данной логики следует, что такие формы, как «научные школы» – это этап «отбора» учёного перед его «шагом» в научное сообщество. Необходимо отметить, что отечественные исследователи научных школ часто апеллировали к позиции лидера, что позволяет нам представить научные школы в качестве точек устойчивого развития и воспроизводства

науки. Это возможно благодаря лидеру школы, который (по своему определению) прилагает все усилия для того, чтобы его система научных взглядов получила распространение не только за счёт публикационной деятельности, но и за счёт организации коллектива. Последний, в свою очередь, в перспективе может обеспечить развитие концепций лидера, что приведёт к новым научным результатам. Спорным и одновременно загадочным остаётся процесс появления таких лидеров и их становления. Если научная среда (в институциональном смысле этого слова) добилась солидных результатов в разработке технологий подготовки специалистов, то технический (искусственный) аспект воспроизводства лидеров остаётся все ещё неизвестным. В данном случае мы не имеем в виду совокупность социальных качеств человека, а подразумеваем социотехнические структуры, где лидер – это функционально место с связями.

Несмотря на ярко выраженный критический подход, рассмотрение отечественного опыта позволило схематически представить модель научной школы и рассмотреть её преимущества и недостатки.

§1.3. Сетевые структуры – реалии информационного мира

В данной монографии мы не хотели бы ограничиваться только российским опытом изучения авторитета и научных форм коллективной деятельности. Как Вы могли заметить, в прошлой части работы мы почти не употребляли термин «научное сообщество», что было обусловлено объективными обстоятельствами развития научного знания в СССР и России. Метафоричный смысл «scientific community» был исследован Вилльямом Корнфилдом и Карлом Хьюитом⁴⁹. Примечательно, что авторы (несмотря на название статьи) с первых страниц указывают, что научные сообщества представляются им как эффективная единица развития науки. Основной акцент в работе – это анализ языковых конструкций. Вышеназванные учёные выдвигали гипотезу о том, что существует некая особая система общения и передачи информации внутри научных сообществ (и дело тут не только в языке понятий и формул), которая

⁴⁹ Kornfeld W. The Scientific Community Metaphor / W. Kornfeld, C.E. Hewitt // IEEE Transactions on Systems Man and Cybernetics. – 1981. – Vol. 11.

позволяет всем участникам «смотреть на вещи одинаково». Согласно концепции, язык, на котором ведётся коммуникация в научном сообществе, называется «эфир». Одним из главных элементов эфира является «утверждение» (assertion). Он же является и признаком коммуникации в сообществе. Другими словами, учёный «вбрасывает» своё утверждение в сообщество, и с этого момента оно начинает «жить» в коммуникации конкретного научного сообщества. Корнфилд даже специально выделил и описал позицию того, кто будет осуществлять коммуникацию по поводу утверждения, так как научное сообщество структурировано согласно предметным действительностям и каждое новое утверждение соответствует какой-то из них. Внутри эфира находятся компетентные учёные, или как их назвали авторы работы – «феи» (sprites), которые обладают собственным набором интересов (interest set). Исходя из этого набора, они выбирают некоторые утверждения (которые были ранее вброшены в эфир) и распространяют их далее среди таких же участников эфира, как они (sprites)⁵⁰. Например, научный руководитель помогает в выборе темы своему аспиранту или магистранту. Сам он понимает, что существует зона его компетенции, а также разработанные и не разработанные вопросы в рамках данной сферы. Анализируя актуальные работы по своему научному направлению, он находит новую проблему, о которой говорят, но ещё не исследуют детально. Он находит «утверждение» (assertion), которое находится в сфере его интересов как участника эфира (sprite) и сообщает его своему аспиранту (в процессе коммуникации). Далее аспирант принимает это утверждение от авторитетного участника эфира и сам становится таким же участником (sprite). Таким образом, происходит циркуляция утверждения (научных теории, гипотез и пр.), с одной стороны, и воспроизводство участников эфира – с другой⁵¹. Необходимо отметить, что позиция вышеназванных исследователей интересна тем, что авторитетом в научном сообществе наделены не только сами учёные, но и их профессиональная коммуникация. Именно она содержит необходимые параметры для того, чтобы любое утверждение проходило несколько «кругов» проверки перед тем как стать знанием.

⁵⁰ Там же. – Р. 28–29.

⁵¹ Там же. Р. 27.

Такой взгляд, как минимум, интересен с точки зрения педагогической и лингвистической интенции. Если мы попробуем развить данную концепцию, то придём к тезису о том, что авторитет в науке – это всего лишь совокупность проверенных утверждений, систематично употребляемых конкретными учёными, или же группой учёных. Маловероятно, что данный тезис сможет убедить современного читателя, так как он не включает в себя очевидную социальную характеристику, связанную с борьбой за влияние и власть. Властью и высоким уровнем доверия в «эфире» обладают sprites и проявляется это в рамках тех утверждений, которые они продвигают, тем самым обеспечивая процесс распространения информации. С точки зрения Корнфилда и Хьюита, данный процесс в научных сообществах обладает 4 основными свойствами, а именно:

а) монотонность. Заключается в том, что учёный помещает свою мысль в научную статью, которая далее попадает в библиотеки и хранится там долгое время. Это позволяет работать с мыслью или идеей в её исходной формулировке. Мнение автора статьи может измениться за время, но не формулировки, которые он когда-то разместил в своей работе. Именно этот процесс спасает учёных от разночтений и недопонимания. Когда в научном сообществе, например, речь идёт о теории Дарвина, то все участники беседы понимают, о какой конкретной научной работе автора идёт речь. Монотонность позволяет определить мотив и сферу интересов sprites. Это, в свою очередь, позволяет другим участникам эфира включиться в дискуссию и обсуждения мысли учёного, где они проявят свою компетенцию и авторитет;

б) коммутативность. Любой учёный, независимо от того, хочет ли он сам публиковать свои работы или нет, будет обращаться к научным работам других учёных. Это неизбежно потому, что, будучи по-настоящему заинтересованным, он будет искать ответы на свои вопросы у других. В этом процессе он когда-то задаст такой вопрос, на который нет ответа. Именно этот момент является «научным открытием». С точки зрения вышеназванных авторов, именно коммутативность позволяет новым выражениям попадать в эфир, где они проходят отбор «феями»;

в) параллелизм. Возможность учёных одновременно работать вместе без ущерба друг для друга. Параллелизм предполагает такую ситуацию, где компетенции и авторитет учёных, работающих

вместе, находятся в равновесии. Это необходимо для адекватной и содержательной работы научного сообщества. В противном случае разница в статусах и властных полномочиях приведёт к узурпированию ресурсов сообщества;

г) плюрализм. В научном сообществе не существует какого-либо «арбитра истинности». В целом научное сообщество является достаточно гибким к ограничениям. К примеру, какая-то научная статья может быть не понята учёному, для которого она крайне важна, однако за счёт других процедур (например, эксперимента) он может понять к каким результатам пришёл автор статьи. В случае с гуманитарными дисциплинами, где эксперимент невозможен, можно обратиться к живым специалистам, чтобы они объяснили суть работы так, как они понимают. Таким образом, при работе с источниками учёный может преодолевать некоторые ограничения за счёт вышеупомянутых принципов. В этом смысле эфир (состоящий из учёных) можно рассматривать как благоприятную среду для развития научного понимания учёного.

С нашей точки зрения, вышеназванные критерии требуют существенного дополнения. Монотонность действительно неоспорима в точных науках, где за конкретным знаком закреплено единственное-универсальное значение. Монотонна ли гуманитарная часть науки? В данном контексте мы занимаем схожую позицию с М. Хайдеггером, утверждавшим, что выборка и проверка гуманитарного знания (в частности, источников) должна осуществляться через критику⁵². Понимание не статичное, не монотонное, а значит встаёт вопрос о том, как существуют тексты в разных исторических контекстах. Можно с уверенностью сказать, что наука смогла преодолеть проблемы мифологической и религиозной картины мира, где трактованные произведения всегда могли явиться серьёзным плацдармом для конфликта. Наука создала универсальный язык, доступ к которому открыт любому человеку не через откровение, а через обучение и знание. В этом смысле, обучение действительно монотонно и это, как могли бы подтвердить многие педагоги, иногда бывает полезно. Однако для научного сообщества более важным процессом является не только «повторение» известного, но и

⁵² Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика 1993. – С. 41–63.

открытие нового. Можно ли получить новое знание за счёт старых (монотонных) средств? «Да», если речь идёт об индивидуальном акте познания. «Нет», если данный вопрос связан с культурой всего человечества. Примечательно, что W. Kornfeld и С.Е. Hewitt затрагивают, но не раскрывают до конца, тему междисциплинарных областей знания. Что происходит на стыке двух «монотонностей»? Возникает ли некая новая, или же это наоборот создаёт диссонанс для появления новых знаний и практических областей? Как и всегда, в данной монографии мы задаём уточняющие вопросы и указываем на необходимость дальнейшей разработки понятийного аппарата. Возможно, монотонность действительно можно соотнести с авторитетными структурами в науке, так как она гарантирует цикличность знания. В последнем могут быть заинтересованы учёные, потому что это может обеспечить их властью. Можно предположить также и то, что учёный в подобном сценарии выступает как гарант знания (концепции, направления, представления) и, подобно президенту в демократическом режиме, избирается в сообществе. Сложно отрицать то, что такое сравнение, безусловно, работает скорее на метафорический план, нежели на содержательный. Но не будем забывать о том контексте, который предоставляют нам авторы статьи («научное сообщество – метафора»). Коммутативность, предлагаемая авторами как второе условие распространение информации в научном сообществе, тоже не является однозначной в контексте исследования и понимания авторитета в науке. Прежде всего, коммуникация внутри реального научного сообщества и знакомство учёного с культурным наследием в форме чтения источников – это разные процессы. Для первой характерны процессы создания текста, обмена им с другими субъектами, а также формирование текста понимания. В данном случае мы дифференцируем «общение» и «коммуникация». Общение предполагает обмен смыслами с существенной потерей исходных данных и не может быть разделено на «акты». В то время как схема акта мышления уже давно разработана в рамках отечественной традиции⁵³ и в изменённом виде выглядит следующим образом (рис. 1).

⁵³ Щедровицкий Г.П. Исследование речемыслительной деятельности. Алма-Ата, 1974. – С. 25–26.

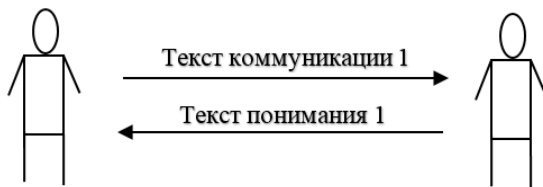

Рис. 1. Схема акта коммуникации

Если предположить, что учёные обмениваются текстами коммуникации, которые включают в себя понимание в форме интерпретации прочитанного, то хочется верить, что количество таких интерпретаций конечное. Естественно, это не так. Во-первых, описанная ранее монотонность в процессах функционирования научных сообществ существует в том случае, если педагогический и образовательный элемент деятельности доминирует над познавательным. Если обращаться к схеме, то можно представить, что первый текст коммуникации может быть создан из-за непонимания исходного текста. В виде невозможности обратиться к автору, участник научного сообщества может обратиться к более опытному коллеге для того, чтобы получить объяснение (или знание). Если бы все устные транзакции в науке были только таким, то логично будет предположить, что не происходило бы никакого развития. Здесь мы подчёркиваем роль понимания, преодолевающей монотонность и задающей познавательной деятельности главенствующее место. Подобная точка зрения созвучна с ситуацией научной революции, происходящей вопреки монотонности. Коммутативность в данном контексте – это возможности научного сообщества, данная характеристика должна быть дополнена средствами исследования понимания. Таким образом, «эфир» является удачным средством передачи смысла среды обитания учёных-фей, но, переходя в более строгий тон исследования, следует воспринимать данную метафору как невозможность точно передать структуру научного сообщества. Примечательно, что в рассматриваемой работе, как и прежде, мы можем констатировать факт акцентирования авторов на общем (в ущерб уникальному / другому). Другими словами, мы вновь остаёмся без ответа на вопрос об иерархической структуре, но теперь уже не сообщества, а «эфира».

Точка зрения о том, что научное сообщество общается на особом «статусном» языке (имеющим свои структурные элементы) является актуальной и в современных научных работах, посвященных данной тематике. В качестве примера приведем работу «Reliability of testimonial norms in scientific Communities» известного философа и социолога Конора Вилсона (Conor Mayo-Wilson). Статья посвящена философскому осмыслению правил, которые функционируют в научных сообществах современности. Автор называет такие правила «тестимониальными нормами»⁵⁴ и изучает их с помощью философско-математической модели. Объектом изучения выступают коммуникативные высказывания авторитетных учёных, а также их взаимоотношения внутри научных сообществ. Конор Майо-Вилсон во введении к своей работе достаточно подробно описывает контекст проблемы, а именно существование априорных правил поведения в научных сообществах. Одно из них гласит – «доверяй авторитетному источнику, если его высказывания не вызывают у тебя сомнений»⁵⁵. Конор Вилсон акцентирует внимание на данном высказывании (тестимониальной норме), приводя различные примеры из деятельности научных сотрудников. Далее автор описывает формальную модель коллективного обучения, где есть «тестимониальный авторитет» (например, учитель в школе или преподаватель в университете) и те, кто находятся в «ареале» влияния этого тестимониального авторитета (ученики в школе или студенты в вузе). Такой авторитет, согласно позиции автора, обладает властью, выражаемой как в статусном положении (например, должность профессора в университете), так и в количестве работ и цитировании. Автор формулирует проблему зависимости уровня авторитета учёного от научных публикаций и выступлений («модель тестимониального авторитета»). По его мнению, данную модель можно обнаружить и в профессиональных научных сообществах. Далее автор размышляет о возможности проверки истинности тестимониальных норм, которую можно сформулировать в виде вопроса – каким образом членам научного сообщества можно проверять истинность утверждений, которыми

⁵⁴ *Wilson C.M. Reliability of testimonial norms in scientific Communities // Synthese. – 2014. – Vol. 191. – P. 57.*

⁵⁵ Там же.

они обмениваются (нельзя же полагаться только на звание учёного и его ранг)? Для ответа на этот вопрос вводится модель, позволяющая оценить надёжность тестимониальных норм с помощью трёх специальных вопросов, а именно:

1. Способствует ли следование тестомониальным нормам обнаружению истинных утверждений?

2. Если это так, то как быстро они становятся истинными?

3. Если ошибки неизбежны, то как часто следование тестомониальным нормам приводит к ложности?

Одним из проблемных мест в теории Конора Вилсона является то, что ответить на эти вопросы возможно только, находясь в самом научном сообществе (то есть результаты всегда будут касаться какого-то конкретного научного сообщества). Возможно, это связано с обособленностью (*insularity*) научных сообществ, задающей определённые рамки, в которых Вы являетесь частью сообщества только при соблюдении определённых условий (наличии учёной степени, соавторства в научных трудах с авторитетными учёными, обладание определённым уровнем цитируемости, участия в научно-образовательных инициативах и т. д.). В связи с этим Конор Вилсон призывает учёных из различных отраслей науки испытать его модель, ведь только в этом случае можно будет утверждать об её эффективности⁵⁶. Здесь обнаруживает себя второе проблемное место вышеназванной теории, а именно – область применения модели Конора Вилсона. Так, например, кажется почти невозможным применения принципов проверки тестимониальных норм для социологии, философии, или психологии. Каким образом можно проверить истинность утверждений философии? Можно предположить, что в таком случае необходимо проверять именно тестимониальный авторитет по средствам коммуникации (если авторитетный учёный жив), или же по средствам анализа письменных работ по средствам работы с понятийным аппаратом автора. В целом рассмотренный подход напоминает попытки греческих мыслителей обнаружить истину за счёт изучения умозаключений (логики). Принципиальная разница заключается лишь в том, что классиче-

⁵⁶ *Wilson C.M. Reliability of testimonial norms in scientific Communities // Synthese. – 2014. – Vol. 191. – P. 74.*

ская логика отсылает нас к паре «истина-ложь», в то время как работа Вилсона приводит читателя к мысли о возможной неизбежной ошибочности в рассуждениях (даже) учёных. Для чего же тогда существует *testimonium*? С нашей точки зрения, учёные и научное сообщество – это подтверждение, или свидетельство науки (минимум, как профессии). Для каждого времени такие свидетельства могут проявляться в разных формах (непосредственно вещественной, письменной, или же устной). В какой-то степени можно предположить, что само по себе знание не могло бы обладать характеристикой авторитета, если бы у неё не было «гаранта». Для греческих мифов – это был театр, а для религии целые духовные институты. Традиционно для научных знаний, особенно в настоящее время, подтверждающим фактором является эксперимент, но ведь мы прекрасно понимаем, что он искусственный по своей сути, а значит организуем человеком. Таким образом, *тестимониальный авторитет* – это такой элемент научного сообщества, который подтверждает знание за счёт своей деятельности. Безусловно, такое представление скорее относится к идеалистической концепции, но для данного монографического исследования важны разные примеры и формы авторитета, так как их многообразие и способствует пониманию – одной из заглавных тем.

Отвечая современным веяниям развития технологий, необходимо рассмотреть взаимосвязь научной деятельности и развития Интернета. Развернутую точку зрения на эту проблематику представляет Уве Мацад (Uwe Matzat) в серии работ, посвященных академической коммуникации в новых медиа пространствах и изучению роли авторитета в дискуссионных интернет группах (Internet Discussion Groups)⁵⁷. Данный автор утверждает, что Интернет может выступать в качестве возможной сферы наращивания связей между учёными и коллективами⁵⁸. Уве Мацад называет Интернет «сферой силы» (*sphere of power*) и анализирует интернет ресурсы, как средство закрепления авторитета учёного. В этом контексте вышеуказанный учёный размышляет об изменении статуса научных

⁵⁷ *Matzat U.* Social Networks and Cooperation in Electronic Communities: A Theoretical-Empirical Analysis of Academic Communication and Internet Discussion Groups. Eindhoven. 2001.

⁵⁸ *Matzat U.* Academic communication and internet discussion groups: what kinds of benefits for whom? // Online-Social Sciences. – 2010.

мероприятий. Если раньше научные конференции были особым событием, о котором знали только те, кто приближен к университетской среде, то теперь через средства Интернет и рекламы можно даже устраивать международные симпозиумы и собирать заявки от участников дистанционно. Ранние исследования автора содержат в себе гипотезу о том, что в будущем Интернет станет хорошим инструментом для исследования поведенческих структур внутри научных сообществ, так как «жизнь» этого сообщества будет отражаться на различных сайтах, блогах и форумах, которые будут находиться в открытом доступе. Чрезвычайно важным понятием, которым оперирует Мацад, является «сетевой авторитет», или же авторитет, который поддерживается за счёт интернет ресурсов⁵⁹. Данная позиция является созвучной времени, так как большинство передовых университетов в начале нового миллениума заводят собственные сайты, появляются электронные базы данных преподавателей и публикаций. Таким образом, появляется ещё одна сфера конкуренции учёных, которая обладает публичным статусом. Если ранее научное сообщество можно было считать полузакрытой структурой, а вопросы соперничества между ведущими учёными оставались в кулуарах, то теперь они обретают новый смысл и новые показатели. Вышеуказанный учёный в начале 2000-ых годов смог ухватить начинающийся процесс глобализации и предположить, что научные сообщества также будут втянуты в него. Исходя из тенденций сегодняшнего дня, утверждается, что его прогнозы были верными и интернет действительно стал важнейшей частью жизни современного учёного – появились электронные библиотеки со статьями и работами учёных; развитие электронной почты позволило общаться в режиме онлайн и не зависеть от географического расположения; каждый крупный университет имеет свой собственный сайт, где размещена вся ключевая информация о его структуре и т.д. Очень важно понимать, что сказанное выше не является критическим обобщением. Проблемы обеспечения дистанционного формата существования науки и образования обнаружилось в 2020 году во время эпидемии коронавирусной инфекции «COVID-19». В частности, это коснулось и российской си-

⁵⁹ Там же. С. 400.

стемы образования, где существенная часть университетов оказалась не готова осуществлять образовательные услуги дистанционно без потери качества. Можно сказать, что данная ситуация являлась проверкой для «сетевых авторитетов» и приходится констатировать, что не все смогли её пройти. В целом вопрос об авторитете в сети не так прост, как может показаться. Во-первых, потому что интернет является открытой площадкой, на которой одновременно действует огромное количество различных субъектов. Во-вторых, авторитет часто рассматривают вместе с популярностью, или известностью. В таком контексте немногие учёные могут составить конкуренцию даже среднестатистическому «стримеру», или какому-либо популярному YouTube каналу. Во многом это связано с тем, что деятельность учёного и результаты его деятельности – это не продукт для массового общества. Кроме того, многие популярные интернет ресурсы функционируют за счёт постоянно обновляемого контента, что, естественно, не может позволить себе учёный в виду специфики профессиональной деятельности. Возможно, мы вышли за авторское понимание « сетевого авторитета », перенеся его в более широкий контекст рассмотрения. С другой стороны, это вынужденная мера, обусловленная перспективами понятия « сеть ». В узком смысле слова, сетевой авторитет – это авторитет конкретного учёного внутри сообщества, профилированного его областью компетенции. Таким образом, сеть – это предельно количество взаимосвязанных специалистов в узкоспециализированной сфере. В широком смысле слова, сетевой авторитет связан с Интернетом, а значит и с глобальными процессами использования информации. Одним из наиболее уязвимых мест в связывании учёного с интернет-средой, является невозможность дифференциации авторитетных характеристик. На что конкретно нужно обращать внимание? Цитируемость автора, или же количество просмотров его выступлений на электронных площадках? Показатель продаж научной литературы, или задействование таковой в качестве материала образовательного процесса? В качестве примера мы можем рассмотреть личность Греты Тунберг – молодой активистки экологического движения, которую журнал «Time» избрал в качестве персоны года (2020), а «Nature» и вовсе включил её в «Топ-10

учёных»⁶⁰. Заметим, что у Греты нет ни одной научной публикации, но это не мешает предьявлять свой авторитет на международных форумах ООН и других известных площадках. В данном случае, мы оставляем место для интерпретации персоны Тунберг как политического, или PR проекта, однако это не меняет сути: сейчас известным учёным может стать каждый (и вряд ли это вопрос только удачливости). С нашей точки зрения, сетевой авторитет в предельном социальном проявлении должен именно таким. Можно отдельно спорить о том, почему «Краткая история времени» популярнее, чем работа «Крупномасштабная структура пространства-времени», но это несколько не повлияет на вклад С. Хокинга в науку. Этот и другие примеры лишь указывают на то, что путь к достижению «сетевого авторитета» находится на стыке науки, массового производства, публичности и др.

Кроме языковой интенции в анализе формирования авторитетных структур, нами далее будет рассмотрена другой прогрессивный взгляд, который направлен на поиск системных зависимостей науки и бизнеса. Представителями данного подхода являются Lynne G. Zucker and Michael R. Darby. Начиная с работы 1996 года «Star Scientists and Institutional Transformation: Patterns of Invention and Innovation in the Formation of the Biotechnology Industry» выше-названные теоретики обсуждают тенденцию учёных «концентрироваться» в различных фирмах и корпорациях⁶¹. С одной стороны, авторитетные и известные ученые обладают тенденцией к «скапливанию», или концентрации в научных коллективах, или научных центрах крупных компаний (таково их естественное/институциональное состояние). Авторы настаивают на том, что корпорации и крупные компании привлекают учёных за счёт того, что в них гораздо больше конкурентных оснований и, естественно, более оплачиваемая занятость. В этом смысле «звёзды» (stars) от науки, во-первых, могут принести гораздо больший вклад благодаря тому,

⁶⁰ Nature / Ten people who mattered in science in 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nature.com/immersive/d41586-019-03749-0/index.html>

⁶¹ Zucker L.G. Star Scientists and Institutional Transformation: Patterns of Invention and Innovation in the Formation of the Biotechnology Industry / M.R. Darby // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 1996. – №93.

что их целеустремлённость поддерживается коллективом и стимулируется экономически. Во-вторых, чем выше концентрация «звезд» науки в конкретной отрасли, тем привлекательнее для инвесторов становится эта отрасль (данный аспект, безусловно, очень спорный). Вышеназванные учёные провели исследование, которое позволило получать статистические данные о том, что вероятность появления нового «игрока» (компании, или фирмы) может увеличиться до 12 раз, если концентрация «звёзд» от науки будет хотя бы два раза выше своей средней отметки. Взяв в качестве объекта своего исследования логику известных учёных внутри бизнес структур («передвижение звёзд»), Л. Цукер и М. Дерби позволили взглянуть на формирование научных сообществ с другой – качественной новой стороны⁶². Наделённые славой и авторитетом «звёзды» в науке стимулируют других членов сообщества к конкуренции и самопредъявлению. Вышеназванные авторы называют данную ситуацию «авторитетом звёзд» и указывают, что данное направление исследования является молодым, так как трансфер учёных за пределы научных институтов – это, безусловно, новый феномен⁶³. С нашей точки зрения «звёздность», учёных в данном контексте преувеличена. Более того, можно ли действительно сравнивать классическую-университетскую науку с производственной? Работающие учёные в крупных компаниях подписывают ряд соглашений о неразглашении и нераспространении информации, касающийся разработок и исследований. Подобные меры оправданы политикой конфиденциальности и многими другими нюансами. Следует также учитывать и юридический момент, связанный с исключительным правом на интеллектуальную собственность. В науке знание принадлежит всему человечеству, в то время как уникальное научно-производственное решение может (по умолчанию) принадлежать Вашему работодателю, при чём для коммерческих организаций – это может быть закреплено в законе одним образом, а для образовательных и научных структур – другим. Вполне возможно, что в России в данный момент есть десятки передовых специалистов, улучшивших производственные мощности таких корпораций, как «Роснефть», или «Газпром», однако «звёздными» они остаются только в очень узких профессиональных кругах.

⁶² Там же. Р. 12711.

⁶³ Там же. Р. 12713.

В последние 20–30 лет в нашу жизнь органично встроились различные корпорации, их деятельность и продукты. Успешность любой корпорации во многом зависит от её стратегии и умения правильно анализировать ситуацию (и массы других факторов). Исходя из этого, для собственного функционирования корпорации стараются привлекать высококвалифицированные кадры, среди которых, конечно же, есть учёные. Другими словами, научные структуры можно встретить теперь не только на базе университетов или государственных инновационных центров. Каждая крупная ТНК имеет свой собственный штат научных сотрудников, лаборатории, исследовательские центры и пр. Таким образом, Л. Цукер и М. Дерби впервые поставили задачу различения «корпоративных научных сообществ» и «классических научных сообществ», однако на данный момент так и не описали каких-либо чётких критериев, ссылаясь на то, что первые являются закрытыми по своему типу, в связи с коммерческими тайнами корпораций, к которым они относятся. Поэтому возможности аналитики их деятельности весьма ограничены. Кроме того, М. Дерби отмечает, что это временное затруднение, связанное с «текучкой» кадров внутри крупных компаний, которая достаточно высока. С его точки зрения, возможно, через 5–10 лет мы будем иметь отдельное сообщество «бывших звёзд» от науки, которые будут делиться своим опытом работы. «Красной нитью» сквозь исследования вышеназванных учёных проходит мысль о том, что в современной и прогрессивной науке фактор авторитета имеет важную и даже решающую роль. Анализируя авторитет как властный элемент, Л. Цукер предполагает, что капиталистический мир открыл возможности для учёных расширить собственную зону влияния. Теперь учёный может быть не только авторитетным в профессиональной среде своего университета, или страны, но и может быть интересен для приглашения в крупные корпорации, или холдинги, тем самым став звездой. Возможно, это не является универсальным мотивом для развития всех и каждого, однако М. Дерби делает акцент на том, что для современного человека, определяющегося в сфере науки, важна возможность роста и альтернатив⁶⁴. Необходимо отметить, что движение

⁶⁴ *Zucker L.G Star Scientists and Institutional Transformation: Patterns of Invention and Innovation in the Formation of the Biotechnology Industry / M.R. Darby // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 1996. – №93.*

звёзд от науки к бизнес структурам является взаимовыгодным партнёрством, что следует из практики деятельности многих крупных ТНК в том числе и российских. Российские государственные корпорации на регулярной основе предоставляют премиальные конкурсы для студентов, а также стажировки на собственных имущественных комплексах с перспективой трудоустройства. Такие инициативы позволяют задуматься об альтернативном научном векторе. Корпоративная наука – какая она? Мы предполагаем, что продуктивная, как минимум, в коммерческом смысле этого слова. Разработки и исследования в коммерческих структурах – это не просто познавательный интерес, воплощённый в организационную форму, но и способ технологического развития. Это один их основных смыслов, к которым мы пришли, анализируя работы вышеназванных авторов. Конечно, феномен разделения науки на гуманитарную и прикладную не является новым, и любой прогрессивный человек отличает технические и не технические знания. Важно не это, а то, что экономический мир в своей динамике охватил и науку, предоставив ей место в своих структурах. Данный фактор действительно может поменять не только жизнь учёного и его финансовое положение, но наше представление о науке, также об авторитете, формируемом в корпоративных научных сообществах. Несмотря на это, возможность свободного трансфера учёных все ещё представляется нам проблематичным. В данном случае речь не о «вертикали», или «горизонтали», а перемещение между корпоративными и не корпоративными структурами. Ранее мы привели пример компаний, организующих различные формы по стимулированию профессиональной подготовки студентов и в таком контексте задачи компаний предельно понятны (заблаговременная вербовка бедующих работников), но подобных программных оснований для учёных не так много. В целом, «запрос на учёного» выглядит крайне специфично и возможен только в отдельных сферах (IT, инженерия, архитектура, строительство, биохимия), не говоря уже о том, что компаниям проще и выгоднее обучить молодого специалиста, чем иметь дело с «остепенённым» учёным в зрелом возрасте. Размышляя в данном ключе, мы вновь отклонились от темы, забыв об авторитете. Мы могли бы двинуться классическим образом и предположить, что авторитет корпоративного учёного мог бы выражаться в количестве патентов и «ноу-хау», где указана его фамилия. Однако ранее нами был раскритикован такой формальный подход и, надо полагать, что в данном контексте наша позиция не

изменится. Авторитет – это не только социальный (статус, уважение) и производственный (количество созданных условных единиц) фактор, но и особая сила, влияющая на деятельность в целом.

Как Вы уже успели убедиться, научное разнообразие взглядов на избранную проблематику представлено широким кругом работ. Сомневаюсь, что в количественном соотношении мы рассмотрели даже половину из общей массы, но данная монография не преследует цели библиографического описания. Несмотря на достаточно продуктивную историю развития науки, научные сообщества выделяются в отдельный объект исследования только в конце XIX – начале XX века. Вполне возможно, это связано с тем, что именно в это время наука становится профессиональной, а учёный – это уже не просто образованный и знающий человек, а отдельная профессия, включающая в себя компетенции, статус, репутацию и авторитет. С этого момента стало возможным исследование деятельности профессионального учёного, описывать нормы и правила, которым он следовал и профессиональную среду, в которой он жил и работал. Использовать эту возможность вызвались специалисты из разных областей, чьи концепции в данный момент считаются классикой (теория научных революций); «фальсификация научного знания»; «накопление преимуществ» и др.). Отечественные исследования позволяют выстроить первичные модели «научных школ», заложенные в научных практиках и инициативах СССР, и проследить их дальнейшую трансформацию в рамках образования Российской Федерации. Примечательно, что в отечественных работах рассматривается уникальная позиция «лидер» в научных коллективах, которая по своему содержательному наполнению отлична от «авторитета», описываемого зарубежными исследователями данной тематики. Кроме того, российскими теоретиками многократно подчёркивались условия существования и функционирования научных коллективов, что позволяет рассматривать их как самостоятельный и цельный объект, который не строится по схеме «ядро – периферия». Надо отметить, что во многом оформлению такой исследовательской индивидуальности отечественного подхода поспособствовало становление коммунизма и общая идейная трансформация мышления.

Другим интересным результатом является постановка проблемы исторического развития авторитета в научных сообществах. При детальном рассмотрении научных достижений легко опреде-

лить, что результат в науке (новая формула, гипотеза, объект, знание и др.) принадлежит работе слаженной группы учёных, чья деятельность направлена на создание нового элемента знания и «борьбу» с другими схожими научными коллективам (борьба эта, конечно же, в основном на идейных фронтах). Сам феномен «борьбы» (или конкуренции) проявляется в том, чей научный коллектив утвердился в обществе быстрее. С другой стороны, любое научное сообщество часто является узкоспециализированным, что совершенно объективным образом не позволяет ему держать в поле зрения всё множество научных областей. Такие сообщества настолько сконцентрированы на своей специальности, что не замечают других. Возможно, что благодаря такой концентрации научные коллективы приобретают профессиональный статус, который далее используется в целях аккумуляции ведущих учёных и решения передовых задач современной науки. Таким образом, можно предположить, что любое научное сообщество в начале своего развития было вынуждено укреплять свои позиции посредством развития собственных теорий и практик, что наложило определённые ограничения, отразившееся в предметной специализации этого сообщества. Вышеназванный сценарий складывания научного сообщества позволяет понять ту высокую степень специализации науки, которая представлена в современном мире. С другой стороны, высокая специализация сообщества создаёт особую конкурентную среду внутри себя, в рамках которой её представители начинают активную деятельность для наращивания собственной репутации и авторитета.

ГЛАВА II. АНАЛИЗ СТРУКТУР РАНЖИРОВАНИЯ АВТОРИТЕТА

§2.1. Вертикальные структуры (иерархии)

В рамках избранной нами проблематики одним из популярных вопросом является мобильность авторитета и в данном случае речь идёт не только о перемещении учёных из одних страны в другие, но и о том, как авторитет распространяется, или же распределяется внутри социальных структур. Достаточно разработанной, с нашей точки зрения, является «полевая» концепция П. Бурдьё. Место борьбы между агентами за право обладание научным капиталом по средствам специализированной научной деятельности, он называет «полем науки»⁶⁵. В отличие от научных сообществ (которые мы рассматривали несколько ранее), поля обладают параметром «управляемость», то есть уже рассматриваются как единицы управления. В целом, такая точка зрения является достаточно сложной, учитывая нестабильность и непредсказуемость социума (как объекта исследования). Насколько уверенно мы можем утверждать, что коллективы, объединённые одной профессией, действительно управляемы? Вполне вероятно, что многое может решить целеполагание. Например, для греческой традиции «школы» – это была форма коллективного познания мира, где суть вещей была на первом месте, а человек на втором (а может даже и на третьем). Средневековые «рассказывают» нам о претензии религии на управления многими сферами жизни, но мыслящие коллективы всё равно выходят за пределы её авторитета и, конечно же, цена такого пренебрежения в ряде случаев чрезвычайно высока. Новое время дарит нам плеяду философов, которые с опасностью смотрят на системы управления человеком и даже называют их «идолами», предоставляя им как материальный, так и не материальный мир самореализации⁶⁶. Управление и авторитет тесно связаны друг с другом во многих системных представлениях известных мыслителей и чаще всего является фактором ограниченности человека и его разума⁶⁷. Последнее, естественно, не приводит к позитивным результатам и

⁶⁵ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. – М., 2005. – С. 114.

⁶⁶ Бэкон Ф. Великое Восстановление Наук. Новый Органон. – М., 1977.

⁶⁷ Гадамер Х.Г. Истина и метод. – М., 1988.

ведёт к неминуемой стагнации и узурпации⁶⁸. Возможен ли авторитет без привязки к процессу управления? Возможен, если речь идёт о нормах и образцах, которые содержатся в культуре. Безусловно, в данном случае мы пользуемся той хитростью, которая заключается в рассмотрении культуры (всегда) по отношению к прошлому, то есть к тому, что уже было и состоялось. Культура не статична, но для человека ход его жизни всегда представляется более скорым, чем ход истории, поэтому «культурный авторитет» всегда фоновый (мы помним о нём, но в тоже время соотносимся с настоящим, где «авторитеты» свергаются и создаются). В таком случае возникает вопрос, откуда в принципе берётся управленческий «мотив» в песне об «авторитете»? Возможно, проблема кроется в дефиците знаний об авторитете, которые подменяются знакомыми человеку социальными контекстами и после этого разобраться, чем авторитет отличается от влияния, или власти, или управления просто невозможно. В рамках данной монографии осуществлена попытка преодоления этой проблемной ситуации за счёт введения схем и позиционных отношений, которые будут рассмотрены далее.

Перед тем как перейти к непосредственному рассмотрению моделей авторитета, необходимо подчеркнуть, что с их помощью осуществляется попытка сформировать возможные сценарии взаимодействия в рамках поля научного производства. Данный метод позволяет представить научные сообщества в виде системы, в которой её элементы способны принимать, хранить, перерабатывать и передавать информацию.

Значимую роль в схематизации авторитета в данной главе монографии сыграли научные работы П. Бурдьё, рассматривавшего авторитет в науки как особый тип капитала, который складывается на протяжении всей жизни человека. В данном случае целесообразно процитировать самого автора, в котором он излагает свой взгляд на путь учёного: «Наконец, он должен завоевать уважение своих профессоров, чтобы заполучить рекомендательные письма, которые помогут ему при поступлении в «college», при получении стипендии, премий. (...). Когда же он приступит к поискам работы, его положение будет намного более выгодным, если до этого он учился в

⁶⁸ *Поннер К.* Логика научного исследования. – М., 2004.

известном учебном заведении и работал с известным ученым. В любом случае главное для него, чтобы самые именитые лица согласились дать ему благоприятные отзывы о его работе (...). Доступ к более высоким ступеням высшего образования зависит от тех же условий. Университет вновь потребует рекомендательных писем от ученых со стороны, он может также созвать приемную комиссию, прежде чем принять решение о назначении кого-либо на должность штатного преподавателя»⁶⁹. Таким образом, накопление авторитета возможно только в системах воспроизводства знания (школы, научные центры, университеты и т. д.), что позволяет в данном исследовании выдвинуть гипотезу о том, что в рамках структур таких систем размер капитала может отличаться и зависит от параметров, которые будут проанализированы ниже.

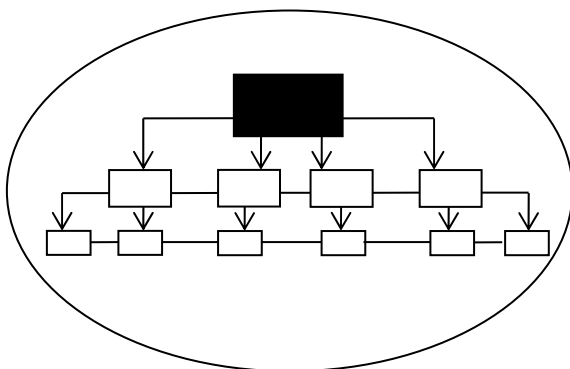

Рис. 2. Вертикальная модель авторитетов (университеты)

На данной схеме авторитет изображен в виде овала и включает в себя структуру мест и связей, которая задаётся системой, то есть научными университетами. Авторитет в подобном сценарии распределяется по вертикальному принципу: сверху находится самая авторитетная позиция (чёрный прямоугольник) с точки зрения прав и обязательств, а внизу расположены менее авторитетные позиции, но всё же необходимые для функционирования данной системы. Конечно, в данном случае конструкцию «менее авторитетные» необходимо пояснить, так как ранее мы старались избегать подобных субъективных суждений. Говоря о вертикали университета,

⁶⁹ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. – М., 2005. – С. 134–135.

мы, в первую очередь, имеет дело с организованностями, существование которых маловероятно вне университета. Ректор – это должность, или место внутри организации, которому соответствует определённый род деятельности (регламентируемый соответствующими документами). Таким образом, мы не рассматриваем в данном случае какого-то определённого ректора, мы его намерено не персонифицировали, чтобы дифференцировать авторитет «по месту» и авторитет человека. Кроме того, обращаясь к схеме, необходимо подчеркнуть, что университет обладает собственным авторитетом, и именно поэтому он представлен в виде круга («авторитет университета»). В современном мире достаточно просто ответить на вопрос, каков уровень авторитета любого университета. Для этого достаточно лишь обратиться к статистическим данным, которые отражают количество научных публикаций, количество грантов и субсидий, выделяемых государством, котируемость дипломов на внутреннем и внешнем рынке, преподавательский и профессорский состав и т. д. Авторитет же внутри самих университетов (согласно вышеуказанной модели) задаётся административными должностями, такими как: ректор, декан, заведующий кафедрой, старший преподаватель и т. п. Это классическая модель, в которой авторитет каждого члена сообщества связан напрямую с его должностью и определяется стандартом организации и уставом (коллективным договором). Преимуществом данной модели является то, что университеты выступают в роли инкубаторов, то есть за счёт функционирования внутри таких систем можно повысить уровень авторитета. В современном мире это называют «карьерой», или же «социальной лестницей в организации». Вышеуказанная модель иерархична по своему типу, а значит имеет ряд недостатков в рассматриваемом контексте. Во-первых, её не следует понимать буквально как ту, которая создана для бесконечного движения вверх. Здесь следует очень чётко понимать, что многие наметившиеся тенденции личностного роста, которые существуют в рамках стереотипного мышления, или неких общепризнанных традиций. Если говорить более строго, то университеты отличны от коммерческих организаций, а значит их средства и методы отличны. В таком случае, отличны и условия движения человека в таких организациях. Например, изменение профиля деятельности в универси-

тете может не повлиять на уровень зарплаты (несмотря на увеличение полномочий). Именно поэтому, например, многие преподаватели предпочитают оставаться доцентами и не становятся профессорами. Это серьёзная проблема для многих отечественных университетов, которые ввели рейтинговую систему оценивания ППС, однако мы вернёмся в этой теме немного позже. Во-вторых, если мы представим, что прогрессивные университеты в мире действительно реализуют данную модель (и она схожа с коммерческими структурами), то на придётся констатировать предельность авторитета, которая обусловлено иерархичностью университетов. Другими словами, Вы можете начать свой путь учёного в качестве студента университета и постепенно наращивать свои знания и компетенции и за счёт них продвигаться вверх по административной лестнице: стать аспирантом, затем защитить выпускную работу, получить степень и начать преподавать. Однако предельная точка развития Вашего авторитета в рамках функционирования одного университета заранее известна. Примечательно, что некоторые отечественные исследователи сравнивают карьеру в вузах с карьерой в крупных компаниях, намекая на то, что это путь бесконечного карьерного роста, но в данном монографическом исследовании такая точка зрения рассматривается с критической позиции. Возвращаясь к тезису об авторитете места, следует отметить, что должности в научных организациях отличаются по своему типу. Административные должности соотносятся с целями управления организацией, в то время как академические должности связаны с функционированием образовательного процесса. В рамках такой логики путь от «студента к ректору» выглядит скорее, как мифологическая конструкция и, что самое интересное, не обладает таким шармом как, например, путь из «кассира в менеджеры». Такое сравнение избрано не случайно, ввиду того что мы хотели бы не совершать классическую ошибку, заключающуюся в представлении университета как производственной структуры. Мы понимаем, что часть учёных может не согласиться данной точкой зрения, так как образовательные учреждения приняли участие в формировании их как профессионалов своего дела. Возможно, подобные трансформации можно соотнести с классическим процессом в производстве, где материал превращается в продукт, но, как известно, ни один из университетов не может гарантировать стопроцентный результат. В данном

случае мы не критикуем систему образования, а лишь указываем на её специфику и отличие от классических коммерческих объединений, преследующих цель получения прибыли. Возвращаясь к основному вопросу, следует принимать во внимание социальный фактор в продвижении учёного в организации. На многие должности назначение осуществляется из внешних структур, а успешность (или не успешность) деятельности конкретного человека внутри системы университета может абсолютно не влиять на подобные назначения. Это нормальное функционирование в организации, так как само по себе «место» (должность, позиция) не может рассматриваться без наполнения. В конце прошлого века в многих крупных городах США процветала преступность, а её уровень неуклонно рос, особенно в Нью-Йорке. Мэрия города долгое время пыталась менять начальников полицейских управлений, однако это не давало никаких результатов до того момента, пока за дело не взялся Уильям Браттон. Его идея была достаточно простой – он считал, что преступность процветает, так как в самом городе слишком много сбивавших с толка мелких факторов (граффити на муниципальных вагонах метро, нахальное поведение подростков на улицах, разбитые окна и витрины в городе). Несмотря на широкую критику жителей города, он постоянно распорядился менять разбитые окна в домах, не выпускать разрисованные вагоны на рейсы и ужесточить меры к мелким хулиганствам подростков. В культуре такой подход позже получил название «теория разбитых окон». Данный пример взят в качестве интересного примера наполнения функционального места. Социум города ожидал от новых руководителей полиции жёстких действий по отношению к нарушителям, ужесточение штрафов, или даже системный контроль улиц. Поэтому действия Браттона вызывали удивление и недоверие, несмотря на то, что его подход дал результат и преступность снизилась более чем на 50%. С другой стороны, мог бы кто-то не обладающий такой высокой должностью изменить ситуацию? Маловероятно, потому что место комиссара нью-йоркской полиции предоставляет вполне конкретные-властные полномочия. Таким образом, представленная выше вертикальная модель авторитета указывает на отношение зависимости авторитета от занимаемой должности. Как и любая иерархичная модель, она ограничена (в данном

случае университетскими реалиями) и выйти за её пределы проблематично. Такая точка зрения коррелирует с позицией П. Бурдьё указавшего на то, что в рамках функционирования научных полей можно выделить «доминирующие» и «доминируемые» позиции⁷⁰. В роли последних выступают учёные, которые только начали втягиваться в процесс накопления личного научного капитала, а потому находятся в состоянии зависимости от старших и статусных коллег. С другой стороны, мы хотели бы оставить место и для другой – более социальной интерпретации вертикальной структуры. Дело в том, что образовательные учреждения не являются целеустремлёнными сами по себе. Это одна из распространённых ошибок, которые совершали многие исследователи кибернетических процессов. Цели всегда привносит человек, а не занимаемое им место. Ранее мы говорили о том, что для должностей могут существовать нормативные описания в виде инструкций, устава, кодекса, но то, как эти нормы соотносены непосредственно с деятельностью – вот центральный и самый интересный вопрос. В одной из работ⁷¹ Щедровицкого есть прекрасная глава, посвящённая вступлению человека в новую должность, где он описывает корреляции между парами «индивид–личность», «личность–организация», «индивид–организация». Георгий Петрович утверждал, что процесс непосредственного освоения места (должности) – это сложная и особая деятельность, прежде всего, потому что она предполагает комплекс действий, лежащих за пределами обычного выполнения должностных обязанностей.

В современном мире университеты следует рассматривать как крупные системы наравне с экономическими организациями или даже корпорациями (в тоже время следует помнить о дифференциации производственных процессов, о которых мы говорили ранее). Университеты обладают крупным объёмом функциональных задач и соотносятся с управленческой деятельностью, которая должна быть равномерно распределена между конкретными должностями. Именно поэтому в данном исследовании модель получила название

⁷⁰ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. – М., 2005. – С. 134–135.

⁷¹ Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление. Идеология, методология, технология. – Изд.: Студия Артемия Лебедева, 2014. – 466 с.

«вертикальная». Вертикальная, потому что существует чётко прописанная система должностей в структуре университета, и она задаётся отношениями руководства и управления, отражёнными в уставе института (или другом полномочном документе). Конечно, в данном случае мы говорим о распределении обязательств, а не авторитета, так как последний не выражается в нормативном описании. Кроме того, существует расстановка конкретных руководящих позиций (заведующий кафедры, главный эксперт, декан факультета и др.), возглавляющие структурные подразделения (научный отдел, факультет, кафедра). Необходимо отметить, что вертикальные системы ставят перед собой конкретную задачу: выполнение всего объёма управленческих задач необходимых для нормального (продуктивного) функционирования. Другим немаловажным моментом является процедуры координации между руководителями структурных подразделений, которые задаёт уровни управления. Классически принято распределять руководителей по трём категориям: руководители нижнего звена, руководитель среднего звена и руководители высшего звена (здесь мы вновь используем классическую для экономики классификацию). Такое разделение больше свойственно бизнес отрасли, где руководителей обычно называют менеджерами, а их положение в компании зависит от стажа и навыков и определяет их уровень зарплаты и обязанности. Несмотря на это, изучение управленческих механизмов и выделение закономерностей в них также принадлежит сфере науки. Так, например, Т. Парсонс в работе «The Social System» вводит дифференциацию деятельности руководителей по их функциям⁷². Принципы, изложенные в его научной работе, применимы и на современном этапе развития научного сообщества и могут быть использованы для более содержательного раскрытия вертикальной модели и значения авторитета в структурах воспроизводства знаний. Именно поэтому необходимо остановиться на управленческих уровнях Т. Парсонса и соотнести их с нашей моделью. Основанием «пирамиды» Парсонса выступает технический уровень, где происходит основная повторяющаяся каждый день деятельность, которая необходима для нормального функционирования института

⁷² *Parsons T. The Social System. – New York, 1951.*

или организации. На данном уровне находятся охранники, уборщики, диспетчеры и прочий обслуживающий персонал (или операционные управляющие). Вторым по счёту в рамках концепции Т. Парсонса является управленческий уровень, на котором размещаются руководящие позиции, нацеленные на усиление какого-либо отдела или подразделения. В целом на этом уровне решаются общие вопросы оптимизации процессов. В рамках данного исследования (и рассматриваемой вертикальной модели) можно сказать, что к управленческому уровню в рамках университетов можно отнести такие должности как заведующий кафедрой, руководитель научной группы, консультант по научной деятельности и т. д. Верхушкой пирамиды и третьим уровнем в соответствии с классификацией вышеуказанного исследователя является институциональный уровень, где сфера деятельности заключается в адаптации нововведений, подготовке университета к изменениям в функционировании, созданию внешнего статуса организации в общественных, экономических и политических отношениях. Другими словами, эта сфера, принадлежащая высшим должностям в рамках общества, которые обладают достаточно высоким уровнем авторитета и широким кругом полномочий. В рамках научного сообщества это могут быть ректор университета (или же президент), декан факультета, академик РАН и др. Точка зрения Парсонса в современной картине мира научного производства может быть даже более убедительной, чем раньше, однако в ней присутствует некая недосказанность, которую мы бы хотели преодолеть. «Пирамида», рассмотренная выше, не решает проблемы развития в научной деятельности. Любой университет *функционирует*, так как это первостепенная задача. Система должна воспроизводить собственные процессы, чтобы жить. В рамках нашей вертикальной модели каждый из элементов обслуживает эту задачу. Именно здесь мы проводим демаркационную линию между функциональными возможностями руководителей крупных коммерческих компаний и университетов. Последние не содержат в своей вертикальной структуре институциональные формы, за которыми закреплена деятельность развития. В корпорациях за развитие отвечают целые отделы и подготовленные менеджеры. В рамках университета ректор просто не в состоянии выполнять эти задачи (он занят поддержива-

нием функционирования – у него другие задачи и проблемы). Примечательно, что в крупных компаниях «последнее слово» остаётся за советом акционеров, то есть за теми, кто осуществляет непосредственное финансирование компании за счёт средств личных капиталов. Как известно, ректор не распоряжается своими собственными деньгами при продвижении университета, поэтому для него отсутствует ситуация риска. С нашей точки зрения, перераспределение бюджетных средств на нужды университета никогда не приведут к развитию, потому что наука крайне требовательна в экономическом смысле слова. Интересный гибрид развития и функционирования демонстрируют ведущие университеты мира, где развитие возможно за счёт использования эндаументов (endowment). Мы отклонились от темы рассмотрения принципов распределения авторитета в рамках иерархичных структур, однако это было необходимо, чтобы на примере университетских конструкций деятельности ввести в исследовательский фокус ещё одну распространённую пару «авторитет-капитал», так как вопросы развития организационных структур зачастую связаны с экономической областью.

Значит ли вышесказанное, что иерархическая модель распределения авторитета не предполагает развития? Вовсе нет, но подобная схематизация лучше подходит для описания процессов руководства. В этом заключается проблематизация нашей модели. На схеме от каждого прямоугольника идёт стрелка и линии, которые фиксируют связи. Таким образом, наши функциональные места не «болтаются в воздухе», а обладают связями (как молекулы вещества) и образуют структуру. В контексте наполнения функциональных мест связывание происходит за счёт коммуникации. Коммуникация в такой модели, как правило, происходит по принципу «сверху–вниз» и «снизу–вверх». Обычно «сверху» на более низкие уровни приходят разного рода распоряжения, рекомендации, регламенты, правила, постановления и т. д. Адресаты данных посланий должны ознакомиться с ними и интегрировать в свою деятельность («откликнутся»). Естественно, что в социальном плане отклик может быть разного характера, а иногда его может и вовсе не быть. В последнем случае высшие должности в организации стараются прибегать к различным методам, чтобы его получить. Среди невропатологов и остеопатов существует определённый шаблон

объяснения клиентам того, что такое проводимость нервных сигналов в организме. Представьте, говорят они, что Ваша голова – это президент, который спускает указание (импульс) своей администрации (шейный отдел позвоночника), а те далее присылают его регионам (поясничной отдел, суставы ног и т. д.), которые должны дать обратную связь. Если её нет, значит сигнал попросту где-то потерян и задача выяснить почему. Для иерархичных систем организации деятельности принцип работы схожий и дисфункций, естественно, тоже достаточно. Это напрямую связано с высоким уровнем бюрократии и феноменом «долгого отклика» (когда решение по тем или иным вопросам должно приниматься в кратчайшие сроки, но это не представляется возможным из-за количества формальных процедур и необходимости согласования с самыми авторитетными инстанциями в структуре). Авторитет в организациях, таким образом, указывает на возможность принятия решений. Как Вы понимаете, ни о каком равном распределении авторитета в подобном случае и речи быть не может. Итак, попытаемся резюмировать полученные результаты. «Авторитет места» – это структурное положение конкретной единицы относительно других в рамках единой организации (его мы также называем «авторитет должности», «авторитет позиции»). Оно объективировано в правовых документах и не связано с «наполнением». «Наполнение места» – это процесс осваивания индивидом позиции, или должности в условиях реального функционирования организации. При успешном завершении данного процесса, индивид входит в должность и начинает работать. Последнее сопровождается личной заинтересованностью и целями, которыми обладает индивид. Цели организации и цели индивида всегда разные. Именно поэтому «индивидуальный авторитет» конкретного индивида в организации может конкурировать с авторитетами места. Авторитет измеряется возможностью принятия решений организационного и управленческого типа, влияющими на функционирование организации.

Возможно, Вы уже заметили, что вертикальная модель не только иерархична, но и архаична, особенно если учитывать современные практики, организуемые менеджментом крупных компаний, или руководителями ведущих высших учебных заведений мира. Действительно, и в практике развития научных сообществ

уже появились прецеденты усложнения или модернизации классической иерархичной структуры. В отличие от традиционной схемы, которая обычно содержит однообразный тип связи (сверху–вниз, снизу–вверх), структуры современных университетов стараются организовать новые формы взаимодействия учёных, которые будут реализовываться по принципу совместной (не вертикальной) работы. Среди таких форм мы можем назвать следующие: научные и исследовательские центры при университетах, инновационные отделы при кафедрах (или других структурных подразделениях), научные школы и т. д. С одной стороны, при создании подобных подразделений первичная (или как её называют американские исследователи – «parental») иерархия никуда не исчезает. С другой стороны, за счёт их создания у научного сообщества появляется новое поле для содержательной коммуникации и сотрудничества, а также появляется возможность для конкуренции как в рамках самого нового подразделения, так и в рамках университета и даже страны. Необходимо подчеркнуть, что такой подход во многом схож с экономической действительностью, где крупным компаниям проще открыть новый отдел, чем радикально изменять структуру всей компании или корпорации. Новые отделы добиваются аналогичных результатов в более короткие сроки и с гораздо меньшими затратами и распределением ресурсов. В рамках представленной монографии такой тип функционирования называется «комплементарный». Важно отметить, что этот тип модели не может существовать без нескольких важных нюансов, среди которых можно назвать надежный набор технологий. Эти технологии помогают убедиться, что научные работники смогут сотрудничать и получать доступ друг к другу, а также получать информацию в любом месте, в любое время и на любом устройстве. Вторым важным моментом для данной модели является понимание современных тенденций в развитии науки. Это напрямую влияет на успешность функционирования таких подразделений, а также на их финансирование. Немаловажным фактором является и возрастной ценз участников комплементарных подразделений, а именно возраст руководителей проектов, или кураторов. Последние должны принимать принцип сотрудничества и чётко осознавать границы собственной деятельности, чтобы не делегировать свои полномочия

другим. Такая ситуация очень распространена в рамках классических вузов, устроенных по иерархичному признаку, и если такой подход дублируется в подразделениях университета, то они попросту будут являться не эффективными. Другими словами, руководители сосредотачиваются на том, чтобы поддерживать свой статус и репутацию, вместо того, чтобы продвигать научные разработки. Возможно, одним из удачных решений в рамках подобной ситуации является привлечение специалистов из других университетов страны или даже мира с целью обмена опытом. Пожалуй, одной из главных задач в данной части монографии будет являться поиск тех критериев, которые позволяют отличать новый тип подразделений от классических, так как одного временного фактора учреждения подразделения явно недостаточно. В связи с этим, целесообразным будет обратить внимание на принципы функционирования ведущих вузов мира, таких как Оксфорд. Одной из его главных особенностей является то, что основу университета составляют колледжи, каждый из которых можно с уверенностью назвать отдельным субъектом научной деятельности. Каждый из них обладает своими библиотеками, центрами, лабораториями, спортивными площадками. Административная деятельность в Оксфорде крайне сложная, так как необходимо координировать около 30 колледжей, каждый из которых является особенным и представляет своё «крыло» научной подготовки. В целом администрирование сводится к нескольким процессам: а) это установление регламента; б) создание бренда (других внешних – статусных атрибутов) для колледжа; в) воспитательная работа. Безусловно, при рассмотрении Оксфорда мы предоставляем ему место образца и принимаем точку зрения тех, кто может обосновать ряд причин, доказывающих «почему в России подобное невозможно». В данном случае дело касается специфики работы с подразделениями и умение грамотно управлять сложными социальными процессами, которые происходят в искусственных системах обучения и науки. Указание на длину исторического пути Оксфорда обычно останавливает многих проектировщиков образовательных и учебных программ, но для исследуемой нами проблематики, этот фактор является только усиливающим. Ещё раз попробуем закрепить внимание на важном тезисе: при рассмотрении функционирования научных и учебных

организаций, следует обращать внимание не только на исторический (или имущественный / капитальный контекст), а на реализацию в деятельности программных оснований. Общеизвестно, что Россия более 10 лет назад перешла к Болонской системе высшего образования. Данный переход реально повлиял на изменения в образовательных программах и профессиональных стандартах, но также изменил и качество предоставляемых высшими учебными заведениями услуг (не в лучшую сторону), не говоря уже о том, что российские дипломы до сих пор не котируются в мире. Присоединение к программам не всегда гарантирует качественный скачок в деятельности и дело тут опыте России, а в том, что между «нормой» и «реализацией», как уже было отмечено нами ранее, всегда есть расхождение. Это исходный принцип в деятельности.

Возвращаясь к моделированию, необходимо подчеркнуть, что вышеуказанная модель обладает и позитивными характеристиками, так как иерархия в ней рассматривается в качестве особой формы многоуровневого управления. Университеты – это сложно организованные системы, чьей основной задачей является обеспечение саморегулирования и самоорганизации каждого уровня системы. В данном контексте вертикальная модель полностью коррелирует с кибернетическим принципом иерархии управления и автоматического регулирования. С другой стороны, в настоящее время необходимо трезво оценивать достижения кибернетики и помнить про основную «преграду» данной сферы (принцип обратной связи – невозможный для социотехнических систем). Кроме того, в рамках данной модели появляется реальная возможность реализовать стратегию преемственности, описанную П. Бурдьё, и заключающуюся в том, что каждому агенту передана задача сохранения установленного научного порядка (своеобразный консерватизм в реалиях научного сообщества)⁷³. Это необходимо для воспроизводства научного капитала и сохранения структуры поля. Стратегия преемственности основана на факторе стабильности – уверенности в завтрашнем дне для учёного и возможности выстраивать собственную карьерную траекторию. Отметим, что любая стратегия выстраивается исходя из отношения субъекта (учёного) к объекту (определённому порядку). Говоря о неоднородности

⁷³ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. – М., 2005.

поля, прежде всего, подразумевается структура распределения капитала в нём. Другими словами, чем больший капитал находится в рамках конкретного научного поля, тем дороже стоит «плата за вход» для учёных. Это, в свою очередь, снижает чувствительность агентов уже входящих в поле – они расслабляются и перестают реально конкурировать между собой (конкуренция скорее имитируется). Последнее можно легко проверить, если обратить внимание на динамику профессорско-преподавательского состава в любом из отечественных университетов. Представители высших ступеней ППС могут не менять место работы десятилетиями, а младшие научные сотрудники чаще всего предпочитают режим карьерной «гибернации». В публичном доступе представлена статистическая информация по публикационной деятельности сотрудников любого Российского вуза, которая чаще показывает негативную динамику (<https://russiaedu.ru>; <https://vuzoteka.ru> и др.). С чем связано такое торможение в сфере образования? Возможно, научное сообщество все ещё представлено преимущественно советскими учёными и соответствующим стилем ведения научной деятельности. В данном случае это не критика, а скорее наблюдение, указывающее на некоторую традиционность, или консервативность в реализации образовательного процесса. Возможно, сказывается низкая популярность научно-преподавательской профессии, что позволяет многим кафедрам и институтам внутри вузов долгое время сохранять коллективную однородность. Другими словами, авторитет уже распределён определённым образом и все участники согласились с этим. В данном контексте вспоминается один из интересных случаев, который имел отношение к практике слияния университетов в ПФО (2014–2018 гг.). В одном из университетов в качестве нового заведующего кафедрой по гуманитарному направлению был избран молодой доктор наук. Ректор университета абсолютно правильно настаивал на обновлении кадрового потенциала, но он и предположить не мог, что новый заведующий попадёт в сложнейшую ситуацию организационного плана. Весь профессорский состав кафедры составляли видные деятели региональной науки, являвшиеся его (заведующего) преподавателями из прошлой – студенческой жизни. Как Вы понимаете, уважение этого человека к ним было настолько глубокое и трепетное, что разрешать конфликты на кафедры он попросту не мог, так как это предполагало

переход на одну из «сторон». Последний феномен очень интересен для изучения, так как в него зачастую бывает втянуто и руководство университета. С нашей точки зрения преодолеть застой в университетских сообществах вполне реально, но для этого необходимо проанализировать опыт зарубежных вузов в части юридического аспекта при найме преподавательского состава. Например, в ряде европейских высших учебных заведений Вы не можете проработать на одной и той же кафедре более 1–2 лет. После истечения данного срока работодатель попросит Вас сменить университет (сопроводив Вас при этом рекомендательным письмом), чтобы Вы набрались опыта. После этого можно будет вновь вернуться в родной альма-матер. Система построена на простом принципе постоянной мобильности учёного и адаптации к новым условиям. Обычно специалисту действительно достаточно двух лет, чтобы понять основные системные принципы работы университета, влиться в коллектив, привыкнуть к нагрузке и пр. Влияет ли это на негативно на деятельность преподавателя? Вероятно, данный вопрос субъективен сам по себе, однако сложнее поспорить, что на новом месте человек всегда находится в более сконцентрированном состоянии, что в целом даёт положительную динамику.

Возвращаясь к схематизации, отметим, что в рамках вертикальных систем любая должность предполагает права и обязанности и, соответственно, зону компетенции и влияния. Например, бессмысленно сравнивать капиталы аспиранта и профессора в рамках функционирования научного поля университета – она колоссальна. Проблематично сравнивать и схожие по рангу позиции в научном поле, так как очень много зависит от его контекста. В этом смысле, всегда определяющим будет структура поля, а не личные достижения учёного, или же его способности. Кроме того, оценка достижений учёного это достаточно долговременный процесс, несмотря на то, что многие научные и образовательные структуры стараются применять различные методы для объективации данных достижений. В многих Российских университетах сейчас действует рейтинговая система для сотрудников, где их достижения конвертируются в баллы, а далее бальный показатель выступает в роли критерия для оценки. Часть университетом все ещё делает акцент на количестве публикаций и индексе Хирша преподавателя. Так или иначе сейчас

происходит этап подбора средств объективации и следует понимать, что они необходимы, в первую очередь, руководителям университетов, а уже потом самим учёным (так как для последних объективация их научного результата происходит в другой системе координат). Именно поэтому модель является неоднородной (с точки зрения распределения научного капитала среди его участников).

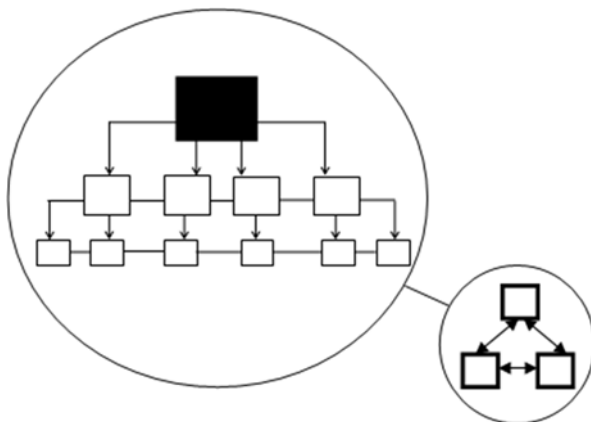

Рис. 3. Вертикальная модель (с подразделением)

Практика организации современных научных университетов показала, что вертикальная модель может быть усложнена и принять следующий вид (рис. 3). Малый круг с собственной структурой – это подразделение университета, которое обладает собственной сферой компетенции и деятельности, а также собственным авторитетом. Связи между членами подразделения отображены с помощью двусторонних стрелок, чтобы подчеркнуть принцип сотрудничества, а не паритета должностей. Квадратами в подразделении так же обозначаются функциональные места, но, в отличие от структуры большого круга (университета), они обладают одинаковым выделением, то есть уровни их авторитета равны. Важным элементом в данной схематизации является связь, которая соединяет университет с подразделением. В рамках такой системы подразделение не существует автономно и может быть расформировано университетом в любой момент в рамках юридических договоренностей. Среди известнейших подразделений подобного типа можно назвать отдел по разработке прогрессивного программного

обеспечения (Massachusetts Institute of Technology), отдел по исследованию новых аспектов развития молекулярной физики (Johns Hopkins University), отдел по разработке и исследованию прогрессивных инженерных решений (Princeton University).

Мировая практика различных профессиональных сообществ имеет примеры самостоятельного функционирования объединений, где нет должностей, старшинства, менеджеров или руководителей, то есть все сотрудники воспринимаются как равные, а авторитет равномерно распределяется среди участников. Такие организации часто называют «плоскими», или же «равнинными» (flat organization, от англ. «Flat» – ровный), то есть не обладающими вертикальными связями. Суть данной структуры заключается в отсутствии среднего звена управления и постоянного взаимодействия с менеджерами. Конечно же, такой сценарий катастрофически влияет на производительность, но в малых коллективах (целью которых не является только лишь оптимизация процесса превращения материала в продукт) этот вопрос решается за счёт синергии сотрудников и образования самоуправляемых команд. Самый известный пример такой организации широко известная компания / корпорация «Valve», занимающаяся игровыми проектами и сферой развлечений. Её политика основывается на том, что каждый сотрудник сам выбирает себе сферу деятельности и проект, в котором ему интересно участвовать. Если работник хочет начать свой собственный проект, то компания берёт на себя ответственность за обеспечение финансирования и создание команды под этот проект. В качестве другого (непроизводственного) примера можно служить программа «Второй Шанс» («Second Chance Programme») – это группа, которая собирает деньги, чтобы помочь сократить бездомность среди женщин австралийских штатах. Созданная в 2001 году она достигла серьёзных результатов и до сих пор управляется комитетом 12–13 человек. Примечательно, что около 20% мировых веб-сайтов сейчас находятся на платформе «WordPress», что делает её одной из самых важных интернет-компаний. За созданием и управлением платформой стоит группа «Automattic», состоящей из нескольких сотен человек, вовлечённых в равнинную структуру управления. Точно такая же история случилась и с «Github», где подавляющее большинство сотрудников работают дистанционно будучи наняты по средствам методам аутсорсинга (outsourcing).

Здесь необходимо сделать одно фундаментальное уточнение. Научное сообщество в виде подразделений, о которых мы говорили выше, вряд ли сможет когда-либо достичь уровня абсолютной автономии, так как в рамках современного мира для такого рода жизнедеятельности сообщества необходимы собственные финансовые потоки и капитал, который можно инвестировать и реинвестировать. Для компаний, определяющихся на рынке товаров и услуг это возможно и естественно, однако не для научных сообществ, которые занимаются исследованиями и поддерживаются за счёт средств государства, фондов, благотворителей и т. д. Другими словами, для организации с сотнями и более сотрудников такой тип структуры просто невозможен. Почему мы пишем «вряд ли», когда говорим о реализации равнинной структуры в науке? С одной стороны, ошибочно помещать коллективы учёных только лишь в рамки науки и научных организаций с их строгими иерархическими отношениями. Мир сегодня профессионализирован, но, в то же время, мультикультурен. В таком идеальном плане равнинный сценарий может сработать в любом месте. Благоприятным фактором будет являться динамичная ситуация на исследовательском плацдарме. Абсурдно спорить, что небольшой коллектив гораздо мобильнее и быстрее осваивает научные тренды, нежели крупные институты и научные организации (прежде всего, из-за формализованности последних). Равнинные коллективы обычно очень чуткие к инновации и последнее в науке ценится не меньше, чем в любой коммерческой структуре. Безусловно, открытие в науке и инновацию в производстве не стоит путать. В то же время мы не подразумеваем в данном случае экономический и финансовый аспект, а лишь указываем на то, что новое всегда оценивается высоко (и всегда «добывается» тяжелее всего). Равнинная организация для научного сообщества возможна, если учитывать, что в основе flat organization лежит общность цели (развитие знания, продвижение науки и т. д.). Эти размышления неминуемо ведут к тезису о том, что организации с плоскими структурами превосходят организации с более традиционными иерархиями в большинстве ситуаций. Данную тенденцию прекрасно описывает создатель всемирно известной консалтинговой фирмы «Strategos» Гэри П. Хэмел в работах «The Future of Management» и «Strategic Flexibility: Managing in a Turbulent Environmen» (в сжатом виде его идеи были рассмотрены

одной из относительно недавних публикаций журнала Forbes ⁷⁴). Несмотря на вышеуказанные аргументы, равнинные структуры все ещё относительно редкое явление. Почему? Возможно, это связано с тем, что идея демократии на рабочем месте не является простой для осмысления (большинство людей просто не могут поверить в реализацию данного принципа). В том случае, если Вы действительно верите в демократию, трудно представить себе работу без иерархии. Может ли такая работа быть полезной и продуктивной – спрашивает себя любой рациональный человек, прошедший ряд иерархических институтов в процессе социализации (детский сад, школа, университет, семья и т.д.). Другими словами, «нормальная структура» настолько глубоко укоренилась и настолько широко распространена, что альтернативные точки зрения еле пробивают себе дорогу. Это ещё раз подчёркивает важность тематической исследований выбранной проблематики. Кроме того, существует и объективная проблема изменения организационной структуры уже функционирующих институтов. Создание равнинной организации в начале – это одно, а вот организация таких коллективов «рядом» с крупными системами, или даже внутри них, задача крайне непростая. Например, Рикардо Семлер (компания «Semco») долгое время пропагандировал свободное управление («управление с участием менеджмента») в своей компании, но государственные служащие и профсоюзы убедились в эффективности данного подхода только когда грянул мировой кризис, а компания Рекардо не только сохранила все рабочие места, но и увеличивала свой темпы роста ежегодно. Примечательно, что в этом примере мы вновь дивимся к необходимости лидера, или волевого авторитета: *«Что бы ты ни делал, люди в компании естественным образом создают себе харизматичного лидера и лелеют его, – признается он. – В свою очередь, и сам харизматичный лидер подпитывает этот процесс; это не происходит спонтанно, но контролировать свое эго, переступая порог офиса, очень трудно. Сотрудники Semco не похожи на меня. И ведут они себя не так, как я. В них нет никакого подхалимства, но все же у меня создается ощущение некоего*

⁷⁴ Forbes / Gary Hamel: Can Big Firms Be Agile? – 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/stevedenning/2016/11/27/gary-hamel-can-big-firms-be-agile/>

*культы моей личности. Они приписывают мне успехи, которых мы добились вместе, не сваливают на меня вину за ошибки, которые на самом деле совершил именно я, и придают неоправданно большое значение моим словам. Я думаю, все это никуда не денется»*⁷⁵. Так или иначе, кроме субъективного, существует и объективный фактор – развитие технологий. Цифровые технологии облегчают распределенную работу, и мы вступаем в социальную эру, где равнинные структуры будут становиться все более распространенными. Местонахождение высококачественных специалистов, востребованность инноваций, мировые проблемы – веские деловые причины для того, чтобы относиться к людям с достоинством, обеспечивать автономию и организовываться в небольшие команды, а не в большие иерархии. Это начало переосмысления управленческих моделей и деятельности в целом. Вряд ли наука сможет обойти стороной этот вопрос, поэтому складывание равнинных коллективов может быть решением для развития научных областей и предметов нового образца.

Отдельно необходимо отметить то, что и плоские / равнинные организации, и научные подразделения имеют схожие проблемы, связанные с аспектом авторитета. С одной стороны, это неформальные иерархии, которые автоматически создаются на основе стажа, то есть компетентность измеряется временем, проведенным в компании. С другой стороны, в подобных структурах сообщества сложно избежать образований, которые Н. Луман называл «стратегическими кликами» (группы людей, которые используют структуру организации в собственных корыстных целях⁷⁶). В таких сценариях авторитетная единица концентрирует вокруг себя большую часть внимания членов научного сообщества для их привлечения и дальнейшего лоббирования собственных интересов. Для преодоления подобных ситуаций продвинутые системы (ТНК, международные научные университеты и пр.) уже придумали систему мобильности, которая позволяет любому сотруднику минимум раз в год

⁷⁵ Свой бизнес / Рикардо Семлер: предприниматель, не желающий ничего контролировать [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mybiz.ru/articles/leaders/rikardo-semler-predprinimatel-ne-zhelayushhij-nichego-kontrolirovat/>

⁷⁶ Luhmann N. «Was ist der Fall?» und «Was steckt dahinter?» Die zwei Soziologien und die Gesellschaftstheorie // Zeitschrift für Soziologie. – 1993. – №4.

менять рабочий коллектив за счёт командировок, или перемещению в рамках вертикальной структуры в другие подразделения. Это выглядит оправданным, если предположить, что накопление капитала, о котором говорит П. Бурдьё, легче осуществлять в стабильных и уже изученных полях взаимодействия. В этом смысле тенденция к наращиванию капитала выглядит вполне естественным для большинства учёных и единственно осмысленным занятием в рамках вертикальной модели.

Подразделение в вышеуказанной модели играет роль относительно свободной (независимой) единицы, которая обладает собственными процессами и позволяет реализовать один из принципов кибернетики (принцип декомпозиции). Сбалансированной же с точки зрения продуктивности и оптимизации является модель, которая могла бы объединить иерархическую и плоскую структуры в одно целое. Например, такая модель может развернуться в изначально иерархичных научных университетах, которым необходимы отдельные команды для исследования нового объекта. В какой-то мере такие команды можно условно назвать «научными инкубаторами». В такой модели сообщество действует в рамках существующей структуры, но позволяет своим членам высказывать новые и инновационные идеи. Будут ли эти команды учёных действовать на постоянной основе или создаваться как временные объединения с целью получения конкретного результата – это вопрос, касающийся политики научного университета, который заинтересован в таких инновациях. С уверенностью можно сказать, что вышеназванный подход не является теоретическим и уже реализуется во многих университетах нашего мира за счёт целевых фондов, или же эндаументов (Harvard University, Yale University, Stanford University, Princeton University и др.). В Российской Федерации такие фонды начали образовываться относительно недавно (с 2007 года), что объективно затрудняет быстрый переход на новый тип модели функционирования университетских сообществ. Ранее мы говорили о затруднениях с целевыми фондами, с которыми сталкиваются отечественные университеты. Добавим, что в рамках российской юридической действительности (пока) слабо проработана тематика трастов как самостоятельных собственников. В рамках англо-саксонского права данная форма собственности суще-

существует уже более 200 лет, а сами трасты являются стабильным экономическим субъектом во взаимоотношениях с университетами и образовательными организациями. В правоприменительной практике Российской Федерации всё же более привычными формами является договор доверительного управления (в котором отсутствуют механизмы защиты архивов) или фонд. Последние в РФ ближе к «foundation», нежели к фондам инвестиционного типа (fund) и никогда не могут быть частными, что накладывает определённые ограничения на функционирование. С нашей точки зрения, создание равнинных организаций может быть организовано и за счёт усилий фонда, однако пока привести подобные примеры в отечественной практике затруднительно, но, возможно, это перспективный вектор развития.

Если мы будем рассматривать авторитет как преимущество, то логически следует, что в вертикальной модели существует неравномерное распределение такого типа преимущества. Данная ситуация уже была подробно рассмотрена Р. Мёртоном в рамках работы «Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности», где автор обосновывает точку зрения, что на возможности роста учёного влияет ряд факторов (в том числе и университетская среда, заданная определённой структурой отношений между её элементами). С точки зрения автора, наука работает по принципу – «бедный беднеет, а богатый богатеет», но только в рамках науки. Авторитетные учёные поддерживают свой статус за счёт деятельности более молодых коллег, однако данную стратегию нельзя назвать взаимовыгодной⁷⁷. Острая тема научных публикаций и цитирования, анализируемая Р. Мёртоном, является актуальной и по сегодняшний день. В погоне за отстаиванием собственного статуса многие известные учёные принимают участие в сомнительных научных мероприятиях и являются соавторами второсортных научных статей. Почему так происходит? Для ответа на данный вопрос необходимо представить авторитет в форме личного капитала учёного. Капиталом можно распоряжаться по-разному, однако наиболее успешной стратегией будет инвестирование. В рамках вертикальной модели

⁷⁷ Мертон Р.К. Эффект Матфея в науке, II. Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. – 1993. – №3.

инвестирование капитала происходит в средства поддержания порядка в рамках сферы деятельности владельца капитала (кафедра, университет, научный центр). В этом смысле Р. Мёртон критикует тех учёных, которые постоянно настаивают на соавторстве в рамках любого научного проекта, хотя де-факто они не принимали в нём никакого участия. Вышеназванная ситуация является типичной и проблемной для вертикальных структур воспроизводства знания. Существует ли возможность как-то преодолеть иерархические барьеры? Одним из возможных решений является создание систем защиты научного капитала. Так, например, в рамках европейских университетов широко известна практика ограничения количества авторов в научной статье. С этим, кстати, часто сталкиваются многие коллективы преподавателей, которые стремятся опубликовать свои исследования в журналах, индексируемых в системах «Web of science» и «Scopus». В ряде случаев не ясно, связана ли данная политика с публикационной этикой, или же с экономическим подтекстом. Примечательно, что рынок научных журналов в данный момент представлен не только благородными издательствами и теми, кто буквально продаёт место в зарубежных статьях, где цена вопроса может колебаться до 1000 долларов за одну публикацию. Другим удачным решением может оказаться рассмотренные ранее «равнинные» структуры деятельности, которые будут выведены из-под патроната старших научных сотрудников. Третьим модернистским решением является изменение системы финансирования научной деятельности ППС, потому как последние зачастую вынуждены объединяться из-за экономического фактора обслуживания собственной научной деятельности. Зарплата преподавателя – это не инвестиционный инструмент и никогда таковым не будет, так как обслуживание научных исследований – это вопросы кооперации с финансовыми субъектами, заинтересованными в получении результата. В данный момент, мы сильно сомневаемся, что обеспечение научных исследований под силу любому бюджетному учреждению. Прежде всего, потому что научная отрасль крайне затратная экономическая единица и опыт зарубежных стран доказывает это уже в течении нескольких десятилетий. Университет может способствовать привлечению частного капитала, но здесь мы вновь возвращаемся к проверенной схеме взаимодействия через фонды и трасты. Есть ли альтернативы? Да, частные

вузы, которые по своей сути не базируются на бюджетных средствах и не зависят от его распределения каждый календарный период. Есть и другой, более сложный путь, предполагающий разделение педагогической (собственно преподавательской) и научной деятельности. Крупной проблемой рейтинговых систем в РФ является установка на то, что профессорско-преподавательский состав должен качественно справляться и с нагрузкой, и с исследовательской работой, что, естественно, невозможно. В американской системе образования на этот случай существуют сдерживающие коэффициенты. Например, если сотрудник вовлечён в деятельность создания технологии, то кафедра не может возлагать на педагогическую нагрузку, превышавшую 10 процентов от его общего рабочего времени (90% времени должны уходить на технологическую работу и исследование).

Ещё раз отметим, что задача данной монографии рассмотреть авторитет в контексте современных философских средств, но, как Вы видите, сущностное рассмотрение авторитета постоянно выводит нас к размышлению о деятельности и принципах её организации. Вертикальный тип авторитета живёт по принципам иерархии структуры и может быть обнаружен на любом из её уровней, но интересным вопросом остаётся возможен ли авторитет без связей подчинения? В данной главе мы попытались осмыслить данный вопрос и пришли к выводу, что такая возможность, безусловно, есть. Далее нам необходимо развить данную мысль и дать название таким типам авторитета и описать принципы их функционирования. С вертикальным же авторитетом всё, на первый взгляд, просто – он существует в иерархической организации до тех пор, пока она не перестанет функционировать, или же (это уже чисто социологическая интерпретация) пока человек не потеряет функциональное место в этой структуре. Очевидно, что потеря работы не может являться основанием для потери окончательного авторитета, но об этом мы говорить далее в других главах – на другом исследовательском материале.

§2.2. Спутниковые системы (спутники)

В данном разделе мы постарались описать ту ситуацию, где авторитетная позиция могла быть не привязана к жёсткой иерархичной системе, но при этом участвовать (влиять) на неё. Данная модель акцентирует своё внимание на положении авторитетов во вне. Они влияют на деятельность научных сообществ, находящихся непосредственно внутри систем воспроизводства знаний.

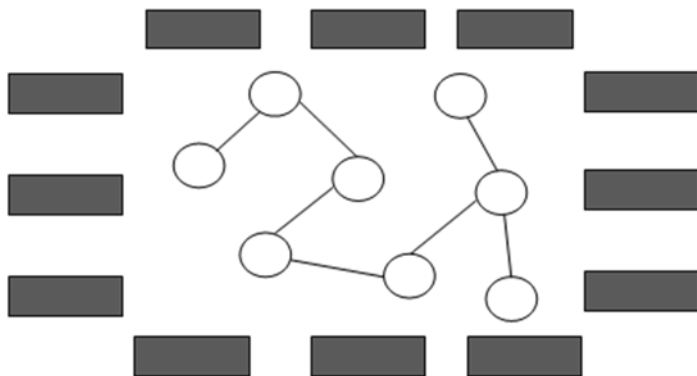

Рис. 4. Модель сателлита (спутника)

В этой модели научное сообщество представлено в виде кружков и проходящих через них связей. Авторитетными же единицами на рис. 4 выступают серые прямоугольники, которые образуют «рамочную структуру». На схеме количество авторитетов и структурных единиц научного сообщества – условно (для каждой новой системы количество таких элементов может быть разным). Следует подчеркнуть, что такая модель реализуется в нескольких сценариях, и необходимо рассмотреть каждый из них подробно.

Во-первых, такая схема применима для новых научных коллективов или сообществ, где деятельность может возникать по поводу абсолютно новых объектов и (или) с инновационными целями. Для лучшей иллюстрации этой мысли приведём пример из зарубежной практики. В 2014 году коллектив учёных из Великобритании подал заявку в ЮНЕСКО, в которой они отразили новые пути развития городских территорий⁷⁸. В ней авторы апеллируют к понятию

⁷⁸ Brighton & Hove and Lewes Downs Biosphere Reserve Application / UNESCO // Biosphere reserve nomination form. – 2013.

«Биосферный резерват», которое было введено ещё в 1974 году, однако для обоснования актуальности их инициативы научный коллектив (оформивший заявку) привлекает работы известнейших биологов, социологов, экономистов и даже философов. Это является логичным действием, так как деятельность обсуждаемого коллектива лежит на стыке нескольких научных сфер. В то же время очевидно, что деятельность по изучению биосферных резерватов не присвоена ни одной из них полностью. Поэтому в данном примере научный коллектив будет включать в своё обоснование авторитетных учёных и их работы, чтобы усилить свои собственные основания и развернуть содержательно свою точку зрения, опираясь на признанные миром категории, понятия, концепции и пр. Вышеуказанный пример не единственный в своём роде, а один из тех, которые касаются тематики «устойчивого развития» (sustainable development) – новой области, в которой сейчас реализуются многочисленное количество международных программ и инициатив. Если обратиться к схеме, то авторитетными структурами в рамках устойчивого развития выступают такие акторы, как ООН и ЮНЕСКО. Они формируют плацдарм для научного сообщества за счёт своей деятельности и нормативных документов, создающих «рамку» для деятельности. В качестве таких документов можно назвать: «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», «Цели в области устойчивого развития» (ЦУР), «Стратегия МАБ на 2015–2025 гг.», «Лимский план действий для программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАБ) и ее Всемирной сети биосферных резерватов на 2016–2025 гг.». В качестве содержательного наполнения «кружков» в схеме выступают институты, фонды, научные центры и другие субъекты, которые соотносят свою деятельность с устойчивым развитием. Так, например, в Самарской области находится «Средне-Волжский комплексный биосферный резерват», изучением которого занимается «Институт экологии Волжского бассейна РАН», а также Национальный Парк «Самарская Лука» и «Жигулёвский заповедник им. И. Спрыгина». Деятельность названных сторон разворачивается на одном и том же объекте устойчивого развития, однако регулируются законодательством РФ. В данном случае связь между исследовательскими структурами и международными организациями существует, но

она разворачивается скорее на партнёрских основаниях. Организация Объединённых Наций и ЮНЕСКО в данном случае выступает как «ментор» и авторитет в вопросах устойчивого развития, однако не вмешивается в эти процессы (если они происходят без явных нарушений). В модели, представленной выше, авторитеты находятся как бы на «орбите» научных сообществ, то есть являются их «спутниками». Отличительной особенностью данной модели является абсолютная свобода научного сообщества в выборе авторитетов (в отличие от вертикальной модели, где авторитет уже встроен в структуру функционирования). Абсолютно логичным будет предположить, что некоторые научные сообщества существуют уже долгое время и имеют свою историю, а также уже сложившийся статус-авторитет. Новые или же вновь складывающиеся научные сообщества не могут пользоваться авторитетом своей альма-матер, так как не всегда создаются на базе университетов. Другими словами, научные сообщества нового типа должны буквально «заполнить» свою деятельность авторитетами для успешного функционирования. Такой сценарий возможен и является единственным возможным в рамках появления и обоснования новых наук. Любая проблема, попав в научное поле, сразу же рассматривается в рамках существующих предметных областей и систем знания. Если же проблема является уникальной, то современному учёному предстоит обосновать её актуальность и новизну, естественно, привлекая авторитетные исследования в рамках вышеназванного обоснования. Говоря об однородности в данной модели, следует указать, что в процессе создания новых наук (или даже научных областей) научный капитал рассматривается как совокупность всех знаний, накопленных в определённой сфере. Именно его однородность позволила создать наиболее чёткую систему и провести границы, за пределы которых смог выйти учёный (или группа учёных) в своё деятельности, тем самым обнаружив новые предметные области.

Модель сателлита также можно рассматривать с точки зрения уже сложившихся традиций в зарубежной системе образования. Так, например, в большинстве европейских и американских университетов распространена практика включения тьюторов (от англ. tutor – наставник) в процесс обучения студентов. Сам феномен тьюторства берёт своё начало в старейших университетах Европы, где

он означал наставничество. Необходимо понимать, что в те времена университеты не обладали современной структурой и напоминали скорее братства. Однако именно тогда оформилась традиция предоставления студенту выбора курса лекций и преподавателей, которые он мог посещать в рамках своего обучения в университете. Стоит подчеркнуть, что профессора и преподаватели были также свободны в выборе университета и аудитории, которой предназначались их лекции. Таким образом, тьютор осуществлял посредничество между свободным студентом (за которым он был закреплён) и свободным преподавателем, а его основной задачей было понимание, с одной стороны, идеалов академической среды, а с другой стороны, понимания индивидуальных особенностей, возможностей и способностей выбранного студента. С течением времени тьюторские полномочия расширялись и начали включать себя не только помощь в выборе научного направления для студента, но и консультации в аспекте составления индивидуального плана, конспектов лекций, индивидуального графика, курсовых работ и т. д. В такой модели тьюторы выступают в качестве тех самых «авторитетных спутников», которые окружают сообщество молодых учёных и исследователей, способствуя их продвижению и развитию. На первый взгляд может показаться, что такое заявление является противоречивым, так как сами тьюторы являются частью образовательной системы (имеют должность, закреплены за определённой кафедрой и университетом) так же, как студенты. Однако в современном глобальном мире тьюторы всё больше становятся автономными агентами, которые по собственной воле вступают в такой тип отношений с научными коллективами. В данном контексте необходимо назвать фундаментальную работу «Trends in research on the tutor in problem-based learning: conclusions and implications for educational practice and research», выполненную коллективом нидерландских учёных из Маастрихтского университета. В ней подробно описывается характер отношений и деятельности тьюторов и научных коллективов, в которые они вовлечены⁷⁹. От-

⁷⁹ *Dolmans D.H.* Trends in research on the tutor in problem-based learning: conclusions and implications for educational practice and research. / *W.H. Gijsselaers, J.H. Moust, W.S. Grave [et al.]* // *Medicine Teach.* – 2002. – №2.

дельного внимания заслуживает часть работы, посвященная наращиванию и сохранению авторитета тьюторов в рамках развивающихся трендов и тенденций нового миллениума. С точки зрения авторов, тьюторы обладают реальной властью и влиянием в образовательном процессе. Будучи приглашёнными специалистами в университеты, тьюторы быстро входят в процесс обучения и подстраиваются под актуальные традиции сообщества. Однако их методы и интенции к преподаванию не подвержены изменению и влиянию. Это связано с тем, что тьюторы выступают в роли менторов для учеников, студентов, бакалавров и пр. Задачей тьюторов является такое инвестирование собственного капитала (авторитета), которое сможет в дальнейшем создать ситуацию выбора. Под данной ситуацией авторы подразумевают процесс усложнения (специализации) образования, характерный для зарубежной традиции. Специализация должна быть выбрана студентом на основе собственных мотивов и предпочтений, однако практика показывает, что значительную роль в данном случае играет авторитетное мнение преподавателей. Логичным будет предположить, что преподаватели из сообщества университета (или же школы, колледжа, лицея и т. д.) будут создавать такие условия, в которых ученик склонится к выбору их специализации. Такую тенденцию вышеназванные авторы считают негативной и настаивают на том, что в качестве «рефери» в данном случае должен выступать именно тьютор.

В настоящее время роль тьюторов, или наставников, в образовательном процессе сложно переоценить. Благодаря технологиям и развитию интернета появилось даже целое направление образовательных программ, называемое «e-learning» (обучение в интернете), где общение и обучение происходит исключительно дистанционно⁸⁰. В связи с этим спутниковая модель раскрывается в своей полной мере, так как авторитеты всё больше сопровождают обучающего, намечая общие траектории развития, однако могут находиться на дистанции от него. Дистанционное обучение является прекрасным примером того, как учёный может приращивать собственный научный капитал, при этом не находясь в рамках строгой вертикальной структуры университета. Следуя современным тенденциям в области обучения с участием тьюторов (наставников), в

⁸⁰ *McPherson M. The Role of Tutors as an Integral Part of Online Learning Support / J.M.B. Nunes // Third EDEN Research Workshop. Germany. – 2004.*

2018 году «Агентство стратегических инициатив» провело форум, посвящённый системе наставничества, которая необходима для создания новых научных сообществ в России. В рамках мероприятия участники обсуждали возможные функции наставника, а также возможности исключения человеческого фактора. В данном направлении прогрессивную линию продемонстрировали представители компании «Нейронет», предположившие, что в будущем деятельность наставников можно будет целиком и полностью передать нейросетям. Необходимо отметить также деятельность передового научного центра России «Сколково», который организует ежегодную «Школу наставничества». В контексте рассматриваемой проблематики тематически уместным будет процитировать программного директора Школы наставников Юрия Молодых: «Наша задача – сформировать пул наставников, которые могут развивать у школьников и студентов как фундаментальные компетенции и системное видение предметной области, так и метапредметные компетенции, связанные с целеполаганием, работой в команде и многими другими. Проектная деятельность является ведущим образовательным форматом, поэтому именно эта задача передачи технологий наставничества в проектной деятельности была поставлена ключевой во всех Школах наставников»⁸¹. Ситуация с коронавирусом актуализировала необходимость дистанционных технологий обучения и тьюторства. Последние оказались крайне необходимой единицей, чтобы поддерживать школьников, учеников колледжа и студентов в освоении дистанционных программ и поддержании дисциплины при обучении на дому. Эта деятельность (в большинстве случаев) была передана родителям, или же преподавателям, которые не только должны были перестраиваться и преобразовывать учебный материал, но и следить за посещаемостью и стабильностью посещения онлайн лекций и практических занятий. К сожалению, такой разноплановый набор обязательств фактически сковывал преподавательский состав и превращал педагогический процесс в чисто воспитательный. С другой стороны, существенной проблемой дистанционного обучения в России в период

⁸¹ *Шустяков В.* Школа наставников откроется в Сочи. 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sk.ru/news/b/pressreleases/archive/2018/02/21/shkola-nastavnikov-otkroetsya--v-sochi.aspx>

карантина 2020 года являлось отсутствие обратной связи от обучающегося. В данном случае мы подразумеваем не только неполадки в части технического обеспечения учебного процесса, но и отсутствие «связного» – того самого тьютора, который мог бы быть связующим звеном между обучаемым и преподавателем. Безусловно, необходимо задать грань между «тьютором» и «репетитором», так как последняя форма в России уже превратилась в самостоятельную профессию и дополнительный способ заработка. В Оксфордском университете, например, старший тьютор ежедневно отвечает за все академические вопросы, включая вопросы хозяйствования, координации и стратегического планирования академической деятельности колледжей, а также регулярно организует консультации с руководством университета о планируемых академических разработках или существенных изменениях в существующей практике и политике. Старший репетитор также несет ответственность за принятие решения о том, должны ли кандидаты быть приняты в члены колледжа, или их заявка должна быть рассмотрена в рамках следующего календарного года. Коллегия тьюторов может решать вопросы, связанные с присуждением стипендий выдающимся студентам. Для разнообразия, давайте рассмотрим не только европейский, но и другой опыт организации деятельности тьюторства. В рамках Национального университета Сингапура даже существует и успешно функционирует программа подготовки тьюторов («The Senior Tutorship scheme»), направленная на подготовку талантливой молодёжи к академической среде. Суть программы заключается в финансировании аспирантов и младших научных сотрудников к освоению управленческих компетенций и расширению представления об университетской среде. Многие университеты Сингапура знают о финансовых затруднениях обучающейся молодёжи (процесс перехода из «аспиранта» в «преподаватели» в рамках этой страны может составлять 4–6 лет, в течение которых студенту запрещено официальное трудоустройство). Кроме того, «допуск» к непосредственной педагогической деятельности в Сингапуре получить непросто по ряду причин: возрастной ценз, научный авторитет в университете и пр. На помощь приходит программа подготовки тьюторов, которые занимают место тех самых «спутников» образовательного и научного процесса в Сингапуре. Эти и другие примеры показывают, что в мировой практике «личный

наставник» (он же «репетитор» в рамках нашей действительности) и «тьютор» – это профессии, направленные на решение разноплановых задач.

Одной из целей, которая решается за счёт модели спутника, является обучение, обеспечивающее независимость мышления ученика. Роль авторитетов в ней заключается не в том, чтобы показать, как решать научные проблемы, а в том, чтобы спровоцировать поиск решения. Тьютор не задает вопросов, на которые невозможно ответить, а создаёт продуктивный и содержательный диалог, позволяющий скооперировать усилия в ответе на поставленный вопрос. В связи с вышесказанным возникает вопрос: каким образом в рамках данной модели происходит борьба за распределение капитала (происходит ли она в принципе)? Для ответа на данный вопрос необходимо разобраться в том, что представляет собой научный капитал тьютора (из каких черт и компетенций он складывается). Для этого перейдём непосредственно к анализу:

1. Компетентность и интеллект. Ключевой параметр, который выражается в превосходном владении своим предметом, которое позволяет легко находить необходимую информацию в любой проблемной ситуации. Тьютор обладает значительными знаниями и интуитивным пониманием того, как лучше обучать, основанным на собственном опыте. Другими словами, хороший тьютор – это мастер своего дела, и это мастерство отражается, прежде всего, в средствах педагогической деятельности. Традиционные преподаватели обычно используют лекции в качестве формы передачи собственных знаний, в то время как опытные преподаватели (тьюторы) этого не делают. Это объясняется тем, что тьюторы стараются преподнести студентам уже переработанную версию классических теорий (знаний, концепций и пр.), адаптированную для «современного студента». Таким образом, реализуется принцип теории познавательного ученичества (*cognitive apprenticeship*), которая заключается в том, что преподаватель рассказывает об ошибках его предшественников и указывает на непроработанные места в их научных теориях или концепциях. Благодаря этому ученики уже с ранних лет обучения в университетах складывают понимание общего мышления учёного и возможных ошибок, которые он может совершить. Если рассматривать теорию познавательного сотрудничества детальнее, то можно обнаружить, что в её основе лежит

принцип соотношения знаний с реальностью. Так, например, некоторые учёные (в частности, К. Таннер) получили исследовательские результаты, указывающие на то, что ученики гораздо лучше усваивают лекционный материал, если он был рассмотрен на примере актуальных событий их жизни или жизни их страны. Другая группа учёных настаивает на том, что любой теоретический материал лекций может быть сведён к некому общему явлению или феномену, который ученики должны обсудить перед самой лекцией и высказать свое мнение. Это может помочь лучшему усвоению материала, а преподаватель за счёт обсуждения сможет составить впечатление об общем уровне культуры в рамках группы учеников.

3. Воспитательная интенция. Тьютор – это не просто место в системе образовательных процессов, а живой человек, который переживает за удачу и неудачу своих учеников. В этом смысле тьюторы интересуются жизнью своих учеников, которая лежит за пределами научных институтов. В Великобритании тьюторы часто принимают участие в творческих фестивалях университета, чтобы узнать, чем увлечены ученики. Для тьютора важно, чтобы ученики не только получали знания и успешно справлялись с учебными задачами, но и были так же достойными личностями в других сферах жизни. Именно воспитательная интенция позволяет характеризовать тьюторов не как преподавателей, а как наставников.

4. Использование прогрессивных методов в обучении. Тьютор вынужден постоянно получать и обновлять информацию о процессе обучения, в которое включён ученик. Для этого он может использовать современные технологии, предлагаемые ИТ корпорациями и сетью Интернет. Однако использование электронной почты, дистанционных сред тестирования и прочих атрибутов контроля – это только «вершина айсберга». Настоящий тьютор должен постоянно обеспечивать условия для «целенаправленной практики» (*deliberate practice*), которая должна обеспечить осознанное развитие тех или иных навыков ученика. Какие именно будут эти навыки, должен быть сам обучаемый, а тьютор должен создавать учебные ситуации, в которых будет происходить их актуализация. В рамках данной концепции целенаправленная практика противопоставляется регулярной практике решения учебных задач, которая известна своей однотипностью и шаблонностью. Если гово-

речь более конкретно, то любой образовательный процесс учит решать задачи, которые имеют стандартный набор атрибутов: условие задачи, способ решения задачи, ответ. Проблемным в регулярной практике является то, что научные задачи (в большинстве случаев) не имеют никакого отношения к жизни или жизненным ситуациям. Ученик обучается их решать, но какой в этом смысл? На этот вопрос должен отвечать тьютор, используя прогрессивные методы обучения и актуализируя только что освоенные учеником навыки.

5. Обладание сократическим стилем преподавания. Согласно исследованиям Микки Чи (директора института педагогических наук Университета Аризоны), самые эффективные тьюторы обычно выбирают модель недосказанности в обучении. Они предлагают к сведению небольшую фактическую информацию и не объясняют решение проблем, с которыми сталкиваются их ученики. В рамках исследования было выявлено, что 90% сказанных ими текстов являлись вопросами⁸². Таким образом, ученики вместо того чтобы слушать объяснения, большую часть своего времени откликались на вопросы, которые приводили их к желаемому пониманию. Тьюторы не давали ответов даже в те моменты, когда ученики совсем терялись, а только лишь намекали на возможные ходы решения проблемы. В ходе такого сократического подхода тьюторы имели дело с «продуктивным» ошибкам мышления, которые можно было бы изучить для дальнейшего построения учебного процесса. В более общем плане, сократический стиль преподавания в рамках университетских или классовых занятий может принимать различные формы («мозговой штурм», «проблематизация средств мышления» и др.). Таким образом, задачи и проблемы решаются за счёт коллективной мыследеятельности, где тьютор выступает в роли некоего арбитра или же субъекта, направляющего дискуссию в нужное русло.

6. Использование рефлексии в познании и обучении. Квалифицированные тьюторы не только сами используют средства рефлексии, но и учат этому своих подопечных для того, чтобы контроли-

⁸² *Chi M. T. H. Learning from human tutoring / S.A. Siler, H. Jeong, T. Yamachi [et al.] // Cognitive Science. – 2001. – №25.*

ровать их уровень понимания знаний и концепций. В основном одним из видов, с помощью которого осуществляется подобного вида контроль, – это эссе на 200–300 слов. Небольшой рассказ, который ученик пишет после каждого пройденного учебного блока и в котором он отражает своё понимание или же непонимание материала. За счёт этого студент может выйти в метапозицию и ещё раз осмыслить пройденный им путь и попытаться выразить не в устной, а в письменной форме свою позицию. Естественно, что такие эссе оцениваются, что даёт дополнительную мотивацию их писать и коммуницировать с тьютором. В рамках эссе тьюторы могут проявлять творческую позицию и, например, давать тему эссе или даже задавать проблему, которую необходимо решить за счёт материала лекций или практических занятий, недавно пройденных учеником. Это, в свою очередь, поможет процессу распрямления ученика и абстрагированию от учебных задач.

Всё вышеназванное является капиталом наставника, который он складывает в течение своей жизни и деятельности. Возвращаясь к вопросу о борьбе за капитал в модели «сателлит», следует подчеркнуть, что наставники обладают «несгораемой суммой». Другими словами, даже выходя из среды, где тьютор выполнял свои функции, он не теряет вышеназванных компетенций и качеств, образующих его капитал. В этом смысле тьютор не зависим от вертикали – он надстраивается над ней. Именно поэтому во многих Европейских странах (Великобритания, Европа, Нидерланды и др.) тьюторы заключают индивидуальные контракты, которые значительно отличаются от договоров на оказание услуг между университетами и профессорами, доцентами и т. д. Ключевым элементом таких контрактов является право пролонгации – продления полномочий наставника. Для рядовых преподавателей, или даже профессоров (нанимаемых университетом) данный раздел просто не фигурирует в рамках юридических договоренностей. Кроме того, тьюторы (чаще всего) не имеют загрузки аудиторными часами, то есть их рабочее время высчитывается по другим параметрам и коэффициентами. Таким образом, находясь вне вертикали, тьютор стремится инвестировать свой собственный капитал, а не бороться за власть. Согласно концепции П. Бурдьё, такое стремление можно отнести к уже сложившемуся уровню доверия и признания учё-

ного, что ведёт к снижению продуктивности в аспекте производства научных продуктов (статей, монографий, книг, рецензий и т. д.⁸³). Конкурируют ли наставники между собой? Вполне возможно, однако в рамках снижения уровня продуктивности им намного выгоднее высоко котировать друг друга (реинвестировать капитал), тем самым, не создавая конфликтных ситуаций. Резюмируя все вышеназванные качества, следует ещё отметить, что тьюторы надстраиваются над системами воспроизводства знания. Это становится возможным благодаря накопленному научному капиталу, уровень которого может достичь любой желающий в сфере науки. Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что мы сместились в рассмотрении собственно научной деятельности в сообществах к сфере образовательных услуг. Это было сделано намеренно, в следствии желания аргументировать возможные «спутниковые» положения, отчасти понимая, что в современном мире (где всё со всём взаимосвязано) нахождение кого-либо вне системы воспринимается, скорее, как миф, нежели как реальность. Пример тьюторов можно перенести и на действительность взаимодействия в отечественной высшей школе, где, например, научный руководитель (или же «консультант») выступает в роли авторитета, сопровождающего молодого учёного. Нельзя сказать, что они находятся в отношениях жёсткого подчинения, регламентированного юридическими документами. Даже если ознакомиться с типовым положением о научном руководителе в любом из российских вузов, то окажется, что 90% процентов функций научного руководителя сводятся к консультированию, координации, помощи и подготовке рекомендаций (редко контролю). Таким образом, деятельность в области научного руководства обладает неплохими предпосылками, чтобы создать российский институт тьюторства. Кроме того, в настоящее время в системе высшего образования РФ обнаружилась серьёзная проблема с заинтересованностью выпускников в продолжении карьеры в области науки. Мы не будем подробно останавливаться на данном аспекте, но добавим лишь то, что институт тьюторства мог бы функционировать не только для выпускников (аспирантов и магистров), но для младших-начальных курсов. Многие

⁸³ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. – М., 2005.

вновь пришедшие студенты гораздо более активные и заинтересованные, чем их коллеги выпускники. Однако правильно раскрыть эту активность и направить энергию в нужное русло может не каждый, потому что в мир науки нужен грамотный «проводник». С нашей точки зрения, вопрос в данном случае даже не экономический, а организационный. Тьюторы могут быть приглашёнными специалистами из других университетов, или же младшие научные сотрудники (чтобы не перегружать деятельность профессорского состава).

Подводя промежуточный итог данному параграфу, необходимо подчеркнуть, что существует ряд факторов, которые могут повлиять на функционирование спутниковой модели. Одним из них является понимание роли тьютора в среде обучающихся. Анкетирование и промежуточное тестирование современных студентов из различных университетов показало, что зачастую обучающиеся в проблемных ситуациях охотней обратятся к своим старшим коллегам по курсу или руководителю кафедры и в последнюю очередь к наставнику (тьютору)⁸⁴. Это связано с тем, что сами ученики не совсем понимают, какую функцию несёт наставник и как он может помочь им в образовательном процессе. В свою очередь, наставники, ведомые мыслью о ненавязчивости, часто не выходят на контакт со студентами, ожидая их звонка или же письма на электронную почту. Логичным будет утверждение, что такое отсутствие контакта между обеими сторонами негативно сказывается на системе индивидуального обучения. Другая причина, по которой некоторые преподаватели не связывались со студентами, заключалась в том, что личные данные, которые они получают в начале семестров, часто являются неполными (отсутствует номер телефона, или же адрес проживания студента). В результате некоторые преподаватели ждали, когда ученики начнут с ними контакт. Этого, естественно, не происходило, а по истечении учебного года студенты заявляли, что не были осведомлены ни о каком личном наставнике. Данный социальный аспект исследуемой проблематики необходим, чтобы продемонстрировать дистанцию между наставниками и обучающимися, которая (без дополнительного

⁸⁴ Ghenghesh P. Personal tutoring from the perspectives of tutors and tutees // Journal of Further and Higher Education. – 2017. – Vol. 42.

контроля) может оказаться чрезвычайно длинной. В вышеуказанную ситуацию попали многие университеты в Египте в период 2015–2020 гг. Возможно, это связано с контингентом и традициям страны, а, возможно, и с организаторскими аспектами. Процесс адаптации в педагогическом и образовательном процессе – не простая вещь. Институт тьюторства в Европе складывался десятилетиями и его успешность во многом заслуга того образа, который сложили частные преподаватели в крупных промышленных городах XVIII–XIX веке. Вполне возможно, что у бывших колониальных стран опыт внедрения тьюторских технологий будет иной, но об этом судить мы сможем значительно позже (пока мы можем только прогнозировать)

Таким образом, спутниковая модель не может быть успешной, если обе стороны не будут прилагать равных усилий для организации встреч на регулярной основе. Кроме того, значимость тьюторов должна быть задана университетом с помощью специальных мероприятий, которые дадут толчок к выстраиванию отношений между студентами и наставниками. В свою очередь, сами наставники должны непосредственно относиться к данной конкретной университетской среде, то есть быть её выпускниками, или же преподавателями с большим стажем (т.е. накопить капитал). Если говорить более точно, то в рамках спутниковой модели авторитет существует дважды. Один раз как база знаний, навыков и умений, то есть те характеристики, которые определяют авторитет учёного-тьютора. Второй раз как преподавательский стиль и понимание всех внутренних университетских правил, традиций и процедур, которое определяет авторитет наставника-тьютора. Спутниковая модель открывает возможности для обучения «один на один». Благодаря многочисленным исследованиям педагогического процесса в университетах, стало очевидно, что лекторские занятия, рассчитанные на 50, 100, 500 слушателей, не могут быть эффективными по определению. Однако в рамках периодических встреч тьютора и студента многие «лакуны» образовательного процесса можно будет заполнить. Траектория развития каждого студента в рамках «университетского космоса» является уникальной. Тьюторы же призваны находится рядом, но не влиять на траекторию, а фиксировать и следить за ней (как спутники на орбите). В модели «сател-

лита» тьютора корректно рассматривать в качестве элемента, который может реализовать принцип внешнего дополнения, рассмотренного и описанного в рамках кибернетики. Тьютор – это «дополнительный резерв», позволяющий заполнить лакуны, которые естественно образуются между системой обучения и учеником (студентом).

Систему тьюторства не следует воспринимать как дочернюю контрольную структуру университета. В этом смысле необходимо ориентироваться на опыт Великобритании, где тьюторы – это не всегда действующие учёные, а люди самых различных профессий и возрастов, получившие классическое образование и обладающие стремлением к наставничеству. Введение в образовательный процесс такой функциональной позиции как тьютор (или наставник) позволяет создать у молодых учёных и исследователей альтернативный (критический) взгляд на науку. Другими словами, появляется возможность реализации методологических установок фальсификационизма К. Поппера. Почему это необходимо? Прежде всего, потому, что в современном мире, представленном огромным количеством источников информации, очень легко заблудиться. Чтобы этого не произошло, молодые учёные должны обладать развитым верификационным аппаратом и критически относиться к любой информации, которую они получают. В этой связи тьюторы прекрасно встраиваются в любую образовательную систему, обеспечивая процессы анализа, выдвижения, формирования, проверки и смены научных теорий. Конечно, для многих сторонников капиталистических идеалов после прочтения данного параграфа вопрос о связи тьютора и университета может остаться нерешённым. С одной стороны, он не привязан к вертикальной структуре, а с другой стороны, участвует в деятельности университета. Как же так? Вполне возможно ответ кроется в деятельности профсоюза, который может отстаивать права наставников и быть арбитром в части юридических оснований такой профессии. В рамках западной традиции даже существуют отдельные профсоюзы наставников, куда входят именитые представители данного направления. Таким образом, спутниковая модель вполне реализуема в реалиях технологического мира, но нормативную структуру тьюторства, безусловно, ещё предстоит создать и описать, так как в данный момент мы можем говорить только о наличии образцов и эталонов.

§2.3. Сконцентрированные единства (ядра)

Рассматривая структуры распределения авторитета, необходимо отметить, что существуют также сконцентрированные единства. Данный оборот звучит в некотором смысле тавтологично, однако так кажется только в начале. Существование такой структуры можно обнаружить при анализе многочисленных зарубежных и отечественных работ, посвящённых описанию некой уникальной и властной позиции (авторитет, лидер и т. д.), которая способна образовать вокруг себя научную деятельность и организовать (сконцентрировать) коллектив исследователей и учёных.

Перед тем, как перейти непосредственно к рассмотрению модели, обратимся к стратегиям, реализуемым агентами в рамках функционирования в научном поле. Как отмечает П. Бурдьё *«Именно поле предписывает каждому агенту его стратегии, включая и такую стратегию, которая заключается в ниспровержении установленного научного порядка. В зависимости от позиции, которую «входящие в поле» занимают в его структуре они могут быть ориентированы либо на надежные стратегии преемственности <...> либо – на стратегии подрыва, эти бесконечно более дорогостоящие и рискованные вложения, которые могут принести доходы, причитающиеся монопольным держателям легитимности, лишь ценой полного переопределения принципов научной легитимности доминирования: «входящие в поле», которые отказываются от намеченных карьер, могут победить доминирующих в их собственной игре...»*⁸⁵. Таким образом, можно предположить, что модель ядра «навязывает» исключительно стратегию преемственности, однако это не совсем так.

⁸⁵ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. – М., 2005. – С. 204.

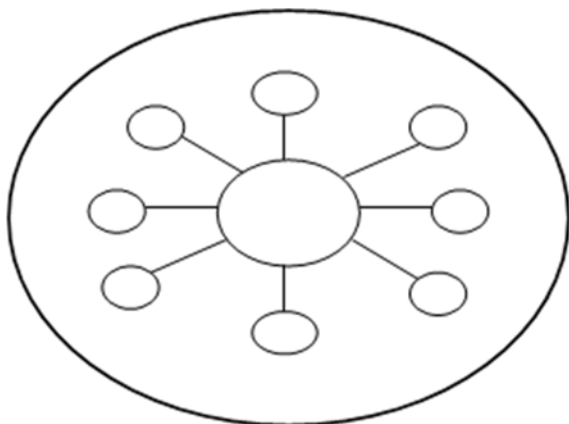

Рис. 5. Модель ядра (сконцентрированное единство)

В данной модели круг используется трижды – в качестве обозначения конкретного лидера (авторитета) этого сообщества, в качестве обозначения связанных с авторитетом участников научного сообщества (которые поддерживают и разделяют взгляды лидера), в качестве обозначения совокупного авторитета, который получается в сумме взаимодействия вышеназванных элементов. Особенность данной модели заключается в том, что здесь авторитет является единицей, которая распространяется на каждого участника и присваивается. Такая ситуация была характерна для развития многих научных и философских школ, названных в честь их основателя-лидера («платоновская академия», «перипатетическая школа» Аристотеля, картезианская школа и т. д.). В данном случае, философ – это ядро сообщества, его движущая сила, центр энергии и деятельности.

Отметим, что в дальнейшем описании мы будем называть вышеуказанную модель как «модель ядра» и «модель сконцентрированного единства». Для того, чтобы не было путаницы, добавим, что речь идёт об одной и той же модели (одной из названий староедиссертационное, а другое более объёмное и новое). Данная модель в рамках актуального исследования должна быть рассмотрена в контексте различных управленческих подходов. Это необходимо для иллюстрации эффективности научных коллективов в рамках вышеназванной модели научного сообщества. Некоторые учёные обладают харизмой, и это позволяет им аккумулировать научные

коллективы вокруг себя и своих научных разработок, другие зарабатывают себе авторитет за счёт складывания личных отношений с исследователями, третьи сами долгое время находятся в рамках влияния авторитета, но в определённый момент могут занять его место и т. д. Однако в научной сфере жизнедеятельность сообщества во многом зависит не только от самого лидера (который находится в центре схемы), но и от той системы деятельности, которую он создаёт и поддерживает. Подходы, которые реализуются лидерами в научных сообществах, могут варьироваться в зависимости от характера задач и целей, а также от состава сообщества. Поэтому в рамках рассмотрения данной модели мы подробно остановимся на аспектах лидерства, которые содержат в себе ответы на вопросы о характере внутренних связей, отношений и эффективности научного сообщества.

Одним из самых распространённых является поведенческий (бихевиоральный) подход, согласно которому лидера научного сообщества необходимо рассматривать с точки зрения его поведения, а не личностных характеристик. В соответствии с классификацией Д.В. Дэй и С. Закарро позиция «лидер», в вышеуказанном подходе, анализируется дважды: один раз как объект, который пытается равномерно распределить свой авторитет среди членов сообщества (ориентация на человека), а другой раз – как инициативный объект, чьей основной задачей является обеспечение выполнения системных задач (директивная ориентация)⁸⁶.

Реляционный подход описывает диадическую связь между авторитетным лидером и его последователями. В данном подходе лидер сфокусирован на создании позитивного климата внутри сообщества для достижения наивысших результатов. Безусловно, лидерство всегда будет зависеть от контекста, но контекст будет определяться через отношения, которые будут ценны для каждого участника сообщества. Данный подход также известен в культуре как «Leader-Member Exchange» (LMX) и часто практикуется в рамках создания передовых научных центров, которые должны в ко-

⁸⁶ Day D.V. A critical historical analysis of the influence of leader traits / S.J. Zaccaro // Historical perspectives in industrial and organizational psychology. – 2007.

роткие сроки показать высокую производительность. В целом данный подход был разработан зарубежными исследователями ещё в девяностые годы прошлого столетия, однако не перестаёт быть актуальным и в настоящее время ⁸⁷. В контексте данного исследования реляционный подход также отражает один из возможных сценариев деятельности научных сообществ современности в рамках модели ядра.

Следующим подходом, который реализуется в научных сообществах, является трансформационный. Суть данного подхода заключается в том, что деятельность авторитета в сообществе учёных направлена на создание ценных и позитивных изменений в других членах сообщества с конечной целью создания последователей или идейных приемников. Данное понятие ввёл в оборот американский историк Джеймс Макгрегор Бернс, который исследовал деятельность политических лидеров с целью выявления различных моделей лидерства. В его изначальной концепции трансформационный подход выражался в стремлении лидеров и их последователей выйти на более высокий моральный и мотивационный уровень за счёт совместной деятельности ⁸⁸. В настоящее время эффективность лидеров в рамках трансформационного подхода принято рассматривать в нескольких аспектах, а именно:

– индивидуальное внимание, которое характеризуется степенью участия авторитета в потребностях каждого исследователя и члена научного сообщества. В частности, новые члены научного сообщества нуждаются в участии в своих научных изысканиях. Одним из признаков такого участия могут быть научные статьи (монографии, методические пособия, учебные пособия), написанные в соавторстве или же совместные проекты;

– интеллектуальная стимуляция, выражаемая в поощрении инновационных и новых исследований в научном сообществе. Кроме того, данный аспект предполагает участие авторитета в продвижении новых идей за пределами сообщества (публикация статей,

⁸⁷ *Erdogan B. Leader-Member Exchange (LMX): Construct evolution, contributions, and future prospects for advancing leadership theory / T.N. Bauer. – Oxford, 2015.*

⁸⁸ *Erdogan B. Differentiated leader-member exchanges (LMX): The buffering role of justice climate / T.N. Bauer // Journal of Applied Psychology. – 2010. – №95.*

оформление документов для грантовых организаций, создание рекомендательного портфолио, оформление заявок на международные конференции и т. д.);

– менеджмент ресурсов и возможностей, определяющий направление и масштабы деятельности каждого конкретного сообщества. Лидер научного сообщества (или авторитетное лицо, которому было делегировано руководство) должен адекватно воспринимать возможности сообщества и уметь создавать программы развития на 5–10 лет. Это необходимо для адекватного функционирования самого сообщества и может позволить каждому участнику определиться со своими целями и задачами. В настоящее время мир представлен глобализационными процессами, а передовые специалисты из самых разных отраслей являются очень мобильными, что мотивирует различные сообщества создавать комфортные условия для того, чтобы эти специалисты могли как можно дольше оставаться в рамках сообщества и, тем самым, внести вклад в его историю.

В качестве антагониста трансформационному подходу выступает транзакционный, который направлен не на изменение в будущем, а на сохранение определённого порядка и традиций. В данном подходе лидер работает с уже устоявшейся культурой сообщества, старается поддерживать её и уберегать от революционных идей, направленных на реструктуризацию и изменения статус-кво. Необходимо подчеркнуть, что такой подход реализуется чаще всего в научных сообществах закрытого типа. Стиль руководства транзакционного авторитета связан с поддержанием стабильного функционирования сообщества. Ради этого лидер сообщества готов предоставлять различные вознаграждения за выполнение задач. Это и есть так называемые транзакции⁸⁹.

В связи с тем, что сообщества являются коллективными формами организации деятельности человека, авторитетный статус всегда будет принадлежать лидеру, который непосредственно влияет на достижения научного сообщества и его общую динамику.

⁸⁹ *Turner N. Transformational leadership and moral reasoning / J. Barling, O. Epitropaki, V. Butcher [et al.] // Journal of Applied Psychology. – 2002. – №2.*

Данная точка зрения подтверждена зарубежными исследователями, которые были посвящены изучению феномена лидерства в различных коллективах. Например, Барбара Грей настаивает на том, что междисциплинарные научные коллективы всегда нуждаются в лидере, который мог бы создать общую модель мышления для взаимодействия членов сообщества, так как они (чаще всего) слишком увлечены своими собственными научными разработками и могут просто не понимать каково их предназначение в рамках работы коллектива как целого⁹⁰. Логично будет предположить, что в таком подходе авторитет лидера зависит от всех аспектов, которые он учёл при разработке общей концепции. То есть в данном контексте эффективное руководство научными командами может быть достигнуто путём распределения авторитета, однако это не совсем так. Как показывают исследования Эдварда Хаккета, который посвятил свою жизнь изучению сообществ в рамках исследовательских лабораторий, руководители самых успешных лабораторий, использовали комбинированный подход. Для приоритетных и значимых исследований и направлений лаборатории, руководители избрали иерархичный тип взаимодействия, где ни одно решение не могло быть принято без предварительного согласования с руководителем лаборатории. Для всех остальных направлений были избраны ответственные учёные из числа опытных сотрудников, которым делегировалась часть авторитета и свобода в формировании своих коллективов под индивидуальные задачи. Таким образом, Э. Хаккет делает вывод об эффективности комбинированных подходов в организации научных сообществ. Он также отмечает, что тенденция некоторых руководителей к доминированию (монополии на авторитет) и, соответственно, к выбору какого-то одного типа руководства ведёт к деградации научного коллектива⁹¹. Например, директор лаборатории, который концентрируется на работе самой лаборатории, то есть не покидает её большую часть своего рабочего времени, получает более полную информацию о раз-

⁹⁰ *Gray B.* Enhancing transdisciplinary research through collaborative leadership // *American Journal of Preventative Medicine.* – 2008. – №2.

⁹¹ *Hackett E.J.* Essential tensions: Identity, control, and risk in research // *Social Studies of Science.* – 2005. – №5.

работках и технологиях, однако у него фактически не остаётся времени на подписание новых деловых предложений, поиска спонсоров и партнёров для лаборатории, а также её менеджмента. Известен и обратный сценарий, где за годы организационной работы директор полностью потерял свои научные навыки и стал больше полагаться на работу своих последователей, создавая для них дополнительную нагрузку.

Схожие исследовательские результаты, описывающие взаимосвязь между поведением лидеров и продуктивностью научных коллективов, изложены в фундаментальной работе коллектива кембриджского университета «Leadership and group performance: a positive relationship in academic research units»⁹². Резюмируя основные идеи вышеназванной работы, можно сделать вывод о том, что руководитель научного коллектива может выбирать разные стили управления (даже иерархический) в том случае, если он согласовал общий план работы и получил его коллективное одобрение. Таким образом, план (или программа) будет обладать статусом общедоступного направления деятельности, которое может скорректировать любой желающий член сообщества, тем самым приняв участие в проектировании собственного будущего. Другими словами, основная задача, которую должен поставить перед собой любой хороший руководитель, заключается в привлечении членов сообщества к коллективной разработке письменного соглашения, которое отразит позицию каждого из участников. Это первое и ключевое действие, определяющее дальнейшее развитие и траекторию научного сообщества, лаборатории, исследовательского центра и т. д. Если же рассматривать научный коллектив не с точки зрения управляющих и руководящих должностей, то его участники являются абсолютно свободными с точки зрения разработки собственных стратегии. Другими словами, учёный может поступить согласно методологическому правилу изучения науки, описанному Б. Латуром, и заключающемуся в том, что достижения многих известных учёных необходимо принимать как данность для того,

⁹² Knorr C. Leadership and group performance: a positive relationship in academic research units / C. Knorr, D. Karin, R. Mittermei [et al.] // Scientific productivity: the effectiveness of research groups in six countries. Cambridge, 1979.

чтобы Ваша мысль смогла спокойно двигаться в поле научного познания. Поступая таким образом, учёный получает возможность двигать в рамках «научных сетей», о чём также пишет вышеназванный автор: «Теперь мы гораздо лучше представляем себе, что значит наблюдать за учёными и инженерами в процессе их работы. Мы знаем, что они не охватывают собой «весь мир», так что между универсальным знанием людей Запада и локальным знанием остальных жителей Земли возникает Великое Различие, на самом деле они перемещаются внутри узких и непрочных сетей, напоминающих галереи, которые строят термиты, чтобы соединить свои гнёзда с местами, где они кормятся»⁹³. С другой стороны, учёный может реализовать стратегию «разрыва», где его основной деятельностью будет разработка собственного научного инструментария, который позволит ему выйти за рамки централизованной модели и совершить научную революцию.

Возвращаясь непосредственно к самой модели, следует отметить, что развитие научного коллектива в модели ядра зависит во многом от компетенций руководителя, которые включают в себя:

- общие фундаментальные научные знания;
- навыки, позволяющие быстро решать проблемные и конфликтные ситуации внутри коллектива;
- умения лоббировать инновационные идеи и позитивно стимулировать членов научной группы с целью получения максимальной эффективности от их деятельности.

В таком контексте научный руководитель уже является не просто опытным учёным (с внушительным массивом научных разработок, изложенных в статьях, монографиях, методичках и пр.), а умелым организатором, чьи интересы связаны с продвижением членов своей команды. Именно благодаря такому подходу раскрывается суть модели ядра, где авторитет распределяется среди членов научного сообщества за счёт того, что каждый участник ощущает свою оригинальность и способен принимать решения, влияющие на его дальнейший путь. Руководитель здесь авторитетен не из-за того, что занимает высокую по рангу должность, а из-за того,

⁹³ *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. – СПб., 2013.

что способен за счёт своих способностей сложить содержательные (не директивные) взаимоотношения между собой и коллегами.

В современном мире модель ядра оказывается одной из самых эффективных благодаря тому, что она соединяет в себе чисто научную деятельность в коллективах и принципы руководства и управления, взятые из опыта функционирования экономических корпораций. Актуальные научные исследования показывают, что в контексте глобализационного мира официальные инициативы по развитию лидерских и организационных качеств у руководителей из сферы науки имеет огромный потенциал. Так, например, коллектив учёных из университета Небраски в своей сводной аналитической статье приходят к выводу, что мероприятия, направленные на развитие лидерских и организаторских качеств, оказываются крайне плодотворными. Согласно их исследованию, рентабельность инвестиций в таких мероприятиях составляет в среднем от 37 до рекордных 169%⁹⁴. Необходимо подчеркнуть, что такой сильный разброс в цифрах связан с тем, что обучение может проходить дистанционно (вебинар, или электронные курсы), или непосредственно «на месте» (в учебных центрах, университетах и т. д.). В последнем случае руководитель вынужден покинуть зону комфорта и, попав в абсолютно новую ситуацию, перестроится, а значит, настроиться на получение новых знаний и навыков. Именно поэтому командировки в другие образовательные учреждения с целью повышения квалификации являются более успешными, с точки зрения выше-названных учёных.

Модель ядра может быть конструктивно рассмотрена в контексте теории исследовательских программ Т. Куна. «Ядро» в выше-названной концепции представлено в двух ипостасях: сначала это конкретный исследователь, обладающий авторитетом и закладывающий теоретический базис для функционирования сообщества; второй – совокупность фундаментальных положений, формирующих «жёсткое ядро». Таким образом, «ядро» является ключевым элементом в определении характера исследовательской программы и тематического направления деятельности сообщества. Согласно

⁹⁴ Avolio B.J. A meta-analytic review of leadership impact research: Experimental and quasi-experimental studies / B.J. Avolio, R.J. Reichard, S.T. Hannah [et al.] // The Leadership Quarterly. – 2009. – №20.

концепции Т. Куна, любая исследовательская программа может развиваться по прогрессивному, или регрессивному сценарию. Развивая этот тезис, выдвигается гипотеза, что модель ядра подходит тем научным сообществам, которые соотносят себя с другими. Конкуренция сообществ между собой мотивирует его членов постоянно развивать собственные цели, отстаивать их в дискуссиях и тем самым продуктивно функционировать. Именно это позволяет утверждать, что модель ядра не перестаёт существовать даже после физической смерти её лидера. В последнем случае может измениться содержательная часть ядра, но оно всё равно будет служить той же цели, что и прежде, а именно – успешно разрешать сформулированные научные проблемы.

Резюмируя всё вышесказанное, необходимо подчеркнуть, что в данном исследовании были схематизированы самые распространённые модели распределения авторитета в системе воспроизводства знания, однако данный перечень не является исчерпывающим. В связи с этим необходимо рассматривать понятие авторитет дважды: один раз как места в структуре образовательных учреждений – и второй раз как совокупность особых характеристик и навыков, проявляемых в деятельности конкретным субъектом. Всё вышеназванное можно с уверенностью отнести к капиталу учёного, который он накапливает в течение своей деятельности, чтобы создать определённую научную репутацию.

Логичным будет утверждать, что любое учреждение обладает собственной структурой и определённой иерархией, которая задаёт характер отношений внутри неё. Научные университеты в их классическом понимании также не являются исключением в рамках данной логики. В этом смысле российские институты и любые другие зарубежные университеты не сильно отличаются друг от друга в контексте распределения внутренних обязанностей. Авторитет же буквально встроен **в должности (места), расположенные в иерархичной** структуре, которая определяет его размер в соответствии с полномочиями и ответственностью.

Одним из ключевых результатов в рамках данной главы является определение проблемных областей, с которыми сталкиваются современные научные сообщества:

1. Высокое разнообразие статусов, которое, в свою очередь, характеризует «линейку» капитала. В рамках этой «линейке» каждой

должности может быть присвоена определённая цифра, обозначающая некий уровень компетенций и навыков (капитала). Говоря условно, аспиранта можно соотнести с цифрой «1», а его научного руководителя – с цифрой «10». В таком случае расстояние между вышеуказанными статусами является достаточно ощутимым, что проявляется объективно в возрасте, количестве научных публикаций, цитируемости, количестве связей с авторитетными учёными и т. д. Из чего логически вытекает вопрос, могут ли позиции со столь разными показателями кооперироваться? В рамках учебных программ – да, в рамках реальной деятельности и проектов – не совсем. Гипотетическому научному руководителю (из вышеуказанного примера) будет легче работать с учёными, обладающими схожими или же близкими по уровню статусами, чем с молодыми и неопытными аспирантами. Схожие ситуации могут наблюдаться и на высших уровнях университетской жизни, где профессора не могут скооперироваться с ректором или же научным советом университета. В связи с этим, необходимо опустить различные личностные и субъективные факторы (относящиеся к области взаимоотношений людей) и подчеркнуть, что феномен «линейки» можно отнести к любым университетским средам, и это является проблемой. Решением же здесь может оказаться формирование новых коллективов с ограниченным количеством активных членов, статус и капитал которых в среднем является примерно одинаковым.

2. Продумывание стратегий будущего применения научных компетенций. С уверенностью можно сказать, что наука, как и многие другие виды деятельности, является профессиональным делом. Однако не каждый человек, сталкивающийся с научной действительностью, способен актуализировать свою дальнейшую траекторию развития. Зачастую отсутствие базовых стратегий развития мешает научным сообществам нормально функционировать. Это подтверждается печально известной тенденцией потери интереса во время обучения (студенты, аспиранты, бакалавры) или же исследования. Стратегия должна включать в себя содержательное обоснование научной деятельности, которое станет основой для каждого, кто хочет ей (деятельностью) заниматься. Такая стратегия должна вырабатываться авторитетами сообщества и ими же продвигаться. Здесь надо подчеркнуть, что стратегия не связана только

лишь со стимулирующей экономических и капиталистических тенденций. С другой стороны, стратегия должна поддерживать престижный статус учёного и активно «рекламироваться» внутри и за пределами сообщества. В современном мире динамика всех процессов жизнедеятельности человека очень высока, поэтому перекладывать ответственность за создание таких стратегий на государственные университеты является ошибкой. Гораздо лучше с этой задачей справятся признанные научным сообществом авторитеты.

3. Слабая актуализация фактора конкурентности в научном обществе. Раскрывая данный тезис, необходимо отметить, что конкуренцию нужно рассматривать здесь как позитивный элемент развития. В спортивной деятельности конкуренция необходима для достижения высших спортивных результатов и является естественным условием тренировок и соревнований. В секторе бизнеса и предпринимательства постоянно происходит борьба компаний за лучшие контракты, новые рынки сбыта, сегменты покупателей, что характеризует данную деятельность как высококонкурентную. Эти и другие примеры показывают, что конкуренция возможна там, где существует определённая награда, которую невозможно поделить между всеми желающими. Научная же деятельность обладает слабовыраженной конкурентной средой из-за того, что область новых научных знаний неисчерпаема и в целом гостеприимна. Актуализировать конкуренцию в этой связи необходимо авторитетам, которые обладают опытом продвижения по научной карьерной лестнице, чувствуют современные тенденции в научной действительности, заинтересованы в продвижении собственных научных коллективов.

В данном исследовании научные сообщества рассматриваются как действия субъектов («акторов», «агентов»). Важнейшим элементом таких сообществ является авторитет, который может быть сложен за счёт практик (модель ядра), так и быть естественно имплицитирован в структуру (вертикальная модель) университета. Данная часть монографии сконцентрирована на рассмотрении роли авторитета и в то же время актуализирует проблему поиска названий

(опредмечивания) для других функциональных мест в научном обществе. Критически важно понимать, что вышеуказанный процесс поиска должен сопровождаться рефлексивным анализом естественно-искусственных систем, в рамках которых самоопределяется научное сообщество. В противном случае есть риск перехода на социальный уровень онтологизации, где существует возможность анализа взаимоотношений между участниками научного сообщества, однако результаты полученного анализа будут носить субъективный характер и потому не смогут быть квалифицированы как научные.

Вышеуказанные модели могут быть использованы в качестве содержательного основания для создания новых исследовательских коллективов или же подразделений.

ГЛАВА III. КОНКУРЕНЦИЯ И БОРЬБА ЗА АВТОРИТЕТ В НАУКЕ

§3.1. Противостояние в «открытом доступе» (open access)

Жизнедеятельность человека ещё с древних времён напрямую зависела от информации, которую он получал различными способами. По одной из теорий, до появления языков и письменности древние люди общались с помощью наскальной живописи и жестов. Из истории развития человека мы знаем, что в любом обществе всегда присутствовали те, кто обладали большей информацией, чем другие и именно это позволяло получить им особый статус в рамках избранного им сообщества. Благодаря дальнейшему развитию человеческой культуры появилась письменность, а умение писать высоко ценилось, и поэтому в определённый момент времени этот навык являлся признаком особенного положения человека в обществе. Позже оформились письменные носители, такие как книги, которые стали представлять собой наиболее содержательный и полный источник информации. Книги в свою очередь, хранились в библиотеках, или же архивах, что позволяло сконцентрировать информацию в одном месте. В настоящее время наибольший объём информации находится в рамках сети Интернет, которая имеет неограниченное пространство для её хранения. Появление и дальнейшее развитие интернета серьёзно повлияло на многие сферы жизни и деятельности человека, в том числе на науку и научные общества, сделав их более открытыми и представленными в социальном мире.

Благодаря огромному объёму информации, хранящейся в сети, и открытому доступу к ней, появилась возможность совместного использования знаний и разработок между отдельными учёными и научными группами. В отличие от рядовых пользователей, учёные применяют специальные критерии для определения релевантности информации в сети Интернет. Благодаря этому в рамках современного мира реализуется концепция открытой науки, где любой учёный может выйти на контакт с компетентными представителями его научной сферы и начать обмен информацией. Такой обмен обеспечивается за счёт большого количества онлайн сервисов, среди которых: «Frontiers» (открытый сервис, который публикует рецензируемые научные статьи), «PLOS» (некоммерческий проект,

представляющий собой открытую библиотеку научных статей по различным тематикам), «Intech» (одно из крупнейших мировых издательств научных книг, журналов и монографий) «BiomedCentral» (один из первых проектов, который решал задачи открытого доступа к научным статьям и разработкам). Эти и другие сервисы предоставляют платформу для онлайн коммуникации и интерактивной кооперации между учёными за счёт форумов и блогов. Существуют также и программы, которые позволяют обрабатывать, читать и даже переводить научные публикации на разные языки, а также предоставляют онлайн-услуги по корректировке ссылок и аннотаций («Mendeley», «Connotea»). Всё вышеназванное говорит не только о развитии современных технологий, но и том специализированном и профессиональном пространстве, которое выстроилось вокруг научной деятельности и обеспечивающее её функционирование.

В рамках свободного пространства Интернет существуют также и узко специализированные интернет-сообщества, такие как, например, «MalariaWorld», состоящие из более чем 7 000 учёных, специализирующихся на изучении малярии. Одним из важных аспектов данного проекта является то, что его члены получают еженедельные обновления по новым публикациям по малярии на электронную почту. «MalariaWorld» также связана с несколькими крупными больницами, которые предоставляют информацию о возможных вспышках малярий.

Таким образом, открытое научное сообщество характеризуется (во многом) тем многообразием современных средств, которые оно использует. В настоящий момент все авторитетные современные учёные имеют представительство в социальных сетях («Twitter», «Facebook», «ВКонтакте» и др.), что способствует интеграции с другими учёными и студентами. Это является логичным, так как социальные сети связаны с личной электронной почтой, которая, в свою очередь, связывается с вышеназванными научными интернет сервисами. Всё это позволяет современному учёному быть в курсе всех нововведений, открытий, тенденций и т. д.

Открытость научных сообществ также коснулась и образовательного процесса в современных университетах. Современные студенты всё реже обращаются к печатным носителям, всё чаще взаимодействуют с помощью гаджетов и привыкли к информации,

поступающей к ним в виде оповещений на электронную почту. Принимая во внимание данную тенденцию, многие университеты создали собственные закрытые онлайн среды дистанционного обучения, в рамках которых студенты могли бы выполнять задания, оставлять вопросы и комментарии и даже прилагать различные справки о болезни и пр. Одним успешных проектов в данной сфере за рубежом явился «GoingOn», а многие университеты России и СНГ используют «Moodle».

Несмотря на всё вышесказанное, не все остаются довольными политикой свободного доступа. В частности, это касается коммерческих интересов академических изданий, которые изначально занимали нишу рынка, связанную с опубликованием научных трудов. Ранее публикация в печатном издании, а также редакторская работа были включены в стоимость услуг, которые предоставляли различные академические «дома». Кроме того, сам факт опубликования в именитом журнале давал исследователю или учёному дополнительный авторитет среди коллег. Развитие интернета и его сервисов серьёзно повлияло на данную ситуацию, заставив многих крупных «игроков» перестраиваться или вовсе выйти из игры. В свою очередь, движение идей открытого доступа столкнулось с критическим аспектом традиционных методов публикации, что привело к одному из самых сложных вопросов – должна ли наука быть доступной? С одной стороны, интернет позволяет ученым из менее развитых стран не отставать от своих коллег и использовать передовые научные разработки в целях развития. Кроме того, открытый доступ позволяет обществу ознакомиться с результатами научной деятельности, которая часто фигурирует в бюджетных документах и заявлениях политиков. За счёт сервисов, предоставляемых интернетом, учёный способен содержательно улучшить собственную научную работу, не говоря о том, что в рамках онлайн публикаций можно предоставлять большее количество визуальных средств восприятия (видео, фотографии, графики и пр.). С другой стороны, не совсем ясно, каким образом учёным защититься от тотального распространения и плагиата их собственных работ. Ранее это обеспечивалось за счёт обоюдного договора издательства и собственника научной публикации, которое содержало ряд пунктов об использовании результатов научных разработок и дальней-

шем распространении самого текста. Возможно, из-за этого некоторые учёные по-прежнему считают, что традиционная практика публикации необходима и важна. Данную точку зрения стараются поддерживать современные издательские дома, обосновывая качество своей деятельности наличием штата опытных сотрудников и редакторов, которые являются более компетентными, чем неизвестные специалисты на сайтах электронных журналов. Традиционные журналы также более избирательны и в большинстве случаев отклоняют больше статей, чем журналы открытого доступа. Это частично объясняет более высокую стоимость публикации в этих журналах: чем больше отклоненных документов, тем сложнее и престижнее будет опубликоваться в таком журнале. Следует отметить, что фактор престижности абсолютно точно необходимо принимать во внимание, однако иногда невозможно отличить, в каких случаях требования журнала объективно высокие, а в каких – эти требования просто обеспечивают эксплуатацию принципа «чем больше требований – тем лучше журнал». Необходимо отметить, что данная ситуация может относиться к тому, что Р.К. Мёртон обсуждал как предельность процесса накопления преимуществ. Для лучшего понимания позиции данного учёного, обратимся к небольшому текстовому фрагменту из его работы: «Когда две системы растут экспоненциально, но с разными темпами, то разрыв между ними увеличивается очень быстро. Но при этом мы нередко забываем, что этот разрыв достигает определенного предела, в игру вступают иные силы, препятствующие дальнейшей концентрации и усилению разрыва между представляемыми этими экспонентами процессами. Такие противодействующие силы, препятствующие бесконечному накоплению преимуществ, не были еще систематически изучены применительно к науке – конкретнее, применительно к распределению человеческих и материальных ресурсов между научными организациями и распределению научных результатов внутри них. Тем не менее мне хотелось бы кратко остановиться на формах проявления этих противодействующих сил»⁹⁵. Далее автор обсуждает проблему плотности талантов в контексте развития одного университета, или исследовательского центра, а

⁹⁵ Мёртон Р.К. Эффект Матфея в науке, II. Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. – 1993. – №3.

также рассматривает исторические примеры преемственности должностей в рамках функционирования систем воспроизводства знания. В данный момент с уверенностью можно сказать, что к обсуждаемому вопросу можно добавить предельность количества научных публикаций и методов их распространения. Открытый доступ по своей сути дискредитировал то академичное пространство, где учёные обсуждали, критиковали и принимали новые веяния науки через статьи, монографии и т. д. Теперь современному учёному приходится бороться не только за свой авторитет созданного им знания, но и попутно беспокоиться за судьбу своих научных разработок и, соответственно, за свою научную репутацию. Таким образом, конкурировать приходится в двух пространствах – в открытой и научной среде.

Отдельного внимания в рамках рассмотрения современного открытого научного сообщества требует ситуация с так называемым «пиратством» в научном мире. Ранее данная ситуация и само выражение «пиратство» было применимо к сфере массового производства кинофильмов, или видеоигр, где оно обозначало кражу продукта и его распространение без лицензии и (или) согласия автора. В настоящее время данное выражение часто применяется к открытым средам информации, которые предоставляют научные работы для бесплатного ознакомления и скачивания. Примечательно, что в центре внимания данной проблематики оказался проект «Sci-hub» – созданный российской учёной Александрой Элбакян интернет-ресурс, предоставляющий доступ к 64,5 миллионов научных статей абсолютно бесплатно. В отличие от многих программ международных издательских журналов, которые предоставляют частичный доступ к статье (аннотация, введение, заключение), Sci-hub предоставляет возможность скачать полный (оригинальный) текст статьи без каких-либо финансовых транзакций. С точки зрения многих директоров современных издательств, такой подход не является приемлемым, а похож на настоящую кражу. Практика и статистика показывают, что чаще учёные во всем мире обращаются к Sci-Hub. Согласно исследованию, проведенному научным журналом Science, за шесть месяцев интернет портал Sci-Hub предоставил к скачиванию около 28 миллионов научных статей. Более 2,6 млн запросов на скачивание поступило из Ирана, 3,4 млн из Ин-

дии и 4,4 млн из Китая⁹⁶. Примечательно, что тематики статей, запрашиваемых пользователями, сильно варьировались, что говорит о том, что на самом портале представлены различные предметные области. Второй причиной, из-за которой Sci-Hub и схожие порталы называют пиратскими, – это анонимность, которую они обеспечивают своим пользователям за счёт динамического сетевого адреса. Другими словами, учёный может находиться на собственной кафедре в Лондоне и скачивать статьи прямо с штатного компьютера, тогда как система будет обрабатывать его, как запрос из Австралии. В связи с этим «география использования» Sci-Hub обычно выглядит несколько хаотично. Попытки проследить геолокации учёных по тематике запросов также не увенчались успехом. Таким образом, выявление самых «скачивающих» стран и университетов остаётся непосильной задачей. Говоря о юридическом аспекте данной проблемы, необходимо обратиться к прецеденту 2015 года, когда Нью-Йоркский суд признал, что Sci-Hub является нарушителем текущего законодательства об авторских правах. Далее суд постановил закрыть домен sci-hub.org, однако это судебное решение не было исполнено, так как серверы портала Sci-Hub находятся на территории Российской Федерации (вне юрисдикции США). В связи с этим можно сделать вывод о том, что современные научные издательства в серьёз обеспокоены Sci-Hub и подобными ему проектами. Будучи простым в использовании, он подобен поисковой системе Google, и если пользователь знает DOI или название статьи, то легко сможет отыскать нужный файл. Кроме того, сам портал постоянно развивается и представляет собой не только архив статей предыдущих лет, но и предоставляет доступ к самым актуальным и свежим статьям 2017 и 2018 годов.

Такие проекты, как Sci-Hub, позволяют осознать, что парадокс границ свободного доступа – один из самых важных и ключевых в рамках деятельности научных сообществ. Появившееся в XXI веке открытые среды информации позволяют усложнить процесс борьбы за власть, в которой самоопределяются люди (учёные) и ор-

⁹⁶ Кто скачивает пиратские статьи? Каждый // Science [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://medach.pro/humanities/politics/sci-hub/> (дата обращения: 13.11.2018).

ганизации (университеты, издательские дома и т.д.). Будучи абсолютно открытой средой, интернет предоставляет, с одной стороны, свободное распространение знаний, а с другой стороны, проверку жизнеспособности и актуальности научных работ. Кроме того, открытые среды формируют новые возможности для учёного быть признанным миром за свои научные труды. Вопросы о ценности деятельности учёного уже ставились многими учёными, в частности об этом пишет Р.К. Мертон, рассматривая механизмы накопления преимуществ в науке: «Какова отличительная природа монеты, имеющей хождение в мире науки, и в чем заключается специфика интеллектуальной собственности ученого? Монеты бывают разного достоинства: самая дорогая и редкая – это то высокое признание, символом которого является присвоение имени ученого целой научной эпохе, – так, например, мы говорим об эпохах Ньютона, Дарвина, Фрейда, Кейнса. Следующая планка, существенно более низкая, но все же близкая к вершине признания в наше время, – это Нобелевская премия. Другие формы признания заслуг среди ученых, раздаваемые в куда больших количествах, имеют еще более мелкую градацию – избрание членом почетного научного общества, присуждение разнообразных медалей и премий, присвоение имени ученого кафедре, учебному или научно-исследовательскому институту»⁹⁷. В рамках данной монографии утверждается, что открытые среды также могут сделать возможным признание учёного. Примечательно, что такое признание позволяет миновать локальные границы университетов, или научных школ за счёт того, что научные разработки учёного сразу попадают в международное поле и могут быть использованы любым желающим человеком (начиная от студента и заканчивая профессором).

Высокая стоимость доступа к информации, предоставляемой научными журналами, в настоящее время получает двоякую оценку: с одной стороны, это является преградой для реализации открытости науки, а с другой стороны – является гарантией прав собственности авторов на собственные разработки. Некоторые

⁹⁷*Мертон Р.К.* Эффект Матфея в науке, II. Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. – 1993. – №3. – С. 268–270.

журналы постарались перестроиться в соответствии с современными тенденциями и предложить автору различные варианты публикации в электронном виде. Некоторые «титаны» рынка изданий научных текстов продолжают политику классического издания текстов в печатных сборниках, а цены за такую публикацию варьируются от 500 до 3 000 долларов. Существуют также издательства, которые принимают маргинальную позицию и опубликовывают статьи авторов за адекватные цены, однако предоставление статьи в открытый доступ на официальном сайте для цитирования (или ознакомления) уже стоит несколько тысяч долларов в год. Такой политики, в частности, придерживается всемирно известный издательский дом Elsevier. В качестве альтернативы многие академические направления предусматривают печатать публикации в архивах и аналогичных научных хранилищах, а также в институциональных архивах. Кроме того, в современной международной практике научной публикации широко распространены бесплатные архивы, которые являются менее требовательными с точки зрения правил оформления и в основном предназначены для опубликования препринтов. Резюмируя всё вышесказанное, возникает логичный вопрос: почему при наличии такого огромного количества технологий, многие научные разработки до сих пор являются недоступными? Возможно, ответ кроется в политике университетов, которые в течение долгого времени сотрудничают с различными коммерческими издательскими площадками, тем самым образуя взаимовыгодный «симбиоз» коммерческого и научного секторов. Следуя этой логике, молодому профессору или кандидату наук, который желает опубликовать свои разработки в открытом доступе, может быть очень тяжело в среде своих коллег, так как он и его статьи не получают оценку от авторитетных издательств, а значит, не будут признаны. Со схожей ситуацией могут столкнуться и факультеты, выбравшие в качестве мест хранения своих научных разработок собственные закрытые электронные архивы. Ещё одним аргументом в пользу классических представлений о научной публикации является безликость интернета и происходящие из этой ситуации вопросы о том, кто будет платить за интернет публикации, каковы гарантии того, что эти тексты будут доступны и сохранены хотя бы в течение 100 лет, каким должно быть ценообразование в рамках процесса научной публикации и кто должен за

это отвечать и т.д. Одним из возможных решений в сложившейся ситуации является передача деятельности по ведению расходов национальному правительству. Подобную инициативу в 2015 году попробовало развернуть правительство Египта, поставив цель создания самой большой цифровой библиотеки в мире, содержащей наследие самых известных мировых научных издательств («Egyptian Knowledge Bank»). В отличие от американской модели, в которой каждый отдельный университет покупает свои собственные подписки на журналы и доступ к ним имеет только ограниченный университетов круг специалистов, египетское правительство купило национальные лицензии на сайты для широкого спектра контента, что позволило обеспечить доступ абсолютно любому желающему.

Итак, современные научные сообщества можно охарактеризовать, используя критерий открытого доступа, однако необходимо уточнить, что из себя представляет открытый доступ и каковы его критерии для научного мира. В Будапештской инициативе открытого доступа («Budapest Open Access Initiative Declaration») 2003 года говорится, что под открытым доступом понимается возможность любого пользователя читать, загружать, копировать, распространять, сканировать, печатать, ссылаться на полные тексты научных статей и использования их для любых других законных целей без финансовых, юридических или технических барьеров (кроме тех, которые неотделимы от доступа к самому Интернету). Немного позже данное понимание открытого доступа было закреплено и расширено в Берлинской Декларации о доступе к научным знаниям (Berlin declaration on Open Access to Scientific Knowledge). В 2004 году Питер Сабер (активист открытого доступа к научным публикациям) опубликовал статью, в которой анализировались вышеназванные документы с точки зрения формулировок и дефиниций. В целом можно утверждать, что в начале двухтысячных годов уже ставился вопрос о том, что есть открытый доступ и каким образом он должен обеспечиваться. Некоторые организации даже попробовали сделать шаг в сторону передовой тенденции открытого доступа и запустить собственные проекты, как это сделала Всемирная Организация здравоохранения в 2010 году. Идея проекта, получившего название «HINARI» (межсетевой доступ к исследованиям в области здравоохранения), заключалась в предоставлении

бедным странам свободного доступа к передовым научным разработкам в области медицины за счёт договорённостей с рядом научных журналов. К сожалению, в один момент несколько издателей решили расторгнуть контракт с Всемирной Организацией Здравоохранения и ограничить доступ более чем к 2000 журналам для ряда бедных стран. Несмотря на то, что конфликт был со временем улажен, а доступ к журналам был частично возвращён, проект показал, что открытый доступ не является удобной и выгодной альтернативой для коммерческих журналов. В связи с этим в современной действительности существования научных сообществ можно выделить следующие типы взаимодействия в рамках реализации идеи свободного доступа:

– платиновый тип, где издатели не взимают плату за публикацию и редакторскую работу с авторов, а их научные разработки находятся в доступе для любого желающего. Издательства, функционирующие по такому принципу, могут финансироваться за счёт фондов, государственной поддержки в виде грантов или за счёт бизнес структур, выступающих в качестве спонсоров, или меценатов;

– золотой тип, в рамках которого предусмотрены взносы от авторов, которые покрывают редакторскую работу и деятельность рецензентов. Статьи, монографии и другие научные разработки, опубликованные в рамках сотрудничества с таким типом издателей, также являются доступными для любого желающего без каких-либо дополнительных условий;

– серебряный тип, который обладает теми же экономическими условиями, что и золотой, однако доступ к изданным работам можно получить только за счёт дополнительных действий от пользователя, среди которых: регистрация на сайте издательства, приобретение интернет «ключей» к публикациям за счёт регистрации электронной почты и т. д.;

– бронзовый тип, где авторы платят стандартные взносы за публикацию, а свободный доступ к их статьям является опцией, которая имеет собственную стоимость. Данный тип взаимоотношений автора и издателя является, пожалуй, одним из самых распространённых и экономически затратных. Логичным будет предположить, что та часть учёных, которые не поддерживают инициативы

полностью бесплатного доступа к их научным статьям, публиковались именно в таком типе издательств и понесли серьёзные экономические затраты в своей научной карьере;

– гибридный тип – это интернет архивы или внутренние архивы университетов, в которых авторы сами редактируют, рецензируют и размещают статьи. Как уже было сказано ранее, подобные публикации в архивах часто не учитываются в оценке деятельности учёных, так как подходят больше для внутреннего пользования и реализации университетских программ обучения.

Примечательно, что последний тип открытого доступа, с первого взгляда, является ничем не примечательным и схожим с отечественной традицией издания локальных сборников статей после проведения внутренних конференций в университете. В этой связи крайне интересным является прецедент, который развернулся в рамках судебной системы США, когда Аарону Шварцу (соучредителю всемирно известного социально-новостного портала «Reddit») были выдвинуты обвинения за распространение в сети около 4 миллионов статей из научного онлайн архива «Journal Storage» (JSTOR)⁹⁸. Данная ситуация интересна не только с точки зрения правового аспекта, но и с точки зрения той динамики и резонанса, который вызвал этот судебный прецедент. Благодаря деятельности Аарона в свободный доступ попали очень редкие статьи старейшего научного журнала «Философские труды Королевского общества». Однако научные статьи из вышеназванного журнала не только позволили ряду современных учёных продвинуться в рамках собственных направлений, но и выставили напоказ ряд сомнительных принципов и методов, которые использовали учёные философы (с точки зрения современной и продвинутой науки), опубликовавшие свои труды в сборниках Королевского общества. Это, в свою очередь, поставило под удар авторитет одного из самых старых научных обществ в мире и позволило общественности убедиться в том, что даже в научных организациях есть свои собствен-

⁹⁸ United States District Court, District of Massachusetts // United States of America v. Aaron Swartz Indictment Document [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://s3.documentcloud.org/documents/217115/20110719-schwartz.pdf> (дата обращения: 13.11.2018).

ные тайны и схемы, которые не предназначены для открытого доступа. В рассмотренном случае Аарон Шварц продемонстрировал, что в мире уже сформировалась группа людей, которые будут отстаивать право человека на свободный доступ к информации, даже если эта информация относится к высокоинтеллектуальной сфере науки и является защищенной.

Если случаи с Sci-Hub и Аароном Шварцем можно отнести к пиратству и утверждать, что всё это личные протестные формы лишь нескольких человек, не влияющие на «климат» в научном сообществе, то очень сложно игнорировать целые плеяды журналов и издательств, которые паразитируют на идее открытого доступа. Процесс оценивания подобных научных издателей, предоставляющих открытый доступ, должен быть основан на проверке достоверности данных, которые они предоставляют. Часть журналов копирует информацию с сайтов известных издательств и утверждает, что сотрудничает с ними или же является их дочерними представительскими. Другие размещают информацию о том, что их задачей является обеспечение качественных рецензий, и они являются последним шагом на пути учёного у заветной публикации. Перечислять подобные «схемы» обмана и запутывания неопытных и тщеславных учёных можно очень долго, однако критически необходимым здесь является формулирование критериев, которые позволили бы учёному распознать «нечистоплотные» журналы и издательства из общей массы. Итак, перечислим данные критерии-признаки:

1. Недостаточная информация об организаторском составе.

1.1. У всех журналов в рамках издательства указан единственный редактор (что невозможно в рамках разнообразия тем и направлений научных журналов).

1.2. Журнал не указывает на официальных порталах состав редакторской коллегии (что не позволяет проверить статусы и ранги учёных, а также познакомиться с их вкладом в науку).

1.3. Одна и та же редакционная коллегия обслуживает сразу несколько журналов в рамках одного издателя (что говорит о том, что поток поступающих статей один и не несёт никакой дифференциации с точки зрения специализации).

1.4. На официальных порталах журнала или издательства не представлена академическая информация о главном редакторе или

членах редакторского совета (что в целом заставляет сразу же сомневаться в авторитетности данного издательства).

1.5. Среди членов редакционного совета (коллегии) нет географического разнообразия (обычно в таких журналах все специалисты из одного города или же одной области, штата, региона и пр.).

1.6. Отсутствует гендерное разнообразие в редакторском составе (характерно больше для Европейских и Американских журналов).

2. Отсутствие прозрачности операций и выполняемых работ.

2.1. Отсутствие гарантий цифрового хранения научных статей (если журнал перестанет функционировать, то статьи и публикации просто исчезнут).

2.2. Предоставление неполной информации о стоимости публикации.

2.3. Опубликование сборников в различных сомнительных электронных форматах документов, которые не поддаются проверке на антиплагиат.

3. Прочие признаки.

3.1. Название журнала расходится с миссией журнала.

3.2. Название журнала не отражает его происхождения и (или) направленности (например, журнал использует в названии «Международный», однако никаким образом не котируется в иностранных системах цитирования или же не публикует тексты авторов на английском языке).

3.3. Журнал рекламирует свои сервисы, которые якобы помогут авторам увеличить количество цитирований, или изменить импакт-фактор.

3.4. Издатель или редактор утверждают, что журнал индексируется в ряде авторитетных и известных системах, хотя на самом деле это не так.

3.5. Издатель требует от автора предоставления подписанного договора о передаче прав на публикацию ещё на стадии рассмотрения рукописи.

3.6. Издатель не предоставляет полную контактную информацию и ограничивается лишь одним номером телефона или же одним адресом электронной почты.

3.7. Издатель публикует журналы, которые объединяют два или более тематических поля (Международные средства бизнес-аналитики, Гуманитарные технологии и т. п.) для привлечения как можно большего числа авторов.

3.8. Издатель не публикует информацию о политике лицензирования статей или предоставляет противоречивую лицензионную информацию.

Вышеуказанный список не является исчерпывающим, однако достаточно содержательным, чтобы определять подозрительные издания и научные журналы, использующие открытый доступ в качестве средства привлечения аудитории.

Резюмируя вышесказанное, можно сформулировать два вопроса, является ли открытый доступ в целом реализуемой концепцией? Если да, то кто должен обеспечивать его реализацию? Для ответа на эти вопросы необходимо представить «мир» современных научных публикаций, как специфический объект рынка, где процветает конкуренция. На этом рынке своеобразными «поставщиками» научных разработок выступают учёные и научные университеты, а «заказчиком» является общество. В таком случае связующим звеном в этих отношениях являются издательские дома и различные научные журналы. Как и во всех конкурентных областях, на рынке научных публикаций существуют мелкие, средние и крупные игроки. В данном контексте масштаб задаётся количеством опубликованных научных трудов, что является объективным критерием для того, чтобы судить об авторитете журнала и охвате его аудитории. Следует отметить, что масштаб также накладывает определённые ограничения в области реализации открытого доступа. Именно поэтому в небольших журналах задачи обеспечения открытого доступа даже не могут быть поставлены, а в средних журналах открытый доступ реализуется частично или вовсе существует в форме рекламной вывески для привлечения авторов. Таким образом, открытый доступ может быть обеспечен только крупнейшими журналами, такими как, например, мультидисциплинарный журнал «PLOS ONE». Согласно количеству индексируемых научных статей, предоставляемых базой данных Scopus, научный журнал «PLOS ONE» опубликовал около 1239 статей в 2007 году (через год после начала функционирования), а к концу 2013 году

опубликовал примерно 30 000 статей, и в настоящее время публикационная активность журнала остаётся примерно в рамках данной отметки. Одной из основных причин такой популярности журнала является широкая тематическая область «PLOS ONE». В связи с этим, статьи не оцениваются по критерию «актуальности» в узком предметном сообществе. Статьи также не оцениваются экспертами-рецензентами на основе критериев «новизны» или «важности» суждений, изложенных в статье, хотя такого рода критерии традиционно являются центральными для подавляющего большинства установленных рецензируемых журналов. «PLOS ONE» принимает статьи, основываясь на аспекте «научной обоснованности» предлагаемого автором научного текста, а нюансы актуальности и новизны предпочитает отслеживать с помощью передовых методов наукометрии – альтметрик.

Следует отметить, что критерии, определяющие масштаб научного журнала, являются одной из актуальных тем современных экономических исследований. Например, Кристер Бьёрк выделял первичные критерии (возможность открытого доступа к статьям, широкая тематическая представленность, разнообразие штатных экспертов, масштаб целей и задач журнала) и вторичные критерии (ёмкие и содержательные обзоры на статьи, быстрый темп публикации, наличие альтметрик). Другие исследователи данной проблематики (в частности П. Бинфилд, Ф. Норман, М. Вэр, М. Мэйб) описывали экономическую модель крупных журналов, основанной на получении средств за счёт взносов от авторов за публикацию своих научных статей, или как их называют сами зарубежные журналы – article processing charge (APC). Большая часть крупнейших журналов используют данную модель, так как она позволяет получать быструю прибыль от публикационной деятельности, которая в дальнейшем направляется на расширение контента журнала, а также на приобретение и обеспечение технологий открытого доступа. Необходимо отметить, что такая модель является распространённой, но не единственной возможной. Так, например, некоторые крупные журналы финансируются за счёт спонсорских программ и грантов от государственных структур, или же вообще обладают системой членства, где авторы могут вступить в «клуб» журнала и пользоваться его привилегиями. Авторские взносы («APC» – Article processing charge) обычно составляют от 200 до

3 000 долларов в зависимости от типа журнала и его тематики. Примечательно, что научные журналы, специализирующиеся в рамках одной дисциплины, обладают относительно низкими ставками для авторских взносов в сравнении с «гибридным» научными журналами. В целом такая тенденция вполне логична, если учитывать, что гибридные журналы работают с большим объёмом научных статей, что обязывает их иметь широко представленный редакторский состав и, соответственно, нести большие расходы на его обеспечение. Кроме того, авторские взносы не всегда соответствуют издержкам журнала и иногда могут быть выше, или же ниже. Так, например, в современном научном мире гуманитарные исследования (в частности, социологические и психологические) обладают меньшим сегментом финансирования со стороны государства, или же частных фондов. Такой точки зрения придерживается, в частности, Дэвид Соломон, который предполагает, что будущее открытого доступа зависит от его стоимости, а задача государства состоит в том, чтобы не допустить монополии в публикационном научном мире. Согласно его исследованиям, издатели уже с 2010 года манипулируют ценами, чтобы сначала привлечь учёных к определённым научным тематикам, а далее постепенно увеличивать ставки авторских взносов. В качестве примера он приводит динамику изменения цен в рамках крупного международного журнала «SAGE Open», где изначально взнос за статью был 695 долларов (в 2011 году), затем снизился до 395 долларов (2012 год), затем снизился ещё больше до отметки в 99 долларов США (2013 год), а в 2016 резко поднялся до стандартных 395 долларов⁹⁹. Далее Д. Соломон приводит статистику, из которой становится ясно, что лишь 11% авторов в журнале «SAGE Open» воспользовались финансовой помощью университетов для оплаты статьи, в то время для «PLOS ONE» эта отметка составила 30 процентов и 35,5 процента для «PeerJ»¹⁰⁰. Данная статистика полезна тем, что она позволяет по-новому взглянуть на вопрос о стоимости научной публикации и перевести данный дискурс из формата обсуждения бизнес модели издателей в формат анализа востребованности журнала, которая

⁹⁹ Solomon D.J. A survey of authors publishing in four megajournals // PeerJ. – 2014. – Vol. 2.

¹⁰⁰ Там же. P. 7.

может быть проанализирована с точки зрения задействованных финансовых сторонних участников (университетов, грантовых организаций, частных фондов и т. д.). Примечательно и то, что авторов, публикующихся в крупных журналах, не останавливает высокая стоимость публикации во многом из-за возможности этих журналов предоставить открытый доступ, который позволяет авторам заявлять о себе и своих научных разработках и наращивать рейтинг цитирования. В этой связи, стоимость публикации – это не только стоимость имени журнала и его престижа, но и отражение качества его публикационной деятельности. Этот тезис так же подтверждается вышеназванным исследованием Д. Соломона, который провёл опрос среди 655 авторов крупнейших журналов, показавший, что доминирующими факторами, влияющими на выбор журнала, являются его качество и скорость обзора и публикации статей.

В контексте данного исследования следует так же выделить и негативные факторы открытого доступа. Часть исследователей предполагает, что популярность открытого доступа – это следствие низких требований журналов к принимаемым статьям, которые в своём стремлении обогатиться, публикуют научные статьи не раз забракованные, или отклонённые другими небольшими журналами. Следуя этой логике крупнейшие журналы похожи скорее на «свалку макулатуры», чем на статусные и авторитетные научные источники. Такое восприятие деятельности крупнейших журналов порождает тенденции, которые можно выразить в следующих тезисах:

– «соавторы отказываются публиковать статью в крупном журнале». Достаточно распространённый сценарий для молодых учёных, которые публикуют свои статьи в соавторстве со своим научным руководителем. Такая ситуация происходит из-за того, что молодые исследователи ищут любые возможности публикации (им важно, чтобы научная среда их оценила и приняла), в то время как их наставники уже обладают определённым статусом и не хотят ставить его под угрозу публикуясь в сомнительных журналах;

– «никто из коллег в моей научной области не узнает о моей статье». Обычно такая точка зрения связана с недоверием к крупным журналам, а именно к их собственным средствам продвижения научных статей. В прочем это не мешает авторам рекламировать

свои статьи в социальных сетях и блогах, что значительно повышает посещаемость сайтов крупнейших журналов и продвигая свои собственные научные разработки;

– «итоговый список моих научных работ будет выглядеть так, будто у меня нет средств на публикации в качественных журналах». Распространённая тенденция для западных стран (в частности США), где любой учёный обладает CV (резюме), которое является важнейшей составляющей при приёме на работу. К сожалению, в подобных сценариях всё зависит от адекватности того, кто читает резюме.

Вышеназванные ситуации характерны для молодых учёных в научных сообществах и обычно целиком и полностью связаны с традициями и «обычаями», которые поддерживаются их старшими наставниками. Так, например, традиционно важным показателем для оценки качества журнала считается «импакт-фактор» (Impact Factor). Данный параметр отражает количество цитирований научных статей, что, в свою очередь, говорит об актуальности и востребованности той, или иной научной проблематики. В данном контексте критически важно подчеркнуть, что крупнейшие научные журналы (предоставляющие открытый доступ) отказались от импакт-фактора, подписав Декларацию по оценке научных исследований (Declaration on Research Assessment, DORA). Данный документ призывает современное научное сообщество к отказу от прежних методов оценки научных трудов и созданию новой системы, которая могла бы отразить все необходимые аспекты деятельности учёного и быть более пластичной к уникальным и новым работам. В настоящее время декларацию подписали более 800 университетов и научных издательств, и более 12 000 учёных из различных стран. Отказ от импакт-фактора ещё одно действие, которое характеризует специфику крупнейших журналов и вновь ставит их в оппозицию к некому классическому положению вещей в области научной публикации. В этом смысле современная наука стремится к усложнению собственной деятельности и отказу от прежних авторитетных и уже традиционных процедур, так как, например, обязательная ссылка на автора, даже если этот является исторически признанным авторитетом. Справедливым в данном случае будет утверждение Р.К. Мёртона, который рассматривал ссылки в кон-

тексте выполнения двух основных функций – конгитивно-прикладной и институционально-символической. В данном контексте автор пишет: «Но цитаты и ссылки – это не только существенное подспорье для ученых и исследователей, желающих проверить утверждения или данные, приведенные в той или иной публикации, по первоисточнику или собрать дополнительную информацию. Они выполняют также отнюдь не латентные символические функции. Они обеспечивают признание коллег и поддерживают интеллектуальные традиции, что очень важно для эффективности науки как сферы социальной деятельности»¹⁰¹.

Феномен открытого доступа в данный момент является не до конца проработанной проблематикой в рамках рассмотрения специфики функционирования научных систем. Несмотря на внушительное количество дискуссий, данная тема достаточно скромно представлена в научных текстах. Во-первых, это связано с тем, что открытый доступ и средства его реализации – это очень актуальная и новая сфера. Во-вторых, открытый доступ является «магистральным» процессом, который относится не только к области научного знания, но и ко многим другим областям жизни человечества. В этом смысле открытый доступ ещё не до конца осознан обществом и потому не обладает какими-либо рамками. Данный аргумент подтверждают многочисленные дискуссии о том, является ли открытый доступ благом (делающим науку доступной для всех), или, наоборот, злом (разоряющим научные издательства и сводя на нет конфиденциальность разработок учёных). Справедливым, видимо, будет предположение о том, что данный вопрос так и останется дискуссионным в рамках рассмотрения его с позиций моральных установок. В рамках монографии открытый доступ позиционируется как современная технология, позволяющая сократить пропасть между богатыми и бедными в науке, о которой говорили многие учёные (в частности, Р. Мёртон). Достижения науки, в отличие от достижений бизнес сектора, являются результатом познавательной деятельности и невозможно предположить каким образом они изменяют нашу жизнь. Невозможно и абсолютно неконструктивно пытаться каким-либо

¹⁰¹ Мёртон Р.К. Эффект Матфея в науке, II. Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. – 1993. – №3. – С. 272.

образом скрывать научные результаты на самых ранних порах, аргументируя это системой защиты прав авторов. Именно из-за этого современную науку нередко сравнивают с предпринимательством и бизнесом, где существуют секреты компаний, тайные контракты, договорённости между участниками и т.д. Открытый доступ позволяет решить вышеназванную проблему неравного распределения преимуществ и предоставить научные достижения широкому кругу обществу.

Следует отметить, что в данном исследовании уже был рассмотрен возможный субъект обеспечения открытого доступа в современных научных сообществах, а именно – крупнейшие журналы. Если говорить о конкретных именах, то в качестве таковых в настоящее время выступают: «PLOS ONE», «Royal Society Open Science», «Scientific Reports», «SpringerPlus», «IEEE Access» и «Nature Communications». Именно эти журналы смогут обеспечить плацдарм для развития интерактивных открытых научных сообществ будущего за счёт технологий и сервисов, которые они активно развивают уже сегодня.

Резюмируя вышесказанное, можно выделить несколько приоритетных направлений изучения, а именно:

- системы ранжирования в открытых научных системах. С развитием технологий открытого доступа текущие системы рецензирования научных текстов станут не практичными и устареют. Это может привести к тому, что статьи будут ранжированы по новым параметрам, которые будут задаваться за счёт систем, анализирующих запросы пользователей. Одним из примеров таких систем служит, функционирующий с 2014 года проект «stackoverflow»;

- влияние передовых приложений и сервисов на академическую публикацию и их роль в становлении новых правил и традиций, которые будут реализованы передовыми журналами в мире. В качестве объекта исследования уже можно рассматривать такие сервисы, как «PaperCritic» и «ReaderMeter», зарекомендовавшие себя в сфере научных исследований и публикаций;

- роль издательств в создании нового пространства взаимодействия учёных, а также систем хранения и цитирования научных текстов. Сейчас издательские дома, как никогда ранее, востребованы в аспекте публикации и распространения научных трудов. Не-

смотря на огромное количество дискуссионных моментов в их деятельности, многие издатели постоянно расширяют спектр услуг и уже давно перешли в партнёрские отношения с ведущими университетами рынка. Один из ярких примеров такой кооперации является издательский дом Frontiers, который в 2016 году успешно исполнил обязательства по отношению к Институту Макса Планка. Суть данного договора заключалась в том, что Frontiers будет оплачивать все издержки авторов из университета (и его подразделений), которые захотят опубликоваться в журналах Frontiers. Подобные прецеденты указывают на то, что издательские дома постепенно становятся неотъемлемой частью современного научного сообщества.

§3.2. Научное открытие и соперничество научных учреждений

В современном мире человек все чаще использует различные типы учреждений, которые могут обеспечить его потребности. Так, например, банки предоставляют кредитные линии, чтобы облегчить процесс покупки и продажи, или телефонные компании, предоставляющие нам доступ к обширным беспроводным и проводным сетям, которые позволяют нам общаться с любым человеком, где бы он ни находился. Похожим образом функционируют и учреждения высшего образования, предоставляя свои ресурсы в виде помещений, образовательных программ, профессорско-преподавательского состава. Однако в отличие от многих других учреждений, университеты и колледжи действуют не только по схеме «потребитель-производитель», но и предоставляют возможность любому желающему стать частью сообщества. В рамках такого подхода высшие учебные заведения способствуют развитию и организации собственных форм коллективной деятельности, в которые могут вступать студенты, в зависимости от их конкретных интересов (спортивные команды, студенческие научные общества, исследовательские клубы и т. д.). Так, например, устроена университетская жизнь в реалиях США, где между колледжами и университетами постоянно организуются спортивные и интеллектуальные состязания и турниры. Примечательно, что некоторые из университетов даже более известны за свои спортивные достижения и команды, нежели за успехи в науке. Говоря же конкретно об учёных (и их месте в современном научном сообществе) всегда преобладает тенденция рассмотрения научных разработок и открытий,

однако зачастую опускается обсуждение тех структур, которые обеспечивали продвижение учёного на всей дистанции его деятельности. Примечательно, что такая ситуация характерна не только для современного прогрессивного мира. Например, каждому человеку известна персона Галилео Галилея, однако мало кто знает, что он занимал должность в Пизанском университете, благодаря которой он получал стипендию и имел возможность обучать студентов. Кроме того, он являлся членом академии Линчеи (*dei Lincei*), которая способствовала обсуждению его работ и их дальнейшей публикации. Эти учреждения сыграли решающую роль для карьеры Г. Галилея, как ученого и сделали его великим на все времена.

В оппозицию к открытым средам выступают полузакрытые среды, где существует «порог вхождения», а также специфические требования к умениям и компетенциям участников таких сред. В таком случае возникает вопрос, какие учрежденческие формы можно отнести к полузакрытым средам? В данном исследовании выделяются минимум три вида:

1. Научно-исследовательские учреждения, которые включают в себя деятельность по размещению учёных (кампусы), организации пространства для осуществления педагогической и исследовательской деятельности (предоставление лекторских аудиторий, лабораторий и т. д.). Среди таких учреждений могут встречаться как частные, так и государственные формы хозяйствования.

2. Профессиональные научные общества, способствующие развитию узкоспециализированных аспектов конкретной научной области. Принимает участие в организации мероприятий, способствующих формированию локальных сообществ и коммуникации среди специалистов схожей научной направленности.

3. Финансирующие учреждения (фонды), предоставляющие средства для финансирования научных исследований, которые распределяются на конкурсной основе в виде грантов.

Таким образом, учёный априори мыслиться, как самостоятельная единица, однако реально его деятельность возможна благодаря содействию со стороны вышеназванных учреждений. Другими словами, такие учреждения создают «рамку» для деятельности учёного. В связи со спецификой данного научного исследования, рассмотрим каждый из вышеназванных типов подробно. В данном контексте осмысленным будет обратиться к позиции Ф.А. Хайека: «Утверждение о том, что эффективность наших действий исключительно или преимущественно обязана знанию, которое может

быть выражено словами и, таким образом, может стать явной посылкой силлогизма, попросту ошибочно. Многие общественные институты, представляющие собой необходимое условие успешного достижения сознательных целей, по сути дела, являются результатом обычаев, привычек или установившихся практик, которые не были изобретены и соблюдаются без преследования какой-либо цели. Мы живем в обществе и способны легко ориентироваться в нем, а наши действия с большой долей вероятности приводят к успеху не только потому, что окружающие нас люди руководствуются известными целями или известными соотношениями между средствами и целями, но и потому что мы ограничены также правилами, назначение или происхождение которых нам неизвестно, да и об их существовании мы далеко не всегда догадываемся. Человек – животное, не только преследующее цели, но и следующее правилам. Он добивается успеха не потому, что знает, почему должен подчиняться тем правилам, которые он соблюдает, или хотя бы способен выразить все эти правила словами, а потому, что его действия и мышление подчинены правилам, которые развились в обществе в результате отбора и, таким образом, представляют собой опыт поколений»¹⁰².

Научно-исследовательские учреждения с привычными ныне атрибутами (такими, как лекции и семинарские занятия, научное руководство, профессорские заседания и пр.) существовали не всегда. Например, основанный в 1200-ых годах Кембриджский университет изначально представлял собой учреждение, в котором «мастера» обучали знаниям и навыкам, которые они сами приобрели в процессе своей жизнедеятельности. Само слово «профессор» в его классическом значении берёт своё начало в XVI веке, когда член парламента Генри Лукас в 1663 году учредил должность «Лукасовский профессор математики» в Кембриджском университете. Примечательно, что эта должность позволила всемирно известному учёному Исааку Ньютону официально опубликовать свои фундаментальные работы и дала свободу в исследовании сфер, которые представляли для него повышенный интерес. Таким обра-

¹⁰² Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М., 2006. – С. 30–31.

зом, создание условий для поддержки отдельных ученых в университете стало важным шагом в создании научно-исследовательских учреждений. В качестве ещё одного примера можно рассмотреть ситуацию переписки Альберта Эйнштейна и Франклина Рузвельта во времена Второй Мировой Войны. Согласно одной из теорий, именно аргументы А. Эйнштейна повлияли на создание в 1943 году ряда национальных лабораторий, среди которых до сих пор функционирующая Лос-Аламосская национальная лаборатория. В отличие от предыдущего примера, учёные, работающие в таких лабораториях, были сосредоточены на вопросах разработки атомного оружия и поэтому имели относительную свободу в выборе направления исследований. В 1992 году был подписан Договор о запрещении ядерных испытаний, что позволило национальным лабораториям изменить свои миссии и привлечь большее количество учёных в свои отделы. Таким образом, мы видим, что научно-исследовательские учреждения имеют разную историю происхождения. В современной действительности научные исследования проводятся в коммерческих корпорациях, и более распространены под названием «research and development». Необходимо подчеркнуть, что научно-исследовательские отделы являются неотъемлемой частью современных корпораций и отвечают за те передовые разработки и технологии, которые окружают нас в повседневной жизни. С одной стороны, корпорации продемонстрировали, что тандем между наукой и бизнесом возможен и является необходимым, как для одной, так для другой сферы. С другой стороны, корпорации позволили понять, что они могут создать для науки все необходимые условия, чтобы она могла воспроизводиться в рамках функционирования процессов корпорации так же, как воспроизводится в университетах. Дискуссионной остаётся тема о том, что научные учреждения в структуре корпорации не производят новых знаний (в отличие от университетов), а лишь задействованы в области модернизации и технологии. Сложно отрицать роль ТНК в самоопределении современного учёного. Можно предположить, что корпорации являются даже более привлекательными структурами с точки зрения современного миропорядка. Имущественный комплекс и технологии передовых корпораций во многом превосходит университеты, не говоря об уровне заработной платы. Возможно, именно

поэтому всё чаще можно наблюдать кооперации между университетами и ТНК, которые могут выражаться в грантовых программах, полностью оплачиваемых командировках, программах обмена студентами и специалистами и т. д. В этой связи, не имеет значения, кому именно принадлежат научно-исследовательские учреждения. Важнее то, что они создают возможности для учёных. Однако по-прежнему важно отличать образовательные организации от современных бизнес структур, так как разница между ними фундаментально велика. Абсолютно естественно, что любой бизнес создаётся с целью извлечения прибыли, в то время как в задачи образовательных учреждений входит: формирование у человека мировоззрения, воспитание его личностных качеств, сохранение культурной памяти, расширение границ познания. Именно поэтому нельзя утверждать, что деятельность современных университетов сводится лишь к тому, чтобы подготовить специалиста для его функционирования на рынке товаров и услуг. В данном аспекте важно также понимать, что современные образовательные учреждения можно условно поделить на две категории: классические университеты и рыночно ориентированные образовательные учреждения. Целью первых, как это было отмечено ранее, является процесс образования и воспитания личности (фундаментальный уровень). Целью вторых является передача практических навыков, которые позволяют человек приобрести специализации и быть конкурентным на бирже труда. Необходимо отметить, что возможны и комбинированные сценарии, где классические университеты в своей структуре содержат отдельные профильные учреждения, обладающие возможностью кооперации с ведущими бизнес компаниями из разных отраслей. В частности, такие сценарии особенно распространены в ведущих университетах США.

Профессиональные научные общества. Рассмотренные ранее научно-исследовательские учреждения являются важными каналами поддержания коммуникации для учёных. Однако, когда учёные хотят поделиться результатами своих исследований с более широким кругом научного сообщества, они сталкиваются с ситуацией того, что им необходима поддержка коллег, которая может выражаться в рекомендательном письме, рецензии, или обычной встрече с обсуждением. В этой ситуации сложно переоценить роль профессиональных обществ таких как, например, Американский

геофизический союз – профессиональное научное общество с более чем 45 000 членов из 140 различных стран. Основная миссия подобных обществ заключается в продвижении различных научных разработок путем научного обсуждения, публикации и распространения информации, осуществляемой посредством спонсорских средств. Прародителем подобных профессиональных обществ является (рассмотренное ранее) Лондонское Королевское Общество, образовавшееся из «Оксфордского философского клуба». Благодаря деятельности Королевского общества, сейчас существует и функционирует огромное количество профессиональных научных обществ, которые признают важность коллективности в построении научных систем. Кроме того, это позволяет диверсифицировать научное сообщество на множество самостоятельных обществ, тем самым делегируя им часть ответственности и авторитета в рамках научной деятельности. Из вышесказанного следует вопрос, – каким образом профессиональные общества влияют на судьбу учёного? С одной стороны, профессиональные общества необходимы для того, чтобы учёный смог получить содержательную оценку своих научных разработок. Научный мир строго диверсифицирован, поэтому любому учёному современности необходимо чётко понимать, в какой области он самоопределяется и какими специалистами она представлена. С другой стороны, профессиональные общества играют немаловажную роль в процессе признания учёного за счёт присуждения различных наград и премий (элемент публичности). Так, например, Американское химическое общество ежегодно проводит церемонию награждения выдающихся учёных в 58 различных номинациях. Таким образом, профессиональные общества играют ключевую роль в продвижении и социализации научных разработок передовых ученых и исследователей.

Финансирующие учреждения (фонды). Научно-исследовательские институты и профессиональные общества имеют большое значение для научного прогресса отдельного ученого, однако большинство ученых нуждаются в дополнительной финансовой поддержке из внешних источников. Исторически финансирование научных направлений осуществлялось в рамках личных отношений с богатыми покровителями; например, семья Медичи финансировала работу ряда известных ученых, в том числе Галилея. Да-

лее функция финансирования исторически перешла к государственным структурам, которые позволили развернуться качественно новым учреждениям, таким как, например, Национальный Научный Фонд США. В современных реалиях крупнейшими фондами обладают корпорации, которые так же предлагают свои средства для финансовой поддержки многих ученых. Среди всемирно известных финансирующих учреждения такого типа можно назвать частную некоммерческую организацию «Медицинский институт Говарда Хьюза», выделяющий на биомедицинские исследования до 700 миллионов долларов в год, а также около 80 миллионов финансирование совместных проектов с другими университетами. Так же широко известным является фонд Билла и Мелинды Гейтс, который ежегодно проводит грантовые конкурсы для учёных и научных организаций, определяющихся в рамках здравоохранения. Роль фондов в развитии современной науки невозможно переоценить, так как в большинстве случаев учёный сталкивается лишь с экономическими преградами, которые не позволяют развернуть его исследование далее. Кроме того, часть фондовых учреждений предоставляют свои средства на безвозмездной основе, то есть результаты научных разработок остаются собственностью и достижением его авторов. Это, в свою очередь, демонстрирует феномен сокращения дистанции между наукой и бизнесом, который происходит не во имя развития.

Совокупность вышеназванных учреждений является значимой частью современного научного сообщества: с их помощью ученые взаимодействуют друг с другом, обмениваются идеями, проводят рецензирование статей, обеспечивают финансирование исследований и много другое. В контексте обсуждения роли научных учреждений, следует отметить, что каждое из этих может влиять на направление научного прогресса по-своему. Так, например, федеральные финансирующие агентства могут устанавливать приоритетные направления исследований и ограничивать финансирования только в рамках нужных направлений. Данная политика может быть заимствована и профессорско-преподавательским составом в университетах, который будет разрабатывать нагрузку и программы, ориентированные на требуемые фондом направления. Профессиональные общества, как правило, имеют меньшее влияние на направление исследований, однако имеют тенденцию к ин-

терпретации научных статей и разработок, которые они финансируют. Таким образом, влияние, которое учреждения оказывают на процессы науки, не всегда положительно. Ситуацию так же осложняет критическая оценка СМИ, которая всегда сопровождает неудачные, или же спорные исследования. Среди подобных примеров можно назвать научные исследования, посвящённые вреду табачных изделий; исследования космоса; исследования нано-технологии и т. д.

Итак, резюмируя всё вышесказанное, можно утверждать, что современное научное сообщество невозможно помыслить вне учреждений, которые обеспечивают научный и образовательный процесс. Университеты по-прежнему сохраняют статус «храма знаний», но и не перестают развиваться в соответствии с прогрессивными тенденциями и изменением миропорядка. В этой связи университеты должны восприниматься комплексно, как самостоятельные единицы, которые способны не только к процессу воспроизводства учёных, но и обладают ресурсами для позиционирования себя, как партнёров для крупных компаний, а также мощного игрока, претендующего на место на рынке товаров и услуг. Именно поэтому в рамках данного исследования мы работаем с более широким понятием, а именно: «научно-исследовательские учреждения». Профессиональные общества, избранные нами в качестве второй формы современных учреждений, не являются феноменом XXI века, однако развитие технологий современного мира позволяет им перейти на новый уровень существования в открытом доступе. В этой связи остро стоит вопрос об уровне развития науки в рамках страны, который необходим для перехода профессиональных обществ из привычных форм жизни и деятельности в прогрессивные формы глобального мира.

Рассматривая Россию в данном контексте, следует подчеркнуть, что крупные университеты уже начали создавать собственные целевые фонды и можно смело предположить, что через определённое время они смогут перейти на частичное самофинансирование. Для создания прогрессивных научных сообществ России совсем не обязательно следовать примеру западных стран и слепо использовать их «шаблоны» для реализации вышеназванной цели. В предлагаемом исследовании неоднократно отмечалось, что развитие науки в России происходило и происходит через научные школы,

которые оказываются чрезвычайно успешными в аспекте организации фундаментальных исследований. Однако, в силу объективных экономических и исторических условий, российской науке пока слабо удаётся обеспечивать процесс транзакции научных знаний и специалистов в сферу технологий и производства. Возможно, отчасти это связано с ярко выраженной традицией классического российского образования, чьи цели лежат в области воспитания личности и формирования мировоззрения человека, а не в области личностного экономического обогащения за счёт средств профессионализации. С другой стороны, опыт зарубежных стран позволяет нам понять, что «спрос» на учёного и его научную деятельность формируется, прежде всего, не локальным, а мировым рынком (он формирует тенденции). Абсолютно логичным в этой связи будет утверждение, что языковой барьер просто не позволяет российским учёным самоопределиваться в мировом сообществе. Это ставит перед современным российским учёным проблему выбора – самопредъявляться в локальном российском научном сообществе, или, выучив язык, самоопределяться в мировом научном сообществе. Осознанный выбор последнего часто приводит к такому феномену, который получил в России название – «утечка мозгов».

Анализ научных сообществ тесно связан с изучением современных сред деятельности и кооперации учёных. В этой связи данное научное исследование позволяет оттолкнуться от зарубежного опыта для создания прогрессивной модели научного сообщества России. В этом смысле, Россия должна сохранить собственные традиции классического образования, но обогатить их с помощью зарубежного опыта. В прогрессивной экономике такой подход называется «имовационным» и он гарантирует максимально продуктивные результаты за счёт учёта опыта ошибок других (имитации). Это позволит сохранить ценности системы образования, которой принадлежит ключевая роль в сохранении общества как устойчиво развивающейся духовной целостности в условиях становления глобальной цивилизации.

Заклучение

Данная монография, как говорилось ранее, является расширенной версии прежних философских размышлений о роли и месте авторитета в структурах деятельности науки. На протяжении всего научного повествования, мы стремимся показать, что сам по себе авторитет (как исследовательский объект) не должен быть изолирован какой-либо предметной рамкой. Наиболее оптимальный вариант – это рассмотрение авторитета с разных позиций (политической, социологической, психологической и т. д.), что позволяет сделать философия. Изначально проблематика авторитета в науке была избрана автором в контексте его специализации («международные отношения»), однако со временем стало очевидно, что недостаточно анализировать авторитет в связи с властью и политикой. Сущностные характеристики авторитет проблематично выделить, если не назначить ему (авторитету) место в деятельности. Естественно, что сделать это в буквальном смысле слова нельзя, так как существует реальный риск потери исходного объекта и переход в область социетального. Именно поэтому в начальных параграфах монографии осуществлен анализ авторитета (его форм) в системах воспроизводства знания, процесс формирования которых был раскрыт нами за счёт социально-культурной ретроспективы. Проблематика исследования авторитета актуальна, но имеет естественные ограничения в рамках предметных оснований науки. Единственный способ преодолеть эту ситуацию – это перевод знания об авторитете в мультидисциплинарную сферу, где исследовательская задача заключается в соотнесении («связывании») разных знаний.

Одним из интересных результатов данного исследования является установление примерных временных рамок функционирования «scientific communities». Примечательно, что форм коллективности учёных и мыслителей, с исторической точки зрения, оказалось достаточно много. Поэтому словосочетание «научные сообщества», на первый взгляд, должно охватывать всю историю человечества, но это не совсем так. Изначально мы отталкивались от простого тезиса о том, что научного сообщества не могло быть до формирования науки, однако мы не сомневались в том, что всегда существовали коллективы, чья деятельность развивала представле-

ния и знания о мире. В таком случае, возникал вопрос о их дифференциации, или хотя бы некоторых признаков, по которым мы могли определить их в классы, или же типы. Такая необходимость возникла в следствие изучения авторитета, так как последний (первоначально) являлся некой личностной-социальной характеристикой, а значит и общественной. В монографии были рассмотрены такие известные формы, как «республика учёных» (или «республика писем») и незримые колледжи, научные школы и др. Анализ истории развития вышеназванных общностей позволил понять, что многие современные акторы научной сферы деятельности буквально «выросли» из неформальных общественных объединений учёных, что прекрасно демонстрирует пример «Лондонского Королевского Общества». Необходимо отметить, что первые формы кооперации учёных проблематично анализировать с точки зрения поиска точек бифуркации авторитета, так как они не обладали структурными характеристиками, но, даже в этой ситуации, мы предложили свои собственные модели складывания авторитетных единиц в коллективах и общностях.

Данное исследование содержит специфическую дефиницию, вызванную необходимостью различения нескольких подходов к анализу форм авторитета в рамках функционирования научных коллективов. Первый из них изложен в фундаментальных исследованиях, которые позволили научным сообществам оформиться и закрепиться в отдельное понятие. Задача осмысления и описания философской интенции в рассмотрении научных сообществ оказалась возможной благодаря выделению в отдельную группу таких учёных, как: М. Полани, Т. Кун, С. Тулмин, К. Поппер, И. Лакатос, П. Фейерабенд и др. Именно в их научных работах чётко оформляются, критически разрушаются и вновь создаются фундаментальные концепты деятельности учёного и научного сообщества в целом. Благодаря исследованиям вышеназванных авторов, в данной монографии была сформулирована мысль о базисе понимания научного сообщества и его дальнейшем развитии. Необходимо подчеркнуть, что само понятие («научные сообщества») является достаточно молодым и именно это представляет особый интерес с точки зрения его дальнейшей динамики развития. С другой стороны, динамично развивающаяся индустрия услуг и технологий остро ставит вопрос о форми-

ровании и подготовке таких коллективов, так как будущее экономики многих стран – это именно интеллектуальный ресурс. Вопрос изучения научных сообществ и принципов функционирования/распределения авторитета – это будущее проектной деятельности многих институциональных структур.

Второй не менее важный подход связан с отечественным пониманием форм кооперации учёных. В предоставляемом исследовании нами была определена особенность отечественного подхода, а именно фокусировка на позиции «лидер» и описании её специфических черт и признаков. Лидер отличается от зарубежного «authority» (авторитет), прежде всего тем, что вокруг него складывается научная школа. Следует отметить, что дело тут не в харизматических качествах лидера (что характерно для американской традиции), а его научных разработках и том вкладе в науку, который он осуществил. Научная школа для лидера – это возможность создания уникального поля, в котором будут воспроизводиться уже полученные знания и развиваться новые области, благодаря участникам школы. Другими словами, цикл жизни научной школы тесно связан с жизнью её лидера. В тоже время лидер является безусловным обладателем высокого уровня доверия в рамках научной школы, однако выбор стиля управления остаётся личным делом каждого конкретного лидера. Далее в монографии было продемонстрировано, что понятие научная школа начинает фигурировать в законодательных актах и постановлениях. Это позволило выделить ещё одно институциональное направление, в рамках которого может развиваться знание о научных школах. Одним из важнейших результатов, который был получен в рамках данной исследовательской работы, является новое осмысление научной школы как одного из этапов, который проходит российский учёный, перед тем как вступить во взаимодействие с мировым научным сообществом. Таким образом, научные школы – это не просто абстрактный концепт, а локальный (или малый) уровень существования научного сообщества.

Третий и заключительный подход в понимании форм власти в системах воспроизводства знаний связан с концепциями, изложенными в зарубежной современной научной литературе. Анализ существующих взглядов на авторитет в научном сообществе позво-

лил нам выделить три вектора мысли, по которым двигаются современные теоретики. Первый вектор заключается в рассмотрении языка учёных, с помощью которого они ведут коммуникацию. Суждение ученого в рамках профессиональной среды обладает специфической структурой и значимостью, что позволяет ему продвигаться в коммуникативном дискурсе и за счёт него создать новые и более сложные суждения, тем самым делая процесс распространения информации (суждений) цикличным. Чем чаще учёный работает с суждениями в коммуникации с другими учёными, тем чаще они (суждения) проверяются на «прочность» и, в конце концов, они могут стать авторитетными (как и владелец таких суждений). Другими словами, авторитет в данных коммуникационных моделях находится в руках у того, кто воспроизводит и создаёт суждения, обладающие авторитетом. Второй вектор связан с развитием средств Интернета и рассмотрению его в качестве новой среды существования научных сообществ. Исходя из этого, нами была сформулирована гипотеза, что, благодаря естественному процессу глобализации, научные сообщества постепенно становятся всё более открытыми, а концепция «невидимых колледжей» уходит в тень из-за своей несостоятельности. В данном подходе власть сконцентрирована в руках « сетевого авторитета» – учёного, который самоопределяется в передовых открытых средах и использует их в целях накопления преимуществ (научного капитала) и укрепления собственной научной репутации. Третий подход направлен на рассмотрение кооперации научных структур и бизнеса, что является крайне актуальным в виду развития таких капиталистических форм, как корпорации. Наука – это мощный актор современных экономических отношений, и именно поэтому научные сообщества уже давно вышли за пределы образовательных организаций. Современные экономические организации осознают ценность инновации и научных разработок и именно поэтому обладают своими собственными научными отделами или даже лабораториями. Фундаментально важным здесь является появление такого феномена, как «трансфер учёных». Подобно хоккейным или футбольным клубам, университеты формируют «звёзд» от науки, чьё мастерство выражается в научных публикациях и разработках. Однако, в отличие от спортсменов из клубов, учёный сам выбирает,

осуществлять ли ему трансфер, или же нет. Таким образом, границы научного сообщества определяются возможностью учёного быть мобильным и перемещаться не только внутри университетской среды, но и выходить за её пределы. Звёзды от науки обладают авторитетом потому, что они признаны не только собственной научной средой, но и другими профессиональными средами такими как, например, бизнес.

В монографии были разработаны и представлены три возможные модели распределения авторитета в научном сообществе. В «вертикальной модели» мы рассмотрели иерархию как основной элемент распределения авторитета за счёт создания специальных отношений между административными должностями. В рамках такого понимания научных коллективов уровень авторитета напрямую зависит от занимаемой должности, предполагающей определённый круг полномочий и обязательств. Будучи устроенными таким образом, научные иерархические системы обеспечивают процесс воспроизводства кадров – начиная от студента и заканчивая деканами факультетов и ректором. В исследовании были рассмотрены варианты усложнения данной модели, а именно возможность создания подразделений (малый круг вертикальной модели) с относительной иерархией или с отсутствием таковой вовсе. Дискуссионным местом в данном варианте модели остаётся вопрос о возможности полной автономии, которая уже реализована в бизнес сфере, но пока труднореализуема в сфере функционирования научных институтов. Кроме того, в монографии модель, заданная вертикальными связями, была рассмотрена в качестве наиболее удачной для обеспечения стратегии преемственности.

В спутниковой модели мы выразили отличное от предыдущей схемы понимание мест концентрации авторитета. Нам удалось определить, какими конкретными качествами должен обладать потенциальный наставник, чтобы быть значимым и обладать авторитетом в университетской и образовательной среде (на примере английской традиции наставничества). Кроме того, нами было сформулировано предположение, что спутниковая модель может быть крайне эффективной в условиях развития современных средств и технологий педагогической направленности. Другими словами, спутниковая модель реализует прогрессивную в современном мире форму дистанционного обучения, где авторитет (профессор, или

научный руководитель) физически не может быть рядом с обучающимся. В этом смысле тьюторы являются той позицией, которая обеспечивает как институциональные, так и неинституциональные аспекты воспроизводства научных сообществ. С другой стороны, анализ характеристик тьютора (наставника) показал, что для содержательно верного функционирования такой позиции её обладатель должен уже обладать авторитетом и быть достаточно статусным педагогом и (или) учёным. Спутниковая модель можно противопоставить вертикальной модели, так как в первой борьба и конкуренция либо отсутствует вовсе, либо не заметна. В связи с этим, нами сделан логический вывод, что борьба за авторитет и репутацию является естественным процессом в рамках вертикальной системы, чего нельзя сказать о спокойной спутниковой системе, где тьюторы в основном не прибегают к открытой критике и конфронтации друг с другом.

Отечественная традиция рассмотрения научных школ через анализ характеристик лидера была содержательно развита нами в модели сконцентрированного единства. Благодаря разностороннему подходу было выявлено, что продуктивность научных сообществ зависит от компетенций лидера, в которые входят не только фундаментальные знания (полученные им в ходе собственной научной карьеры), но и организаторские качества в совокупности с инновационными интенциями его деятельности. В современной действительности руководства и управления в университетах вопрос о стимулировании развития компетенций у руководителей стоит особенно остро, так как он связан с качественными показателями научных коллективов, которые, в свою очередь, являются «лицом» университетов. Вышеназванные модели могут быть использованы в дальнейшем, как средство развития уже существующих научных коллективов (или их менеджмента), а также как средство создания новых в динамично развивающемся мире.

Отдельного внимания заслуживают результаты, полученные в ходе изучения аспекта открытых сред (открытого доступа) в структуре деятельности научных издательских домов. Трудно отрицать, что Интернет всё больше проникает в различные среды деятельности человека, тем самым предоставляя огромное количество различной информации в свободное пользование. Наука долгое время считалась сугубо профессиональной деятельностью, которая была

доступа только для тех, кто был «посвящён» в её круги. Гарантом защищённости разработок учёных долгое время выступали различные авторитетные общества, которые закрепили за собой право рецензирования, редактирования и публикации избранных ими научных текстов. С течением времени количество таких организаций выросло, а область научной публикации стала привлекательной с коммерческой точки зрения. Говоря конкретней, в научном сообществе появляется новый актер в виде издательских домов – коммерческих структур, которые предлагают свои услуги по опубликованию научных трудов всех желающих авторов. Благодаря инициативности многих частных компаний, современный мир научных журналов представлен крайне разнообразно, и любой учёный может выбрать, в каком журнале он лично хотел бы разместить свои научные изыскания. Кроме того, каждый научный журнал и издательский дом обладает уровнем доверия, статусом и авторитетом в научном мире, что позволяет взглянуть на авторитет с новых позиций. Рынок научных публикаций, как это свойственно любому рынку с конкуренцией, постоянно усложнялся в аспекте защиты прав собственности авторов и возможностям доступа к полным текстам научных разработок. По-прежнему острой и актуальной темой в аспекте взаимодействия научных сообществ и издательских домов остаётся открытый доступ и средства его реализации, также его влияние на авторитет научных разработок и учёных. Данная проблематика была рассмотрена в монографии с различных точек зрения: начиная от признанного сервиса «Sci-Hub» и заканчивая юридическими основаниями, заложенными в законодательных актах, касающихся открытого доступа. Были выделены шесть авторитетных типов (платиновый, золотой, серебряный, бронзовый, гибридный) существующих направлений политики журналов в области реализации открытого доступа. Автором был выявлен широкий спектр признаков, которые позволяют определить журналы, которые паразитируют на идее открытого доступа. В данном исследовании выдвинуто предположение, что принцип открытого доступа для научных сообществ может быть реализован только крупнейшими журналами, чьи характеристики также рассмотрены и описаны в данной монографии. Выявлены и сформулированы тенденции негативного восприятия открытого доступа, которые в боль-

шинстве случаев связаны с субъективной переоценкой такого показателя, как «импакт-фактор» журнала. Обоснована необходимость отказа крупнейших научных журналов от классических параметров оценки качества и актуальности научных статей, а также намечены дальнейшие возможные области изучения. В целом открытый доступ – уже не просто концепция, а часть той реальности, в которой начали существовать и бороться за авторитет и влияние научные сообщества современности. Данное утверждение подтверждается наличием специальных общностей, которые отстаивают право на свободу доступа к науке, а также частных организации, реализующих в рамках своего функционирования программное обеспечение, позволяющее любому желающему ознакомиться с передовыми разработками любой сферы науки. Вполне возможно, что в дальнейшем в рамках открытой среды Интернет появятся независимые средства оценки деятельности учёных, которые будут являться своеобразным «рефери» в научных спорах и дискуссиях. В данный момент Интернет представляется как огромное поле, где сосуществуют огромные пласты содержательной и несодержательной информации. Именно поэтому отношение к открытым средам в профессиональных сообществах учёных неоднозначно.

Когда мы говорим «научное сообщество», то невольно представляем коллектив учёных в наиболее общих чертах. С одной стороны, это верное представление, если воспринимать сообщество как абстракцию или как невидимую нить, которая связывает всех профессионалов из мира науки. С другой стороны, такое представление не позволяет ответить на вопрос, из каких элементов и позиций состоит такое сообщество и что отличает его от других? Необходимо учесть, что современные сообщества очень сложно дифференцировать только лишь по признаку профессиональной ориентации. Говоря о науке в целом и о научном сообществе, необходимо чётко осознавать, что они тесно переплетены с другими глобальными процессами, такими как процессы конкуренции, виртуализации, регионализации, инновации и др. В данном исследовании открытый доступ рассматривается в качестве феномена – осязаемого и осознаваемого, но неизвестного ранее. Каким образом он будет внедрён в научное сообщество и как он изменит жизнь каждого конкретного учёного и сферы науки в целом – вопросы для даль-

нейшего изучения. Очевидно и то, что глобальные и прогрессивные тенденции также затронули научный мир в действительности акторных взаимоотношений. Как уже было отмечено нами выше, издательские дома (или научные журналы), действующие от имени частных организаций, внедрились в универсальные процессы науки и заняли там своё место в борьбе за власть, плотно укрепившись в позиции посредника между учёным и обществом.

Что такое авторитет? Возможно, это вопрос, ответ на который ищет каждый, кто сталкивается с данной исследовательской проблематикой. Для автора авторитет – это содержательное наполнение функционального места в структуре деятельности. Данное содержание не является универсальным, или же типовым. При работе с таким объектом как авторитет, необходимо двигаться от структур деятельности, при чём не только в морфологическом смысле слова. Абсолютно очевидно, что мир деятельности – это медаль с двумя сторонами, на одной из которых мы можем обнаружить нормы, образцы, знания, эталоны. А на другой стороне находится реальная практика функционирования (со всеми входящими в неё социальными характеристиками). Необходимо помнить, что изображения на сторонах нашей медали неидентичные. Занимающий руководящее положение человек может быть вовсе не авторитетен, как возможна и обратная ситуация. Маловероятно, что критерием оценки авторитета того, или иного субъекта может быть неукоснительное следование нормам и инструкциям (это скорее о профессионализме, или мастерстве, возможно, о нравственности). Авторитет существует скорее на «стыках» нормы деятельности и ситуации её реализации. Конфликты, проблемы, кризисы системы – вот, где могут проявиться цели и возможности человека. Без них он «маскируется» под систему, делая вид, что у них схожие цели. Мы с Вами знаем, что у структур и организаций не может быть никакой цели, поэтому они не имеют самодвижения. Можно ли в таком случае утверждать, что авторитет связан с личностными характеристиками? Да, но только если мы говорим о процессе целеполагания и его обеспечении, то есть вновь анализируем деятельность, а не набор характеристик (смелость, харизма, поставленный голос, жестикация и пр.). Последнее – это атрибутика, внешние проявления, или, в крайнем случае, средства, но никак не содержание (суть)

авторитетных единиц. Здесь следует обозначить дальнейший вектор исследования, а именно: анализ целей и задач авторитета в различных структурах. В качестве материала исследования могут выступать не только научные и образовательные структуры, но и другие системы. Вполне возможно, что это приведёт к возможности создать онтологическую рамку для авторитета в деятельности, или, как минимум, назначить ему (авторитету) место в ней, исходя из актуального контекста развития мира.

В заключение также хотелось бы указать и ряд недостатков представленной работы, чтобы окончательно развеять миф о том, что какое-либо исследование может быть логически завершено. Всё-таки задача научного исследования не рассказать интересную историю, а обнародовать новые результаты, которые могут быть развиты в дальнейшем. При чем не имеет значения, будет ли этап развития связан с критикой, или же поощрением первоисточника (хотя философская традиция доказала, что критическое отношение к содержанию гораздо быстрее двигает науку вперед). Итак, в монографии не были рассмотрены случаи формирования научного авторитета вне коллективов, или в случаях, когда авторитет попадает в ситуацию конфликта с «дочерней» социальной структурой. В исследовании уделено значительное внимание системному представлению авторитета, где он элемент деятельности. Однако больший интерес может представлять движение последнего без прежних структурных связей и взаимоотношений. В качестве второго существенного недостатка, можно назвать представленность схем, а именно их однотипность. В языке инфографики представленные схемы называются «блочными», так как они несут в себе идею взаимосвязи элементов (блоков) и их взаимозаменяемость. Недостаток такого представления в схематизации, с одной стороны, заключается в продолжении кибернетических традиций, где многие процессы подразумеваются как естественные, но на практике являются искусственными (т.е. организуемыми). На схемах позиции заданы абстрактными фигурами, что при детальном рассмотрении порождает вопрос об однородности структур и содержательном наполнении. В рамках методологической традиции остро стоял вопрос о рефлексивной позиции в деятельности. Именно она не изображена на представленных в монографии схемах (несмотря на то, что она

подразумевается). Примечательно, что в данном случае видна разница между моделями в науке и схемами в деятельности. Наконец, третьей недоработкой можно назвать и малое внимание автора к «материалу» в организационной деятельности авторитетных структур. Дело здесь не в поведенческом анализе коллективов в институтах, а в наборе тех методов, программ, технологий и инструментов, которые позволяют социотехническим системам подчиняться заданным целям и быть эффективными. Что происходит в части реализации программных установок авторитетов непосредственно в деятельности? Эти и другие вопросы косвенно ставятся автором в работе, но ответы на них требуют большего эмпирического материала для анализа и, возможно, большего исследовательского опыта.

Список использованных источников и литературы

1. Abrahamson M. The Integration of Industrial Scientists / M. Abrahamson // *Administrative Science Quarterly*. – 1964. – Vol. 9. – №2. – P. 208–218.
2. Anderson K. PLoS squandered opportunity – their problems with the path of least resistance // *The Scholarly Kitchen*. – 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scholarlykitchen.sspnet.org/2010/04/27/plos-squandered-opportunity-the-problem-with-pursuing-the-path-of-least-resistance/>
3. Anderson K. Can mega-journals maintain boundaries when they and their customers align on «publish or perish»? // *The Scholarly Kitchen*. – 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scholarlykitchen.sspnet.org/2014/01/29/can-mega-journals-maintain-boundaries-when-they-and-their-customers-both-embrace-publish-or-perish/>
4. Andrews F.M. Scientific productivity: the effectiveness of research groups in six countries / G. Aichholzer. – Cambridge: University Press, 1979. – 469 p.
5. Aronowitz S. Science as Power: Discourse and Ideology in Modern Society. – University of Minnesota Press, 1988. – 400 p.
6. Avolio B.J. A meta-analytic review of leadership impact research: Experimental and quasi-experimental studies / R.J. Reichard, S.T. Hannah, F.O. Walumbwa [et al.] // *The Leadership Quarterly*. – 2009. – №20. – P. 764–784.
7. Bacharach S.B. Power and Politics in Organizations / E.J. Lawler. – San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1981. – 214 p.
8. Barber B. Science and the Social Order // Glencoe. – 1952. – №5. – P. 126–129.
9. Barnes S.B. The Scientific Ethos: A deviant viewpoint / R.G.A. Dolby // *European Journal of Sociology*. – 1970. – №4. – P. 3–25.
10. Beall J. Criteria for Determining Predatory Open-Access Publishers [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://beallslist.weebly.com/uploads/3/0/9/5/30958339/criteria-2015.pdf>
11. Bentley P. Gender Differences and Factors Affecting Publication Productivity among Australian University Academics // *Journal of Sociology*. – 2012. – №48. – P. 85–103.

12. Berlin Declaration on Open Access to Knowledge in the Sciences and Humanities [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oa.mpg.de/lang/en-uk/berlin-prozess/berliner-erklarung/>

13. Bethesda Statement on Open Access Publishing [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.earlham.edu/~peters/fos/bethesda.htm>

14. Binfield P. Open access megajournals – have they changed everything? // Creative Commons Blog. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://creativecommons.org.nz/2013/10/open-access-megajournals-have-they-changed-everything/>

15. Björk B.C. Developing an effective market for open access article processing charges / D. Solomon. – USA: Michigan, 2014. – №4. – 69 p.

16. Björk B.C. Emerging new methods of peer review in scholarly journals / T. Hedlund // Learned Publishing. – 2015. – Vol. 28. – №2. – P. 85–91.

17. Björk B.C. Have the «mega-journals» reached the limits to growth? // Peer J. – 2015. – Vol. 3. – P. 1–11.

18. Björk B.C. Peer review in megajournals compared with traditional scholarly journals: does it make a difference? / P. Catani // Learned Publishing. – 2016. – Vol. 29. – №1. – P. 9–12.

19. Björk B.C. Article processing charges in OA journals: relationship between price and quality / D. Solomon // Scientometrics. – 2015. – Vol. 103. – №2. – P. 373–385.

20. Bourdieu P. Le champ scientifique // Actes de la recherche en sciences sociales. – 1976. – №2–3. – P. 88–104.

21. Brighton & Hove and Lewes Downs Biosphere Reserve Application / UNESCO // Biosphere reserve nomination form. – 2013. – 146 p.

22. Budapest Open Access Initiative Declaration [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.opensocietyfoundations.org/open-access/read>

23. Burns J.M. Leadership. – New York: Harper Perennial Political Classics, 1978. – 530 p.

24. Burton C.R. The Higher Education Systems: Academic Organization in CrossNational Perspective. – Berkeley: California Press, 1983. – 378 p.

25. Busby L. A matter of size // *The Serials Librarian*. – 2015. – Vol. 69. – P. 233–239.
26. Butler D. Investigating journals: the dark side of publishing // *Nature*. – 2013. – №3. – P. 430–435.
27. Cheny A. Humanisme, esprit scientifique et études byzantines: la bibliothèque de Nicolas-Claude Fabri de Peiresc // *Presses Universitaires de France*. – 2010. – №4. – 198 p.
28. Chi M. T. H. Learning from human tutoring / S.A. Siler, H. Jeong, T. Yamauchi [et al.] // *Cognitive Science*. – 2001. – №25. – P. 471–533.
29. Crane D. Social structure in a group of scientists: a test of the «invisible college» hypothesis // *American Sociological Review*. – 1969. – №34. – P. 335–352.
30. Cronin B. Progress in documentation: invisible colleges and information transfer // *Journal of Documentation*. – 1982. – P. 212–236.
31. Dahl R. *The Concept of Power // Political Power: A Reader in Theory and Research*. – New York: Collier-Macmillan, 1969. – №4. – P. 79–93.
32. Davis W.K. Effects of expert and non-expert facilitators on the small-group process and on student performance / R. Nairn, M.E. Paine, R.M. Anderson // *Academic Medicine*. – 1992. – №3. – P. 470–474.
33. Day D.V. A critical historical analysis of the influence of leader traits / S.J. Zaccaro // *Historical perspectives in industrial and organizational psychology*. – 2007. – №7. – P. 383–405.
34. Dixhoorn A. *The Reach of the Republic of Letters. Literary and learned societies in late medieval and early modern Europe* / S. Sutch – Netherlands: Brill, 2008. – Vol. 168. – P. 1–16.
35. Dolmans D.H. Trends in research on the tutor in problem-based learning: conclusions and implications for educational practice and research. / W.H. Gijsselaers, J.H. Moust, W.S. Grave [et al.] // *Medicine Teach*. – 2002. – №2. – P. 173–180.
36. Dolmans D.H.J.M. Effects of tutor expertise on student performance in relation to prior knowledge and level of curricular structure / H.A.P. Wolfhagen, H.G. Schmidt // *Academic Medicine*. – 1996. – №71 (9). – P. 1008–1011.
37. Erdogan B. Differentiated leader-member exchanges (LMX): The buffering role of justice climate / T.N. Bauer // *Journal of Applied Psychology*. – 2010. – №95. – P. 1104–1120.

38. Erdogan B. Leader-Member Exchange (LMX): Construct evolution, contributions, and future prospects for advancing leadership theory / T.N. Bauer. – Oxford University Press, 2015. – P. 11–30.
39. Eysenbach G. The impact of preprint servers and electronic publishing on biomedical research // *Current Opinion in Immunology*. – 2000. – №4. – P. 499–503.
40. Fein C. Multidimensional journal evaluation of PLOS ONE // *Libri*. – 2013. – Vol. 63. – №4. – P. 259–271.
41. Fiedler F.E. Validation and extension of the contingency model of leadership effectiveness. A review of the empirical findings // *Psychological Bulletin*. – 1971. – №2. – P. 128–148.
42. Fish S. Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities. – Harvard university press, 1980. – 408 p.
43. Fleck L. The Genesis and Development of a Scientific Fact. – Chicago: University of Chicago Press, 1979. – 222 p.
44. Forbes / Gary Hamel: Can Big Firms Be Agile? – 2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/steve-denning/2016/11/27/gary-hamel-can-big-firms-be-agile/#1632dc2a38c5>
45. French J.R.P. The Bases of Social Power / B. Raven // *Studies in Social Power*. – 1959. – P. 150–167.
46. Gargouri Y. Harnad S. Green and gold open access percentages and growth, by discipline / V. Lariviere, Y. Gingras, L. Carr [et al.] // 17th International Conference on Science and Technology Indicators. – Montreal, 2012. – №2. – P. 285–292.
47. Gargouri Y. Self-selected or mandated, open access increases citation impact for higher quality research / C. Hajjem, V. Lariviere, Y. Gingras [et al.] // *PLoS ONE*. – 2010. – doi: 10.1371/journal.pone.0013636.
48. Ghenghesh P. Personal tutoring from the perspectives of tutors and tutees // *Journal of Further and Higher Education*. – 2017. – Vol. 42. – P. –570–584.
49. Gijsselaers W.H. Effects of contextual factors on tutor behavior / P. Ghenghesh // *Teaching and Learning in Medicine*. – 1997. – №9 (2). – P. 116–124.
50. Gray B. Enhancing transdisciplinary research through collaborative leadership // *American Journal of Preventative Medicine*. – 2008. – №2. – P. 124–132.

51. Gresham Jr. From invisible college to cyberspace college: computer conferencing and the transformation of informal scholarly communication networks / L. John // *Interpersonal Computing and Technology: An Electronic Journal for the 21st Century*. – 1994. – №4. – P. 37–52.

52. Hackett E.J. Essential tensions: Identity, control, and risk in research // *Social Studies of Science*. – 2005. – №5. – P. 787–826.

53. Hagstrom W.O. *The Scientific Community* / W.O. Hagstrom. – New York: Basic Books, 1965. – 304 p.

54. Hamad S. The access/impact problem and the green and gold roads to open access / T. Brody, F.O. Vallieres, L. Carr [et al.] // *Serials Review*. – 2004. – №30. – P. 310–314.

55. Henkel M. Current Science Policies and their Implications for the Formation and Maintenance of Academic Identity // *Higher Education Policy*. – 2004. – №17. – P. 167–182.

56. Hiltz S.R. *Online Communities. A Case Study of the Office of the Future*. Publishing Corporation. – New Jersey, 1984. – 256 p.

57. Höhle E. From apprentice to agenda-setter: comparative analysis of the influence of contract conditions on roles in the scientific community // *Studies in Higher Education*. – 2015. – №40 (8). – P. 1423–1437.

58. House R.J. The social scientific study of leadership: Quo vadis? / R. Aditya // *Journal of Management*. – 1997. – №23. – P. 409–474.

59. Ilies R. Leader-member exchange and citizenship behaviors: A meta-analysis / J.D. Nahrgang, F.P. Morgeson // *Journal of Applied Psychology*. – 2007. – №92(1). – P. 269–277.

60. Jacobs S. *Emotion, reason, and tradition, essays on the social, political, and economic thought of Michael Polanyi* / S. Jacobs, R.T. Allen. – Burlington, 2005. – 175 p.

61. Jisun J. Research Productivity by Career Stage among Korean Academics // *Tertiary Education and Management*. – 2014. – №2. – P. 85–105.

62. Jubb M. Peer review: the current landscape and future trends / M. Jubb // *Learned Publishing*. – 2016. – Vol. 29. – №1. – P. 13–21.

63. Katz J.S., What is research collaboration? / R.B. Martin // *Research Policy*. – 1997. – №26. – P. 1–18.

64. Knorr C. Leadership and group performance: a positive relationship in academic research units / D. Karin, R. Mittermei, G. Aichholzer [et al.] // *Scientific productivity: the effectiveness of research groups in six countries*. – Cambridge: University Press, 1979. – P. 95–120.

65. Kornfeld W. The Scientific Community Metaphor / C.E. Hewitt // IEEE Transactions on Systems Man and Cybernetics. – 1981. – Vol. 11. – P. 24–33.
66. Laakso M. The Development of Open Access Journal Publishing from 1993 to 2009 / P. Welling, H. Bukvova, B.C. Bjork [et al.] // PLoS ONE. – 2011. – doi: 10.1371/journal.pone.0020961.
67. Lasswell H.D. Power and Society / A.K. Kaplan. – New Haven: Yale University Press, 1950. – 295 p.
68. Lovejoy A.O. Essays in the History of Ideas. – Johns Hopkins University Press. – 2019. – 380 p.
69. Luhmann N. «Was ist der Fall?» und «Was steckt dahinter?» Die zwei Soziologien und die Gesellschaftstheorie // Zeitschrift für Soziologie. – 1993. – №4. – S. 245–260.
70. Marusic M. Legal regulation of the Croatian Medical Journal: model for small academic journals / D. Bosnjak, S. Rulic-Hren, A. Marusic // Croatian Medical Journal. – 2003. – №5. – P. 663–673.
71. Matzat U. Academic communication and internet discussion groups: what kinds of benefits for whom? // Online-Social Sciences. – 2010. – №7 – P. 397–416.
72. Matzat U. Academic communication and Internet Discussion Groups: transfer of information or creation of social contacts? // Social Networks. – 2004. – Vol. 26. – №3. – P. 221–255.
73. Matzat U. Disciplinary Differences in the Use of Internet Discussion Groups: Differential Communication Needs or trust Problems? // Journal of Information Science. – 2009. – №2. – P. 1–19.
74. Matzat U. Social Networks and Cooperation in Electronic Communities: A Theoretical-Empirical Analysis of Academic Communication and Internet Discussion Groups. – Eindhoven: Thella Publishers. – 2001. – 275 p.
75. Meadows A.J. Communication in science. – London: Butterworths, 1974. – 256 p.
76. Menzel H. Scientific communication: five themes from social science research // American Psychologist. – 1966. – №21. – P. 999–1004.
77. Miller P. Peiresc's Europe. Learning and Virtue in the Seventeenth Century. – New Haven: Yale University Press, 2000. – 252 p.
78. Mößner N. Thought styles and paradigms—a comparative study of Ludwik Fleck and Thomas S. Kuhn // Studies in History and Philosophy of Science. – 2011. – Vol. 42. – Issue 2. – P. 362–371.

79. Moust J.H.C. Facilitating small-group learning: a comparison of student and staff tutor's behavior / H.G. Schmidt // *Instructional Science*. – 1994. – №22. – P. 287–301.

80. Mulkay M. The Mediating Role of the Scientific Elite // *Social Studies of Science*. – 1976. – №6. – P. 445–470.

81. Nature / Ten people who mattered in science in 2019 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.nature.com/immersive/d41586-019-03749-0/index.html>

82. Norman F. Megajournals // *Trading Knowledge Blog*. – 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://occamstypewriter.org/trading-knowledge/2012/07/09/megajournals/>

83. Palonen T. Exploring Scientific communities: Studying Networking Relation within an Educational Research Community. A Finnish Case / E. Lehtinen // *Higher Education*. – 2001. – Vol. 42. – №4. – P. 493–513.

84. Parsons T. *The Social System*. – New York: The Free Press, 1951. – 600 p.

85. Peine A. Challenging Incommensurability: What We Can Learn from Ludwik Fleck for the Analysis of Configurational Innovation // *Minerva*. – 2011. – №4. – P. 489–508.

86. Peirce C.S. Some consequences of four incapacities // *Journal of Speculative Philosophy*. – 1868. – №2. – P. 140–157.

87. Peirce C.S. The fixation of belief // *Popular Science*. – 1877. – Vol. 1. – P. 1–15.

88. Peters G. The Social as Heaven and Hell: Pierre Bourdieu's Philosophical Anthropology // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. – 2012. – Vol. 42. – №1. – P. 63–86.

89. Pinfield S. The «total cost of publication» in a hybrid open-access environment: institutional approaches to funding journal article-processing charges in combination with subscriptions / J. Salter, P.A. Bath // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. – 2015. – Vol. 67. – №7. – P. 1751–1766.

90. Polanyi M. *Meaning* / H. Prosch. – Chicago, 1975. – 260 p.

91. Polanyi M. *Personal knowledge. Towards a post-critical philosophy*. – London, 1958. – 493 p.

92. Polanyi M. *Science, faith, and society*. – Chicago: University of Chicago Press, 1964. – 96 p.

93. Polanyi M. *Scientific Thought and Social Reality: essays.* – New York: International university press, 1974. – 157 p.
94. Polanyi M. *The Contempt of Freedom.* – London, 1940. – 116 p.
95. Polanyi M. *The Stability of beliefs* // *British Journal for the Philosophy of Science.* – 1952. – Vol. 3. – №11. – P. 217–232.
96. Powell K. *Does it take too long to publish research?* // *Nature.* – 2016. – Vol. 530. – №7589. – P. 148–151.
97. Price D. J. de S. *Citation Measures of Hard Science, Soft Science, Technology and Non-science* // *Conference on Communication Among Scientists and Technologists.* – The Johns Hopkins University, 1969. – P. 3–22.
98. Price D.J. de S. *Networks of Scientific Papers* // *Science.* – 1965. – №149. – P. 510–515.
99. Price D. J. de S. *Science since Babylon.* – Yale University Press, 1961. – 149 p.
100. Reif F. *The competitive world of the pure scientist* // *Science. New Series.* – 1961. – Vol. 134. – №3494. – P. 1957–1962.
101. Reif F. *The impact of rapid discovery upon the scientist's career* / F. Reif, A.L. Strauss // *Social Problems.* – 1965. – №12. – P. 297–311.
102. Saha S. *Impact factor: a valid measure of journal quality?* / S. Saint, D.A. Christakis // *Journal of the Medical Library Association (JMLA).* – 2003. – Vol. 91. – №1. – P. 42–46.
103. *Science* // Кто скачивает пиратские статьи? Каждый [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://medach.pro/humanities/politics/sci-hub/>
104. Silver M. *Effects of tutors with subject expertise on the problem-based tutorial process* / L. Wilkerson // *Academic Medicine.* – 1991. – №66 (8). – P. 298–300.
105. Solomon D.J. *A study of open access journals using article processing charges* / B.C. Björk // *Journal of the American Society for Information Science and Technology.* – 2012. – Vol. 63. – №8. – P. 1485–1495.
106. Solomon D.J. *A survey of authors publishing in four megajournals* // *PeerJ.* – 2014. – Vol. 2. – P. 1–15.
107. Suber P. *Praising progress, preserving precision* / *SPARC Open Access Newsletter* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.earlham.edu/~peters/fos/newsletter/09-02-04.htm#progress>

108. Sugimoto C.R. Journal acceptance rates: a cross-disciplinary analysis of variability and relationships with journal measures / V. Larivière, B. Cronin // *Journal of Informetrics*. – 2013. – Vol. 7 – №4. – P. 897–906.

109. Talja S. Information sharing in academic communities: Types and levels of collaboration in information seeking and use // *New Review of Information Behavior Research*. – 2003. – №3. – P. 143–159.

110. Tanner K.D. Order matters: using the 5E model to align teaching with how people learn // *CBE Life Sciences Education*. – 2010. – №2. – P. 159–164.

111. Tanner K.D. Promoting student metacognition // *CBE Life Sciences Education*. – 2012. – №6. – P. 113–120.

112. Tanner K.D. Structure matters: twenty-one teaching strategies to promote student engagement and cultivate classroom equity // *CBE Life Sciences Education*. – 2013. – №3. – P. 322–331.

113. Thelwall M. Do Altmetrics work? Twitter and ten other social web services / S. Haustein, V. Larivière, C.R. Sugimoto // *PLoS ONE*. – 2013. – Vol. 8. – №5. – P. 1–7.

114. Toulmin S. Does the Distinction between normal and revolutionary Science hold Water? // *Criticism and growth of knowledge*. – Cambridge, 1970. – P. 39–47.

115. Turner N. Transformational leadership and moral reasoning / J. Barling, O. Epitropaki, V. Butcher [et al.] // *Journal of Applied Psychology*. – 2002. – №2. – P. 304–311.

116. United States District Court, District of Massachusetts // *United States of America v. Aaron Swartz Indictment Document* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://s3.documentcloud.org/documents/217115/20110719-schwartz.pdf>

117. Wakeling S. Open-access mega-journals: a bibliometric profile / P. Willett, C. Creaser, J. Fry [et al.] // *PLoS ONE*. – 2016. – Vol. 11. – №11. – P. 1–26.

118. Walsh J.P. Collaboration structure, communication media, and problems in scientific work teams / N.G. Maloney // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 2007. – №12. – P. 712–732.

119. Walsh J.P. Computer Networks and Scientific Work / T. Bayma // *Social Studies of Science*. – 1996. – №26. – P. 661–703.

120. Walsh J.P. Scientific communication and scientific work: a survey of four disciplines // *Internet Research*. – 1998. – №4. – P. 363–366.

121. Ware M. Peer review: recent experience and future directions // *New Review of Information Networking*. – 2011. – Vol. 16. – №1. – P. 23–53.
122. Ware M. Submission fees – a tool in the transition to open access? – Bristol, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.markwareconsulting.com/wordpress/wp-content/uploads/2010/12/KE_Submission_fees_Short_Report_2010-11-25-1.pdf
123. Wilson C.M. Reliability of testimonial norms in scientific Communities // *Synthese*. – 2014. – Vol. 191. – P. 55–78.
124. Wiser J. The future of serials: a publisher's perspective // *Serials Review*. – 2015. – Vol. 40. – №4. – P. 238–241.
125. Zhang Z.Q. The making of a mega-journal in taxonomy // *Zootaxa*. – 2006. – Vol. 1385. – №1. – P. 67–68.
126. Zoltan A.J. Innovation in Large and Small Firms: An Empirical Analysis / Z.Q. Zhang, D.B. Audretsch // *American Economic Review*. – 1988. – №78. – P. 678–690.
127. Zucker L.G. Commercializing Knowledge: University Science, Knowledge Capture, and Firm Performance in Biotechnology / M.R. Darby, J. Armstrong // *Management Science*. – 2002. – №48 (1). – P. 138–153.
128. Zucker L.G. Star Scientist Linkages to Firms in APEC and European Countries: Indicators of Regional Institutional Differences Affecting Competitive Advantage / M.R. Darby // *International Journal of Biotechnology*. – 1999. – №1. – P. 119–131.
129. Zucker L.G. Star Scientists and Institutional Transformation: Patterns of Invention and Innovation in the Formation of the Biotechnology Industry / M.R. Darby // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 1996. – №93. – P. 12709–12716.
130. Zucker L.G. Torero M. Labor Mobility from Academe to Commerce / M.R. Darby // *Journal of Labor Economics*. – 2006. – Vol. 20. – №3. – P. 629–660.
131. Александров Д.А. Научные школы как социальные сети // *Академические научные школы Санкт-Петербурга*. – 1998. – С. 11–18.
132. Арпентьева М.Р. Научные школы в истории научного творчества // *Время науки – The Times of Science*. – 2015. – №4.
133. Бажанов В.А. Математическое доказательство, как форма апелляции к научному сообществу // *Эпистемология и философия науки*. – 2011. – №2. – С. 36–54.

134. Бажанов В.А. Научные открытия и специфика их оценки и ассимиляции // Вопросы истории естествознания и техники. – 2007. – №3. – С. 179–185.

135. Баранец Н.Г. Критика как инструмент проявления власти в научном сообществе / А.А. Аверькова, А.В. Никишкина // Власть. – 2011. – №9. – С. 77–79.

136. Баранец Н.Г. Организация науки в университетах и научные сообщества в XIX – начале XX века / А.Б. Верёвкин // Симбирский научный вестник. – 2011. – №1 (3). – С. 160–166.

137. Баранец Н.Г. Значение власти для выработки норм в научном сообществе / О.В. Ершова, Е.В. Кудряшова // Власть. – 2011. – №7. – С. 55–57.

138. Бобкова М.С. Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении // Новая и новейшая история. – 2006. – №6. – С. 215–217.

139. Борисова В.В. Научная школа Р.Г. Назирова // Назировский архив. – 2014. – №1 (3).

140. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. – 576 с.

141. Бэкон Ф. Великое Восстановление Наук. Новый Органон. – М.: Мысль, 1977. – 557 с.

142. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. – М.: Наука, 1983. – 344 с.

143. Володарская Е.М. Научная школа как объект идентификации ученых. – М.: ИИЕТ, 1996. – 152 с.

144. Гадамер Х.Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

145. Грезнева О. Научные школы: принципы классификации // Высшее образование в России. – 2004. – №5. – С. 42–43.

146. Дежина И. Г. Тенденции развития научных школ в современной России / И.Г. Дежина, В.В. Киселёва. – М.: ИЭПП, 2009. – 164 с.

147. Дежина И.Г. Ведущие научные школы – российский феномен? / С.В. Егерев // Капитал страны. Федеральное интернет-издание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kapital-gus.ru/articles/article/992>

148. Дюментон Г.Г. Сети научных коммуникаций и организация фундаментальных исследований: монография / Г.Г. Дюментон; под. общ. ред. В.А. Ядова. – М.: Наука, 1987. – 203 с.

149. Здравомыслов А.Г. Национальные социологические школы в современном мире // *Общественные науки и современность*. – 2007. – №5. – С. 114–130.
150. Исаев Р.О. Научное сообщество как предмет анализа: история изучения вопроса / А.А. Шестаков, Т.Г. Стоцкая // *Право и практика*. – 2016. – №2. – С. 187–195.
151. Касавин И.Т. Мир науки и жизненный мир человека // *Эпистемология и философия науки*. – 2005. – №3 (5). – С. 5–11.
152. Касавин И.Т. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Л.А. Маркова, Ю.С. Моркина; под. общ. ред. И.Т. Касавина. – М.: Канон, 2010. – 712 с.
153. Кёйпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. – М.: Наука, 1986. – 196 с.
154. Клаус Г. Кибернетика и философия. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1963. – 585 с.
155. Клименко Л.А. Научная школа П.Г. Костюка // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2015. – №9–10.
156. Коллинз Р. Анализ интеллектуальных сетей и русская мысль в европейском контексте // *Отечественные записки*. – 2002. – №3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_18.html
157. Кун. Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
158. Куперштох Н.А. Научные школы России и Сибири: проблемы изучения // *Философия науки*. – 2005. – Т. 2 (25). – С. 93–108.
159. Лазар М.Г. Социология и этика науки в России: прошлое и настоящее. – СПб.: РГГМУ, 2012. – 262 с.
160. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995. – 475 с.
161. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. – СПб.: Изд-во Европейского университета, 2013. – 414 с.
162. Лекторский В.А. Методологический анализ науки (типы и уровни) / В.А. Лекторский, В.С. Швырёв // *Философия. Методология. Наука*. – 1972. – С. 7–44.
163. Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. – М.: Институт психологии РАН, 1998. – 204 с.

164. Лепский В.Е. Моделирование и поддержка сообществ в Интернет / А.Г. Рапуто. – М.: Институт психологии РАН, 1999. – 96 с.

165. Лепский В.Е. О влиянии структур – «лидер – последователи» на эффективность групповой деятельности / М.А. Новиков, В.Ф. Рубахин // Материалы V Всесоюзной конференции по инженерной психологии. – М.: Институт психологии АН СССР, 1979. – №3. – С. 130–131.

166. Лефевр В.А. Исходные идеи логики рефлексивных игр // Материалы конференции «Проблемы исследования систем и структур». – М.: Издание АН СССР, 1965.

167. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. – М.: Советское радио, 1973. – 158 с.

168. Лефевр В.А. Лекции по теории рефлексивных игр. – М.: Когито-Центр, 2009. – 218 с.

169. Маркова Л.А. Мышление учёного вчера и сегодня. – М.: Инфра-М, 2012 – 352 с.

170. Мёртон Р.К. Эффект Матфея в науке, II. Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. – 1993. – №3. – С. 256–276.

171. Мёртон Р.К. Наука и социальный порядок // Вопросы социальной теории. – 2007. – №1. – С. 191–207.

172. Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. – М.: Канон, 2009. – 374 с.

173. Мирская Е.З. Научные школы как форма организации науки // Науковедение. – 2002. – №3. – С. 8–24.

174. Мирская Е.З. Старение научного знания // Новые научные направления и общество. – 1983. – №4. – С. 84–100.

175. Москвина Л.П. Научная школа К.Н. Санукова / Л.П. Москвина, С.К. Свечников // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2016. – №3 (7).

176. Несветайлов Г.А. Жизненный цикл научного направления и интенсификация фундаментальных исследований // Вестник АН СССР. – 1987. – №4. – С. 68–74.

177. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М.: Транспорт, 1995. – 302 с.

178. Паспорт нац. проекта «Наука» // Официальный сайт Правительства РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/info/35565/>
179. Парсонс. Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
180. Пельц Д. Ученые в организациях / Д. Пельц, Ф. Эндрюс. – М.: Прогресс, 1973. – 465 с.
181. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. – М.: Прогресс, 1985. – 343 с.
182. Поппер К. Логика научного исследования. – М.: Республика, 2004. – 447 с.
183. Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания. – М.: Ермак, 2004. – 638 с.
184. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 апреля 2005 г. №260 «О мерах по государственной поддержке молодых российских ученых – кандидатов наук и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации».
185. Пружини Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. – 424 с.
186. Пурынычев М.Ю. Авторитет и традиции в теории и практике принятия решений: дис. ... кан. фил. наук: 09.00.01. – М., 2013. – 171 с.
187. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. – Смоленск, 2006. – 438 с.
188. Розов Н.Х. Понятие «научная школа» и проблема финансирования науки в России // Педагогика. – 2007. – №8. – С. 102–106.
189. Свой бизнес / Рикардо Семлер: предприниматель, не желающий ничего контролировать [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mybiz.ru/articles/leaders/rikardo-semmler-predprinimatel-ne-zhelayushhij-nichego-kontrolirovat/>
190. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: РХГИ, 2001. – 240 с.
191. Сокулер З.А. Методология гуманитарного познания и концепция «власти – знания» Мишеля Фуко // Философия науки. – М.: ИФ РАН, 1998. – С. 174–182.

192. Соловьёва С.В. На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти», в рамках которой реализуется проект позитивного исследования и критики власти: монография. – Самара: Самарский Ун-т, 2009. – 248 с.

193. Солодухо М.Н. Методология ситуационного подхода в научном познании // *Фундаментальные исследования*. – 2005. – №8. – С. 85–87.

194. Степанов А.А. Онтогносеологическая концепция авторитета: дис. ... д-ра фил. наук: 09.00.01. – Томск, 2002. – 324 с.

195. Тайсина Э.А. Очерки новой гносеологии. Очерк I. Основная синтагма: наложение принципов систематизации философского знания. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2009. – 117 с.

196. Торосян В.Г. История образования и педагогической мысли. – М.: Владос-Пресс, 2006. – 351 с.

197. Тулмин С. Выдерживает ли критику различие нормальной и революционной науки? // *Философия науки*. – 1999. – Вып. 5. – С. 246–257.

198. Тулмин С. Человеческое понимание. – М.: Прогресс, 1984. – 328 с.

199. Устюжанина Е.В. Научная школа как структурная единица научной деятельности / Е.В. Устюжанина, С.Г. Евсюков, А.Г. Петров [и др.]. – М.: ЦЭМИ РАН, 2011. – 75 с.

200. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.

201. Филатов В.П. Научное познание и мир человека / В.П. Филатов. – М.: Политиздат, 1989. – 270 с.

202. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Магистериум-Касталь, 1996. – 448 с.

203. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М.: Практикс, 2002. – 384 с.

204. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.

205. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М., Республика 1993. – С. 41–63.

206. Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 644 с.

207. Шапошник В.А. Научная школа: эволюция понятия // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Естеств. науки. – 2018. – №3.
208. Шестаков А.А. Онтология познания: пролегомены к субъектно-гуманистической модели когнитивного процесса. – Самара: Изд-во СГАСУ, 2004. – 159 с.
209. Шматко Н.А. Введение в социоанализ Пьера Бурдьё. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
210. Шустяков В. Школа наставников откроется в Сочи // Официальный сайт «Сколково». – 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sk.ru/news/b/pressreleases/archive/2018/02/21/shkola-nastavnikov-otkroetsya--v-sochi.aspx>
211. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление. Идеология, методология, технология. – Студия Артемия Лебедева, 2014. – 466 с.
212. Щедровицкий Г.П. Проблемы исследования систем и структур. – М.: Шк. Культ. Политики, 1965.
213. Щедровицкий Г.П. Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии. – Обнинск, 1974.
214. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1959. – 432 с.
215. Ярошевский М.Г. Школы в науке / М.Г. Ярошевский, С.Р. Микулинский, Г. Креб, Г. Штейнер. – М.: Наука, 1977. – 523 с.

Научное издание

Исаев Роман Олегович

**АВТОРИТЕТ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ:
СМЫСЛ, ПОНИМАНИЕ, ЗНАНИЕ**

Монография

Чебоксары, 2020 г.

Редактор *Р.О. Исаев*

Компьютерная верстка и правка *Е.В. Кузнецова*

Дизайн обложки *Н.В. Фирсова*

Подписано в печать 18.09.2020 г.

Дата выхода издания в свет 02.10.2020 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times. Усл. печ. л. 10,4625. Заказ К-714. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»

428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12

+7 (8352) 655-731

info@phsreda.com

<https://phsreda.com>

Отпечатано в Студии печати «Максимум»

428005, Чебоксары, Гражданская, 75

+7 (8352) 655-047

info@maksimum21.ru

www.maksimum21.ru